Роман в письмах

Любящий Вас Сергей Есенин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Любящий Вас Сергей Есенин» – так подписывал Сергей Александрович большинство своих писем. «Твоя навеки», «Люблю тебя, ангел и черт», – отвечали Есенину влюбленные в него женщины, отвечала Айседора Дункан.

История знакомства и любви, жизни и смерти поэта Сергея Есенина и танцовщицы Айседоры Дункан не увлекательный роман, а цепь трагических обстоятельств, приведших сначала его, а через два года и ее к неминуемой гибели.

Есенин и Дункан – пожалуй, нельзя придумать двух более не подходящих друг другу людей. Разница в возрасте, невозможность разговаривать без переводчика – Айседора не знала русского, Есенин не желал учить какой-либо другой язык. Добавьте к этому воспитание, круг общения, опыт…

И все же они были предназначены друг для друга. Два гения в мире людей, два поэта-идеалиста в мире победившего материализма. Они разговаривали друг с другом на языке любви, и, по многочисленным свидетельствам, с первой секунды встречи «невозможно было поверить в то, что эти двое видят друг друга впервые».

- Юлия Андреева
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1. Суженный
  - ○ Глава 2. Верная Галя
  - ○ Глава 3. Роковая встреча
  - ○ Глава 4. Дуська с пречистенки
  - ○ Глава 5. Общий язык
  - ○ Глава 6. Первый дар
  - ○ Глава 7. Записки на зеркале
  - ○ Глава 8. Свадебный переполох
  - ○ Глава 9. Брак
  - ○ Глава 10. В дороге
  - ○ Глава 11. Мозаичный портрет
  - ○ Глава 12. Берлинские встречи
  - ○ Глава 13. Луна-парк
  - ○ Глава 14. Мужчина с прошлым и женщина без будущего
  - ○ Глава 15. Есенин и журналисты
  - ○ Глава 16. Когда поют финансы
  - ○ Глава 17. Париж

- Глава 18. США
- Глава 19. Прощай, Америка
- Глава 20. Скатертью дорожка
- Глава 21. Возвращение
- Глава 22. Разлука
- Глава 23. Миклашевская
- Глава 24. Время разбрасывать камни
- Глава 25. Извините за шум
- Глава 26. Укатали сивку
- Глава 27. Анна Абрамовна – серый кардинал
- Глава 28. В плену страстей
- Глава 29. Дорогие воспоминания
- Глава 30. Последнее прости…
- Глава 31. Как с гуся вода
- Глава 32. Фрагменты мозаики
- Глава 33. Поэтический террор
- Глава 34. Софья Толстая – жена на час
- Глава 35. Последний путь
- Эпилог
- Используемая литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

Юлия Андреева
Любящий Вас Сергей Есенин

© Андреева Ю.И., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Осенью 1923 года в редакционную комнату «Красной нови» вошел сухощавый, стройный, немного выше среднего роста человек лет двадцати шести – двадцати семи. На нем был совершенно свежий, серый, тонкого английского сукна костюм, сидевший как-то удивительно приятно. Перекинутое через руку пальто блестело подкладкой. Вошедший неторопливо огляделся, поставил в угол палку со слоновым набалдашником и, стягивая перчатки, сказал тихим, приглушенным голосом:

– Сергей Есенин. Пришел познакомиться.

А. К. Воронский[1]. «Есенин в воспоминаниях»

Глава 1. Суженный

> *Все люди на свете делятся на поэтов и непоэтов, – пишет Александр Раткевич[2] в своей работе «Есенин и Дункан». – Поэты мешают жить непоэтам. Непоэты мешают поэтам. Первые раздражают вторых. И наоборот. А ведь планета одна, и приходится им жить вместе. Но как трудно им ужиться. Особенно когда (для большинства – вдруг) выясняется, что и поэты, и непоэты смертны, то есть равны…*

Есенин и Дункан – об этой паре можно утверждать, что они не подходили друг другу в той же степени, в которой были предназначены друг для друга. Разница в возрасте, невозможность разговаривать без переводчика: Айседора не знала русского, Есенин не желал учить какой-либо другой язык. Добавьте к этому воспитание, круг общения опыт…

И все же они были предназначены друг для друга. Два гения в мире людей, два поэта-идеалиста в мире победившего материализма. Они разговаривали друг с другом на языке любви, и, по многочисленным свидетельствам, с первой секунды встречи «невозможно было поверить в то, что эти двое видят друг друга впервые»[3].

> *Была страсть, и большая страсть. Целый год это продолжалось, а потом все прошло, и ничего не осталось, ничего нет. Когда страсть была, ничего не видел, а теперь… Боже мой, какой же я был слепой, где были мои глаза. Это, верно, всегда так слепнут*[4].

Айседоре неоднократно за свою жизнь приходилось прибегать к услугам гадалок, астрологов и медиумов. Ничего удивительного, Америка ее детства в буквальном смысле слова кишела всевозможными прорицателями и предсказателями. В газетах публиковались гороскопы и краткие курсы астрологии и гадания. Достаточно было выйти из дома и сделать несколько шагов, как на глаза попадался либо клуб медиумов, куда за скромную плату мог пройти каждый, либо курсы наращивания биополя. Те из наших читателей, которые застали знаменитую пору России 90-х, с легкостью обнаружат узнаваемые параллели.

В своей книге Айседора рассказывает, что, перечитывая в юношеском возрасте стихи своего отца, она обнаружила в одном из них пророчество о полном и окончательном разорении,

которое его в конце концов и постигло.

«Любовь можно назвать взглядом души в момент, когда она способна смотреть на бессмертную красоту». (Айседора Дункан)

Сама Айседора занималась самовнушением по популярной в то время системе Куэ, притягивающей в жизнь богатство и положительные события:

– Так не может продолжаться! Я перебрала по моему банковскому счету Надо найти миллионера, чтобы школа продолжала существовать! – возмущается Дункан в

своей книге.

Случайно высказанное желание стало меня преследовать.

– Я должна найти миллионера! – повторяла я сто раз на дню сначала в виде шутки, а затем, по системе Куэ, совершенно серьезно.

Однажды утром после особенно удачного спектакля я сидела в пеньюаре перед зеркалом. Помню, что волосы мои были в папильотках для предстоящего дневного спектакля, а голову покрывал маленький кружевной чепчик. Горничная подала мне визитную карточку, на которой я прочла хорошо известное имя, и вдруг в моем мозгу что-то запело: «Вот мой миллионер!»[5].

Я привожу здесь этот фрагмент как свидетельство того, что Айседора была не просто творческой и восприимчивой натурой, она могла придумать идею, и затем эта идея воплощалась в ее жизни.

Айседора верила снам и приметам, считывая явные и едва уловимые знаки в меняющемся рисунке реальности.

Согласно ее же воспоминаниям, Дункан узнала о том, что беременна вторым ребенком, увидев лицо своего будущего сына в куполе храма, и уж потом обратилась к доктору за подтверждением догадки.

Однажды я пошла в собор Святого Марка и сидела там одна, глядя на голубой с золотом купол. Вдруг мне показалось, что я вижу лицо мальчика, которое в то же время было лицом ангела с большими голубыми глазами и золотыми волосами[6].

Впрочем, узнав о беременности пациентки, врач, друг Дункан и большой ее поклонник, потребовал незамедлительно избавиться от плода.

Зачем? Отцом ребенка является известный миллионер Парис Зингер[7], который гарантированно позаботится о своем наследнике и его матери. Айседора молода и здорова…

Тем не менее, доктор настаивает на аборте.

– Это возмутительно! – вскричал он. – Вы, единственная в своем роде артистка, будете снова рисковать лишить навсегда мир вашего искусства. Это совершенно невозможно. Послушайтесь моего совета и откажитесь от этого преступления против человечества.

Я попросила моего друга дать мне час на размышление. Как сейчас помню спальню в гостинице, довольно мрачную комнату и висевшую на стене передо мной картину – необыкновенную женщину в платье восемнадцатого века, жестокие, но прекрасные глаза которой прямо глядели в мои. Я смотрела ей прямо в глаза, и они как будто смеялись надо мной. «Что бы вы ни решили, – казалось, говорили эти глаза, – все клонится к одному. Взгляните на мою красоту, сиявшую столько лет тому назад. Смерть поглощает все, все. Зачем же вам вновь страдать, чтобы дать жизнь существу, которое будет все равно унесено смертью?»[8].

За год до трагической гибели детей Айседора будет повсюду видеть маленькие гробы, а потом вдруг создаст танец-спектакль на музыку похоронного марша Шопена. На сцене она изобразит мать, хоронящую собственных детей.

– Сыграйте «Похоронный марш» Шопена.

– Но почему? – удивился он[9]*, – вы ведь его никогда не танцевали?*

– Не знаю – сыграйте!

Я так упорствовала, что он согласился, и я протанцевала марш. Я изображала женщину, идущую медленными неуверенными шагами и несущую своих умерших детей к месту последнего упокоения. Я показала опускание тел в могилу, расставание духа со своей темницей – плотью – и стремление его ввысь к свету – к воскресению.

Когда я кончила и занавес опустился, наступила странная тишина. Я взглянула на Скина. Он был мертвенно бледен, дрожал, и его руки, пожавшие мои, были холодны как лед.

– Никогда не заставляйте меня играть это, – попросил он. – Сама смерть коснулась меня своим крылом. Я даже вдыхал запах белых цветов – погребальных цветов – и видел детские гробы, гробы…[10]

Тем не менее еще не раз Айседора исполнит страшный танец, неизменно ощущая на себе холодное дыхание подкрадывающегося несчастия.

А вот и другое гадание, теперь по руке. Знаменитый художник Лев Николаевич Бакст[11] в свободное от работы время увлекался хиромантией. Однажды он гадал и Айседоре:

За столом Бакст сделал с меня набросок, который теперь появился в его книге; на нем я изображена с очень серьезным выражением лица и с кудрями, сентиментально спускающимися с одной стороны. Удивительно, что Бакст, обладавший некоторым даром ясновидения, гадал мне в этот день по линиям руки и, указав на два креста, сказал: «Вы достигнете славы, но потеряете два существа, которых любите больше всего на свете». Это пророчество было для меня тогда загадкой[12].

Пройдет несколько лет, и Айседора снова увидит два загадочных креста, на этот раз в своем новом доме, построенном на деньги Зингера, на дверях ее роскошно убранного будуара. Увидит, но, разумеется, даже не посмеет догадаться о смысле страшного знака.

И еще пройдет время, и уже после смерти детей, когда она приедет с братом в Венецию, дабы хоть немного отвлечься и сменить обстановку, волею судьбы танцовщица окажется в той самой гостинице и той самой комнате с портретом ужасной дамы. Судьба…

А вот еще одно описание сеанса гадания от нашей героини, произошедшего перед поездкой в Россию:

Перед отъездом из Лондона я зашла к гадалке, которая сказала: «Вы едете в далекое путешествие. Вас ждут странные переживания, неприятности. Вы выйдете замуж…».

Но при слове «замуж» я прервала ее слова смехом. Я? Я всегда была против брака и никогда не выйду замуж. «Подождите, увидите», – возразила гадалка[13].

Несмотря на то что Айседора покинула гадалку, не дослушав пророчество, мысль о том, что в России, которую она всегда любила и где ее хорошо принимали, ее ждет не рядовая интрижка и даже не очередной увлекательный роман, а самое настоящее замужество со штампом в паспорте, не оставляло ее, приятно будоража разыгравшееся воображение.

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.
Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венок из повилик.
Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной.
На березке пообъедена кора, —

Выживают мыши девушку с двора.
Бьются кони, грозно машут головой, —
Ой, не любит черны косы домовой.
Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.
Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

(С. Есенин)

Итак, она ждала человека, который сумеет перевернуть ее представления о браке, Айседора была яркой противницей каких-либо обязательств, считая замужество унижением и рабством для женщин. Следовательно, в Россию она ехала не только открывать школу танца, но и ждала этого нового вызова судьбы, как жертва на алтаре ждет ножа жреца.

В спальной Дункан на стене висела картина – три ангела играют на скрипках, один из этих ангелов, как выяснилось позже, был вылитый Есенин! – рассказывает секретарь Айседоры Илья Шнейдер[14]*. – Однажды я видел, как Айседора Дункан, сидя с книжкой на своей кровати, отложила ее и, нагнувшись к полу, чтобы надеть туфлю, подняла руку и погрозила кулаком трем ангелам со скрипками, смотревшим на нее с картины, висевшей на стене.*

Впрочем, может быть, этот жест имел свою причину: Айседора утверждала, что один из трех ангелов – вылитый Есенин. Действительно, сходство было большое.

«Вдруг мне показалось, что я вижу лицо мальчика, которое в то же время было лицом ангела с большими голубыми глазами и золотыми волосами». (Айседора Дункан)

Глава 2. Верная Галя

А, собственно, кем была Есенину Галина Бениславская?[15] Литературным секретарем, домработницей, нянькой; по словам сестры Сергея Александровича, Шуры[16], один раз Есенин даже представлял Галю своей женой. Впрочем, они не собирались регистрировать отношения сначала до знакомства с Айседорой, а затем, когда уже после затянувшейся зарубежной поездки Сергей сбежал от супруги и какое-то время жил у Гали, после чего женился на Софье Толстой[17].

> *Есенин жил в Брюсовском переулке, во дворе, против дома, в котором живут сейчас работники Большого театра, в небольшой квартирке из двух комнат, принадлежавшей Гале Бениславской, которая потом, позже, застрелилась на могиле Есенина, – подтверждает сведения Всеволод Иванов*[18]*. – Он вставал рано, ровно в девять. На стол ему подавали самовар и белые калачи, которые он очень любил.*
>
> *– Потчую по-приятельски, а гоню по-неприятельски.*
>
> *– Теперь, после нашего рязанского чая, попробуй-ка кавказского, – и он доставал из-под стола бутылку с красным вином.*

Первый раз Бениславская увидела Есенина, когда он читал свои стихи, и влюбилась. В Есенина, в стихи… А потом вдруг они столкнулись в книжной лавке на Никитской, куда Галя забежала с подругой. Слово за слово, так и познакомились.

> *… С того дня у меня в «Стойле»*[19] *щеки всегда как маков цвет, – рассказывает Галина Бениславская в своей работе «Воспоминания о Есенине». – Зима, люди мерзнут, а мне хоть веером обмахивайся. И с этого вечера началась сказка. Тянулась она до июня 1925 года. Несмотря на все тревоги, столь непосильные моим плечам, несмотря на все раны, на всю боль – все же это была сказка. Все же это было такое, чего можно не встретить не только в такую короткую жизнь, но и в очень длинную и очень удачную жизнь.*
>
> *С тех пор пошли длинной вереницей бесконечно радостные встречи то в лавке, то на вечерах, то в «Стойле». Я жила этими встречами – от одной до другой. Стихи его захватили меня не меньше, чем он сам.*

Поэтому каждый вечер был двойной радостью: и стихи, и он.

И еще оттуда же.

…Когда Сергей Александрович переехал ко мне (это произошло, когда Айседора поехала на гастроли по Кавказу и Крыму), ключи от всех рукописей и вообще от всех вещей дал мне, так как сам терял эти ключи, раздавал рукописи и фотографии, а что не раздавал, то у него тащили сами. Он же замечал пропажу, ворчал, ругался, но беречь, хранить и требовать обратно не умел.

Галя ненавидела Айседору, страшно переживала уход любимого к очередной, как она считала, неподходящей ему женщине. У Есенина поочередно случались романы с ее подругами, которые так же, как Галина, боготворили поэта. Потом вдруг появилась начальственная дама с весьма фривольными наклонностями, Анна Абрамовна Берзинь[20]. Когда же спустя годы близкого знакомства и доверенной дружбы Есенин вдруг ни с того ни с сего снова женится на Софье Толстой, возмущению секретарши Гали не было предела.

Из дневника Галины Бениславской:

«Погнался за именем Толстой – все его жалеют и презирают, не любит, а женился… даже *она сама говорит, что, будь она не Толстая, ее никто не заметил бы… Сергей говорит, что он жалеет ее. Но почему жалеет? Только из-за фамилии. Не пожалел же он меня. Не пожалел Вольпин*[21]*, Риту*[22] *и других, о которых я не знаю… Спать с женщиной, противной ему физически, из-за фамилии и квартиры – это не фунт изюму. Я на это никогда не смогла бы пойти…»*

Желая свести счеты с жизнью, Галина выбрала дневное время. Впрочем, зимой на кладбище обычно мало народу, вряд ли кто-нибудь помешает. Она долго стояла, нависая над могилой любимого человека, на которую сама же положила букет цветов. Нервничала, курила папиросу за папиросой. Она знала, что сделает по задуманному, но не была уверена, что в последний момент не раскается в содеянном, говорят, оказавшись у могильной черты, человек цепляется за жизнь.

С собой Галина взяла документы: ни к чему создавать милиции проблемы с опознанием трупа. Разорвав пачку папирос «Мозаики», она накарябала на ней предсмертную записку.

«Самоубилась здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина… Но ему и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое… – подумав, добавила дату, – 3 декабря 1926 года».

После чего Галя достала револьвер и нож финку. Дописала: «Если финка будет воткнута после выстрела в могилу – значит, даже тогда я не жалела. Если жаль – заброшу ее далеко».

Положив записку в карман пальто, Галя приставила револьвер к груди и, глубоко вздохнув, спустила курок. Осечка. Руки тряслись, сделалось жарко и нестерпимо душно, внутренний голос истошно требовал воспринять случившееся как знак свыше. Но Галя только извлекла из кармана записку и приписала: «1 осечка». Она снова приставила револьвер к груди – опять осечка! Третий, четвертый, пятый! На шестой раз она услышала звук выстрела, но уже не смогла ни отбросить, ни воткнуть в могилу финку.

Еле живую Галю обнаружил кладбищенский сторож, он же вызвал скорую, но все было бесполезно, девушка скончалась по дороге в больницу, не приходя в сознание.

Галю похоронили 7 декабря за могилой Сергея Есенина. Долгое время над могилкой темнела надпись «Верная Галя», позже ее заменила плита, на которой вывели «Бениславская Галина Артуровна 1897–1926».

Приняв решение уйти вслед за своим кумиром, Бениславская написала Есенину первое и последнее любовное письмо:

Я ухожу вслед за тобой,
Мой светлый ангел, в пустошь неба.
С портрета смотришь как живой,
А над могилой комья снега.

Мне больше не о чем жалеть,
Ведь на пороге «Англетера»
Моя душа осталась тлеть
И умерла навеки вера.

Блестит заряженный наган,
Тебя я вижу, мой любимый.
Петля на шее, как аркан,
И на губах застывший иней.

Слепой осечки мертвый звук,

Я раз за разом в сердце мечу.
Уходит дрожь из влажных рук,
А над могилой гаснут свечи.

Последний выстрел, тишина,
Смерть раскрывает свои сети.
Меня проводит в путь луна,
И отпоет холодный ветер…

Неизвестно, узнала ли Айседора о смерти верной Гали. Как отнеслась к этому жертвоприношению на кладбище через год после смерти Есенина? Что сказала бы, узнай заранее о собственной трагической смерти через два года после ухода из жизни поэта. Воистину, их встреча была предопределена самой судьбой. Ну а теперь непосредственно о том, как это было.

Галина Артуровна Бениславская – подруга и литературный агент Сергея Есенина. Спустя год после смерти поэта, Галина взяла револьвер и застрелилась на его могиле

Глава 3. Роковая встреча

Первая встреча Есенина и Дункан произошла в доме на Большой Садовой, 10, или Большая Садовая 302-бис, в котором, по свидетельству Михаила Булгакова[23], вскоре обнаружится «нехорошая квартира». Та самая, в которой Воланд будет встречаться с Маргаритой. К слову, сам Михаил Афанасьевич на момент роковой встречи проживал в этом доме и, хотя и не присутствовал на званом вечере в мастерской у Якулова, но уж в чем в чем, а в потустороннем разбирался и знал, что делает, выбрав для свиты Всетемного Властелина именно этот адрес.

Послушаем, как описывает данный вечер секретарь и переводчик Айседоры Дункан, а также очевидец тех далеких событий Илья Ильич Шнейдер:

> *– У меня в студии сегодня небольшой вечер, – сказал Якулов[24], – приезжайте обязательно. И, если возможно, привезите Дункан. Было бы любопытно ввести ее в круг московских художников и поэтов.*
>
> *Я пообещал. Дункан согласилась сразу.*
>
> *Студия Якулова помещалась на верхотуре высокого дома где-то около «Аквариума», на Садовой.*
>
> *Появление Дункан вызвало мгновенную паузу, а потом начался невообразимый шум. Явственно слышались только возгласы: «Дункан!».*
>
> *Якулов сиял. Он пригласил нас к столу, но Айседора ужинать не захотела, и мы проводили ее в соседнюю комнату, где она, сейчас же окруженная людьми, расположилась на кушетке.*
>
> *Вдруг меня чуть не сшиб с ног какой-то человек в светло-сером костюме. Он промчался, крича: «Где Дункан? Где Дункан?».*
>
> *– Кто это? – спросил я Якулова.*
>
> *– Есенин… – засмеялся он.*
>
> *Я несколько раз видал Есенина, но тут я не сразу узнал его.*
>
> *Немного позже мы с Якуловым подошли к Айседоре. Она полулежала на софе. Есенин стоял возле нее на коленях, она гладила его по волосам, скандируя по-русски:*
>
> *– За-ла-тая га-ла-ва…*
>
> *Якулов познакомил нас. Я внимательно смотрел на Есенина. Вопреки пословице «Дурная слава бежит, а хорошая лежит», за ним вперегонки бежали обе славы:*

слава его стихов, в которых была настоящая большая поэзия, и «слава» о его эксцентрических выходках.

Роста он был небольшого, при всем изяществе – фигура плотная. Запоминались глаза – синие и как будто смущающиеся. Ничего резкого ни в чертах лица, ни в выражении глаз.

…Есенин, стоя на коленях и обращаясь к нам, объяснял: «Мне сказали: Дункан в "Эрмитаже". Я полетел туда…».

Айседора вновь погрузила руку в «золото его волос»… Так они «проговорили» весь вечер на разных языках буквально (Есенин не владел ни одним из иностранных языков, Дункан не говорила по-русски), но, кажется, вполне понимая друг друга.

– Он читал мне свои стихи, – говорила мне в тот вечер Айседора, – я ничего не поняла, но я слышу, что это музыка и что стихи эти писал genie!

Было за полночь. Я спросил Айседору, собирается ли она домой. Гости расходились. Айседора нехотя поднялась с кушетки. Есенин неотступно следовал за ней. Когда мы вышли на Садовую, было уже совсем светло. Такси в Москве тогда не было. Я оглянулся: ни одного извозчика. Вдруг вдали задребезжала пролетка, к счастью свободная. Айседора опустилась на сиденье, будто в экипаж, запряженный цугом. Есенин сел с нею рядом.

Я пристроился на облучке, почти спиной к извозчику. Есенин затих, не выпуская руки Айседоры. Пролетка тихо протарахтела по Садовым, уже освещенным первыми лучами солнца, потом за Смоленским свернула и выехала не к Староконюшенному и не к Мертвому переулку, выходящему на Пречистенку, а очутилась около большой церкви, окруженной булыжной мостовой. Ехали мы очень медленно, что моим спутникам, по-видимому, было совершенно безразлично. Они казались счастливыми и даже не теребили меня просьбами перевести что-то…

…ни Айседора, ни Есенин не обращали никакого внимания на то, что мы уже в который раз объезжаем церковь, Дремлющий извозчик тоже не замечал этого.

– Эй, отец! – тронул я его за плечо. – Ты что, венчаешь нас, что ли? Вокруг церкви, как вокруг аналоя, третий раз едешь.

Есенин встрепенулся и, узнав в чем дело, радостно рассмеялся.

– Повенчал! – раскачивался он в хохоте, ударяя себя

по колену и поглядывая смеющимися глазами на Айседору.

Она захотела узнать, что произошло, и, когда я объяснил, со счастливой улыбкой протянула:

– Mariage…

Вы помните это предсказание, произнесенное в Лондоне перед отъездом в Россию? Старуха сказала: «Вы выйдете замуж»!

Впрочем, пока еще никто не говорит о реальном браке, просто красивая сцена, раннее утро, безлюдная Москва, мирное цоканье копыт по мостовой, полусон, полубред… Прекрасная величественная женщина в объятиях незнакомого синеглазого принца. Романтика… Красивая картинка, точно специально придуманная призрачным духом нового утра.

Впрочем, у Якулова было много гостей, и их описания роковой встречи расходятся лишь в незначительных деталях. Но вернемся на несколько часов раньше, дабы выяснить, как Есенин оказался на этом самом вечере. Вот как рассказывает об этом еще один свидетель их встречи, друг Сергея Есенина, Анатолий Мариенгоф[25], в своей книге «Роман без вранья»:

К нам подошел Жорж Якулов. На нем фиолетовый френч из старых драпри. Он бьет по желтым крагам тоненькой тросточкой. Шикарный человек. С этой же тросточкой в белых перчатках водил свою роту в атаку на немцев. А потом на оранжевых ленточках звенел Георгиевскими крестами. Смотрит Якулов на нас, загадочно прищуря одну маслину. Другая щедро полита провансальским маслом.

– А хотите с Изадорой Дункан познакомлю?

Есенин даже привскочил со скамьи:

– Где она… где?..

– Здесь… гхе-гхе… замечательная женщина…

Есенин ухватил Якулова за рукав:

– Веди!

Согласитесь, необычное рвение. Да, Дункан – заморская знаменитость, тем не менее, приезжали в Москву и другие звезды. Однако Есенин прежде не бегал к ним, точно щенок за автомобилем, не искал личного знакомства. Добавьте к этому такую простую мысль, что он вряд ли видел до этого ее на сцене. Иначе уж точно похвастался бы друзьям. Что он мог знать о Дункан? Только то, что писали в газетах. Для прекрасно знавшего Сергея Есенина Мариенгофа подобное нетерпение странно, если не подозрительно.

– Теперь чудится что-то роковое в той необъяснимой и огромной жажде встречи с женщиной, которую он никогда не видел в лицо и которой суждено было сыграть в его жизни столь крупную, столь печальную, столь губительную роль, – сетует Анатолий Борисович.

А дальше вообще городская мистика в лучших традициях Гоголя, Пушкина, Грина, Булгакова:

…И понеслись от Зеркального зала к Зимнему, от Зимнего в Летний, от Летнего к оперетте, от оперетты обратно в парк шаркать глазами по скамьям. Изадоры Дункан не было.

– Черт дери… гхе-гхе… нет… ушла… черт дери.

– Здесь, Жорж, здесь.

И снова от Зеркального к Зимнему, от Зимнего к оперетте, в Летний, в парк.

– Жорж, милый, здесь, здесь?

Точно Мефистофель, Якулов гоняет несчастного поэта по всему городу, заставляя его то трепетать, предчувствуя свидание с предназначенной ему судьбой женщиной, то проваливаться в холодный омут отчаяния. И наконец, измученного и уставшего, отправляет в объятия возлежащей на софе и, по всей видимости, поджидающей его судьбы. Зачем ему это? Мы же уже знаем от И. Шнейдера, что Якулов ведет Есенина в собственную мастерскую, куда, по договоренности, после вечернего спектакля явится Дункан. Он что, дорогу забыл? Или врет Мариенгоф? Или это все тот же Воланд и его развеселая компания начинают свой опасный спектакль, в котором лирическому герою, поэту Есенину, точно в насмешку отводится роль без слов, а Айседора обретет в своем новом любовнике утраченного сына, человека, в котором, по ее собственным словам, будут сочетаться ангел и черт.

– А какая она нежная была со мной, как мать. Она говорила, что я похож на ее погибшего сына. В ней вообще очень много нежности[26].

Справа налево: Сергей Есенин, Айседора Дункан, Ирма Дункан (приемная дочь Айседоры). Москва, май 1922 г.

Глава 4. Дуська с пречистенки

Вместе с Ильей Шнейдером и Айседорой Есенин добрался до особняка на Пречистенке, который советское правительство выделило Дункан, Айседора предложила выпить чаю. Понимая, что он больше не нужен и скорее всего перевод не понадобится, Илья Ильич ушел к себе. С этого момента Айседора и Сергей неразлучны, и буквально на следующий день Есенин переезжает к своей новой подруге.

Их роман тут же становится не просто достоянием общественности, а новостью номер один. А они и не скрывают своих отношений, чуть ли не каждый вечер Есенин приводит в особняк своей дамы толпу комиссаров и имажинистов. У Айседоры всегда весело, столы ломятся от разнообразных блюд, шампанское приносят ящиками.

Говорят, что все деликатесы на кухню великой Дункан привозят непосредственно из Кремля. Айседора в невероятном фаворе у властей, шутка ли сказать, в то время как одни бегут из страны, отважная женщина, двигаясь против течения, шествует навстречу. Даже одежду она теперь носит принципиально красного цвета, сочиняет танцы-спектакли на пролетарскую музыку. К ее любимой Марсельезе добавился Интернационал, а скоро она станцует песни комсомольцев и пионеров! Мало этого, она добровольно дает интервью, в которых с гордостью и восторгом заявляет: «Я красная!».

> *– Нас сильно пугали. В Париже ко мне пришли бывший русский посол Маклаков и Чайковский*[27]*, однофамилец гениального русского композитора. Так вот, оба они, а этот Чайковский даже встал передо мной на колени, оба умоляли меня не ехать в Россию, так как я и Ирма*[28] *на границе будем изнасилованы, а если нам и удастся доехать, то нам придется есть суп, в котором плавают отрубленные человеческие пальцы, – сообщает Айседора журналистам.*

Прекрасный пиар! А такая реклама во все времена дорогого стоила. Вот и толпятся у парадного подъезда на Пречистенке «Курьеры, курьеры! 35 тысяч одних курьеров!»[29], несут рыжей богине дорогие духи и меха, ресторанную еду и вечерние наряды.

> *Роскошь Дункан, ее попойки, ее романы, ее дом, с утра до вечера и с вечера до утра набитый комиссарами,*

имажинистами, кокаинистами, пьяными актерами и пьяными чекистами, – все это мозолило глаза обнищалой и обозленной Москве, – *пишет в своих воспоминаниях Владислав Ходасевич*[30].

Все знают: Айседора, или, как прозвали ее есенинские дружки, Дуська с Пречистинки, невероятно богата, денег куры не клюют. Повезло этому дурачку Сереженьке, что в свой первый приезд в белокаменную снискал народную любовь, исполняя в салонах матерные частушки под балалайку, нашел себе богатую бабу. Вот и песенка мерзкая сочинилась:

Не судите слишком строго,
Наш Есенин не таков.
Айседур в Европе много —
Мало Айседураков.

Ежели наш читатель вдруг потребует автора на сцену, тот не станет прятаться, а с улыбкой выйдет: «Здрасьте вам, разрешите представиться, Анатолий Мариенгоф». Но он же не со зла, просто обидно смотреть, как молодой и пригожий поэт со старухой под руку вышагивает. И дела ему нет до того, что Есенин влюблен. Впрочем, неприкрытая ненависть к залетной знаменитости не мешает Мариенгофу, что ни день, захаживать в особняк, есть там и пить, слушать да примечать.

Из воспоминаний Миклашевской «Встречи с поэтом» мы узнаем причину такого его поведения. Августе Леонидовне об этом говорил сам Есенин:

– Анатолий все сделал, чтобы поссорить меня с Райх[31] *(вторая жена Есенина). Уводил меня из дому, постоянно твердил, что поэт не должен быть женат: «Ты еще ватные наушники надень». Развел меня с Райх, а сам женился и оставил меня одного… – жаловался подруге Сергей.*

В ситуации с Дункан Мариенгоф также делает все возможное, дабы поссорить обидчивого, капризного поэта с его дамой.

Как-то приметил, что Есенин, живя у Айседоры, полюбил лакомиться бараниной, и даже написал поэтому шутливую частушку:

Не хочу баранины, потому что раненый,
Прямо в сердце раненный

Хозяйкою баранины.

И тут же по своему это дело истолковал, мол, настолько опротивела Сережке его Дуська, что он даже есть в ее присутствии не способен.

– Читая «Роман без вранья» Мариенгофа, я подумала, что каждый случай в жизни, каждый поступок, каждую мысль можно преподнести в искаженном виде, – пишет в своих воспоминаниях Августа Миклашевская. —

Есенина куда вознес аэроплан?
В Афины древние, к развалинам Дункан…

…Сергей же день ото дня мрачнеет. Надоели уже подколки да полунамеки, что, мол, он с Дункан друг другу не пара и на самом деле русский поэт элементарно продался богатой заграничной тетке.

Желая доказать, что Айседора – гений и чудо подлинное, Есенин, ежедневно, реквизирует у Шнейдера кучу билетов на спектакли Дункан и водит на них друзей. Пусть своими глазами увидят, какая она! На всех спектаклях он рукоплещет ей громче и дольше остальных, а потом ведет всю честную компанию в гости. Там Айседора снова танцует для «избранного общества», делая импровизации. Ну и, как водится, стол и вино…

Мариенгофа же даже в святая святых, в спальню провел, пусть видит, как живется ему с любимой женщиной, порадуется счастью. А потом поставил на патефон первую попавшуюся пластинку «Танцуй, Изадора».

– Дункан надевает есенинские кепи и пиджак. Музыка чувственная, незнакомая, беспокоящая… Страшный и прекрасный танец, – рассказывает в своем романе А. Мариенгоф. – Узкое и розовое тело шарфа извивается в ее руках. Она ломает ему хребет, судорожными пальцами сдавливает горло. Беспомощно и трагически свисает круглая шелковая голова ткани.

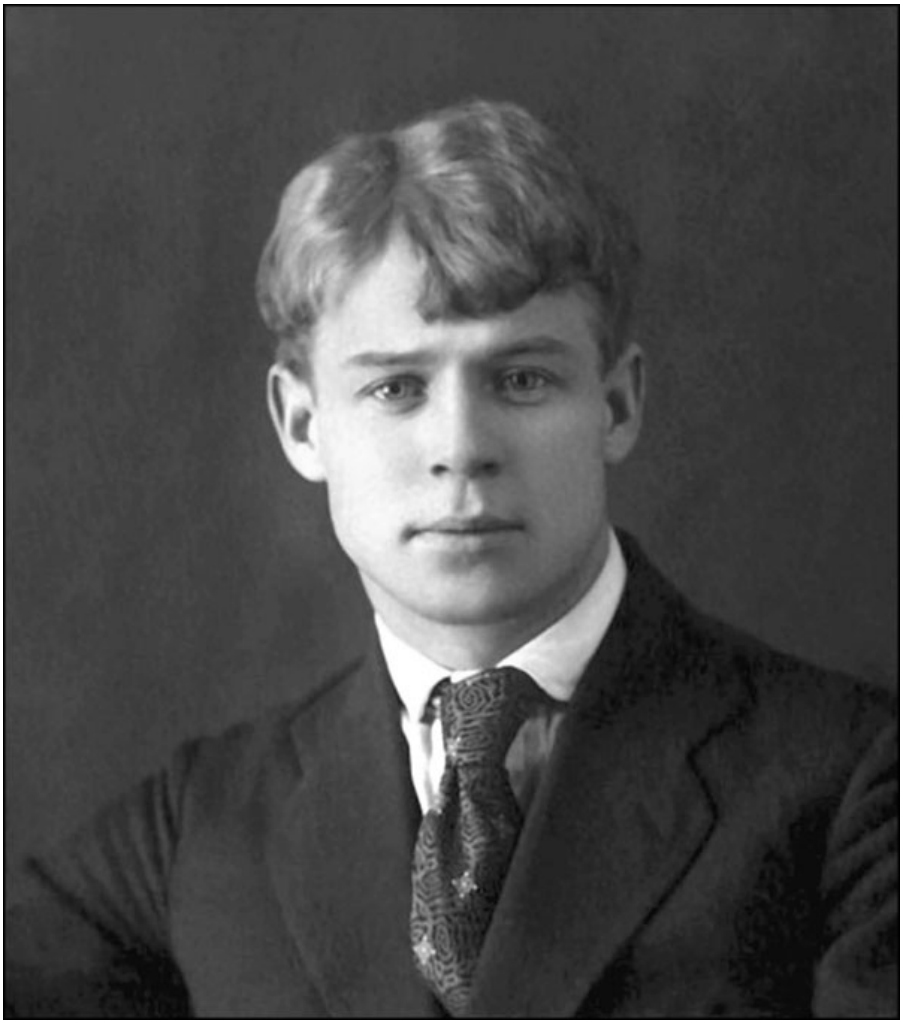
Вечерами, когда собирались гости, Есенина обычно просили читать стихи, – продолжает рассказ о вечерах в доме Дункан ее верный секретарь Илья Шнейдер. – Читал он охотно и чаще всего «Исповедь хулигана» и монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев», над которой в то время работал. В интимном кругу читал он негромко,

хрипловатым голосом, иногда переходившим в шепот, очень внятный; иногда в его голосе звучала медь. Букву «г» Есенин выговаривал мягко, как «х». Как бы задумавшись и вглядываясь в какие-то одному ему видные рязанские дали, он почти шептал строфу из «Исповеди»:

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога…

«И болотных недр…» – заканчивал он таинственным шепотом, произнося «о» с какой-то особенной напевностью. Со сцены он, наоборот, читал громко, чуть-чуть «окая». В монологе Хлопуши поднимался до трагического пафоса, а заключительные слова поэмы читал на совсем замирающих тонах, голосом, сжатым горловыми спазмами:

Дорогие мои… дорогие… хор-рошие…



Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченые рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать. Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!

«Исповедь хулигана»

Глава 5. Общий язык

Возможно, выучи Айседора русский или овладей Сергей английским, французским или немецким – Дункан говорила на всех этих языках, – сейчас мы бы имели в руках образцы нежной, страстной, часто доходящей до неприличия в своей откровенности переписки этих двух невероятно талантливых, отчаянно смелых людей, но…

> *…Обучение Айседоры русскому языку свелось к написанию ею фраз по-английски, которые разнообразные домочадцы затем трудолюбиво переводили для нее, – вступает в разговор приемная дочь Айседоры Ирма Дункан.*

На самом деле, Дункан была очень популярна в дореволюционной России, приезжая время от времени на гастроли и общаясь с замечательными людьми, но в то благословенное для нее время окружающие ее русские прекрасно говорили на разных языках, так что проблем с общением не возникало.

> *В московской школе сохранилась вырванная из блокнота страничка, на которой написано ее размашистым почерком: «Моя последняя любовь!». Далее следует русский перевод, выписанный большими печатными латинскими буквами.*
>
> *«Я готова целовать следы твоих ног!!!»*
>
> *«Я тебя не забуду и буду ждать! А ты?»*

И он отвечал ей, заранее понимая, что любимая сумеет оценить лишь напевность его поэзии, не вникая в смысл. Когда же

Шнейдер наконец растолкует ей, в чем суть, его сухой грубый перевод начисто убьет божественную природу стихотворения, и Айседора так и не увидит перед собой распахнутую душу поэта, беспомощно и слепо скользя по ее краю.

Тем не менее он писал ей. Стихи…

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Но что делать, если словесное общение двух вселенных, Есенина и Дункан невозможно? Непременно доказать Айседоре, что его тоже любят и ценят, что она сошлась не с рядовым поэтишкой, а с человеком, чей вклад в литературу оценен не только толпами почитателей – их Дункан многократно лицезрела в «Стойле Пегаса», – а и правительством Москвы. Как это сделать?

– Это было в декабре (может, в конце ноября) 1923 года, – рассказывает Галина Бениславская. – Сергей

Александрович в «Стойле» рассказывал друзьям – 10 декабря десять лет его поэтической деятельности. Десять лет тому назад он первый раз увидел напечатанными свои вещи. Сам даже проект записки в Совнарком составил.

– Есенин рассказывал, что Союз поэтов и пр. собираются организовать празднование юбилея, – рассказывает Г. Бениславская. – Мы (я, А. Назарова и Яна[32]) отнеслись очень сдержанно к этой идее: мне было ясно, что у нас, как, впрочем, и на всей планете, венчают лаврами только «маститых», когда из человека уже сыплется песок. Сергей Александрович стал с раздражением доказывать свое право на чествование.

– А, да. Когда умрешь, тогда – памятники, тогда – чествования, тогда – слава. А сейчас я имею право или нет…

Не хочу после смерти, на что тогда мне это. Дайте мне сейчас, при жизни. Не памятник, нет. Пусть Совнарком десять тысяч мне даст. Должен же я получать за стихи.

Наше молчаливое отношение его очень сердило. Пару дней поговорил. Потом никогда не вспоминал о своем юбилее.

Есенин вообще болезненно переживал, когда его не понимали, недооценивали или попросту не замечали. Когда его дочь, Таню, спрашивали, как ее фамилия, пигалица с гордостью отвечала: «Я не какая-нибудь, я Есенина!».

Глава 6. Первый дар

– …Вспоминаю, как той, первой их весной я услышал дробный цокот копыт, замерший у подъезда нашего особняка, и, подойдя к окну, увидел Айседору, подъехавшую на извозчичьей пролетке, – рассказывает И. Шнейдер.

Дункан, увидев меня, приветливо взмахнула рукой, в которой что-то блеснуло. Взлетев по двум маршам мраморной лестницы, остановилась передо мной все такая же сияющая и радостно-взволнованная.

– Смотрите, – вытянула руку. На ладони заблестели золотом большие мужские часы. – Для Езенин! Он будет так рад, что у него есть теперь часы!

Айседора ножницами придала нужную форму своей маленькой фотографии и, открыв заднюю крышку пухлых золотых часов, вставила туда карточку.

Есенин был в восторге (у него не было часов). Беспрестанно открывал их, клал обратно в карман и вынимал снова, по-детски радуясь.

– Посмотрим, – говорил он, вытаскивая часы из карманчика, – который теперь час? – и, удовлетворившись, с треском захлопывал крышку, а потом, закусив губу и запустив ноготь под заднюю крышку, приоткрывал ее, шутливо шепча: – А тут кто?

А через несколько дней, возвратившись как-то домой из Наркомпроса, я вошел в комнату Дункан в ту секунду, когда на моих глазах эти часы, вспыхнув золотом, с треском разбились на части.

Айседора, побледневшая и сразу осунувшаяся, печально смотрела на остатки часов и свою фотографию, выскочившую из укатившегося золотого кружка.

«lesenin – nie chouligan, lesenin angel Isedore» – надпись, сделанная Айседорой, на зеркале в кафе «Стойло Пегаса»

Есенин никак не мог успокоиться, озираясь вокруг и крутясь на месте. На этот раз и мой приход не подействовал. Я пронес его в ванную, опустил перед умывальником и, нагнув ему голову, открыл душ. Потом хорошенько вытер ему голову и, отбросив полотенце, увидел улыбающееся лицо и совсем синие, но ничуть не смущенные глаза.

– Вот какая чертовщина… – сказал он, расчесывая пальцами волосы, – как скверно вышло… А где Изадора?

Мы вошли к ней. Она сидела в прежней позе, остановив взгляд на белом циферблате, докатившемся до ее ног. Неподалеку лежала и ее фотография. Есенин рванулся вперед, поднял карточку и приник к Айседоре. Она опустила руку на его голову с еще влажными волосами.

– Холодной водой? – она подняла на меня испуганные глаза. – Он не простудится?

Ни он, ни она не смогли вспомнить и рассказать мне, с чего началась и чем была вызвана вспышка Есенина.

Глава 7. Записки на зеркале

– Ты должен знать, что, когда ты вернешься, ты можешь войти в этот дом так же уверенно, как входил вчера и вошел сегодня, – пишет Айседора Есенину после очередной ссоры.

Как же это трудно, сначала писать любимому человеку, а потом отдавать текст, который, по идее, никто не должен видеть, переводчику. Собственно именно поэтому никаких длинных писем между Сергеем Есениным и Айседорой Дункан и нет. Лишь записки с кратким любовным посланием или телеграммы.

День за днем Айседора старается подстроиться к Сергею, приручить его к себе. Обычно ей доставались именно такие истеричные, себялюбивые, склонные к депрессиям мужчины. Она привыкла к скандалам Гордона Крэга[33], о котором дозволялось говорить либо в превосходной степени, либо никак. Генриха Тоде[34] с его экзальтированными чувствами, Париса Зингера с депрессиями и попытками суицида… Она умела быть нежной и дипломатичной, не замечать недостатков, прощать проступки…

– Изидора иначе не называла Есенина, как мой «Дарлинг», «ангел», и, желая однажды выразить свое чувство к Есенину, написала в «Стойле Пегаса» губной помадой через все зеркало: «lesenin – nie chouligan, Iesenin angel Isedore», – вспоминает Иван Старцев.

– Однажды, – рассказывает Илья Шнейдер, – Айседора неожиданно для нас написала на зеркале по-русски печатными буквами: «Я люблю Есенина».

Взяв у нее этот маленький карандашик, Есенин провел под надписью черту и быстро написал: «А я нет».

Айседора отвернулась, печальная. Я взял у Есенина карандашик и подписал: «Это все пройдет».

Айседора не стирала эти надписи, и они еще долго оставались на зеркале. И лишь накануне отъезда в Берлин Есенин стер все три фразы и написал: «Я люблю Айседору».

Глава 8. Свадебный переполох

Идея пожениться принадлежит самой Дункан, так как ей предстояли длительные гастроли, на которые она собиралась поехать вместе с Сергеем, дабы показать ему Европу и помочь перевести стихи и издать их за границей. Не будучи официально женатыми, они бы могли устроиться в Германии, Англии или Франции, но Айседора планировала после Европы показать Есенину еще и Америку. Пуританскую страну, в которой их ни за что не поселят вместе, если станет известно, что они не женаты. В свое время на этом уже обожглись Горький[35] с Андреевой[36]. Опять же молодое советское правительство справедливо опасалось, что, если отпустить сразу же и Есенина, и Дункан, позже могут не вернуться оба. Впрочем, изначальные планы свободолюбивой танцовщицы были куда как обширнее: забрать с собой не только молодого поэта, но и успевших чему-то научиться и сделать программу маленьких учеников! Дункан не привыкать гастролировать с детской труппой. Со своими прежними ученицами она объехала Европу и посещала Америку. Никогда прежде власти не препятствовали вывозу детей за границу. Все понимают: актерам, маленькие они или большие, нужна практика, необходим опыт жизни в новых условиях, погружение в языковую среду. Поняв, что Дункан не из тех людей, которые будут терпеть отказ, правительство задерживает в стране школу, но дает разрешение на поездку Есенину.

Сохранилось заявление С. А. Есенина на имя Луначарского[37] с просьбой выдать ему паспорт для поездки за границу. В документе он указал, что собирается поспособствовать изданию в Берлине советских поэтов. 25 апреля Есенин получает паспорт № 5072 для выезда за границу.

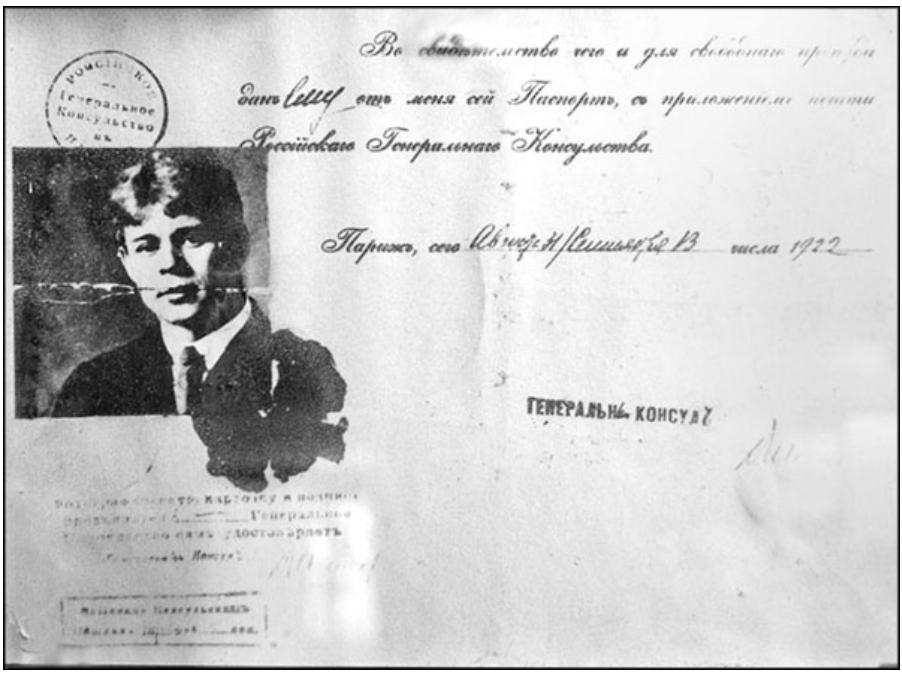
Айседора, как опытный администратор, продумала все: во-первых, первый выход на зарубежную сцену Есенина она привязала к собственным гастролям. Таким образом она могла рассчитывать, что заработает там, заключенные контракты давали ей в этом гарантию. Есенин тоже не должен был ехать в пустоту. Заранее были заключены договоренности с переводчиками, издателями, прессой:

> *– Ура! Варшава наша![38] – пишет С. Есенин А. Мариенгофу и Г. Колобову 19 ноября 1921 года из Москвы.*
>
> *Сегодня, 19 ноября, пришло письмо от Лившица, три тысячи германских марок, 10 ф. сахару, 4 коробки консервов и оттиск наших переведенных стихов на*

еврейский язык с «Исповедью хулигана» и «Разочарованием». Америка делает нам предложение через Ригу, Вена выпускает к пасхе сборник на немецком, а Берлин в лице Верфеля бьет челом нашей гениальности.

Ну что, сволочи?! Сукины дети?! Что, прохвосты?!

Я теперь после всего этого завожу себе пару кобелей и здороваться буду со всеми только хвостами или лапами моих приближенных.



Заграничный паспорт Сергея Есенина для выезда в Америку. 13 сентября 1922 г.

За эти гастроли Дункан планирует продать недвижимость в Германии и Франции. Неудивительно, что пришлось идти на подобные жертвы – она же решила как минимум бросить Европу к ногам своего избранника. А для начала снабдила его средствами, на которые могла теперь существовать его семья – сестра и родители – в отсутствие кормильца:

Из письма С. Есенина сестре Кате[39]. 25 апреля 1922 года. Москва.

Катя! Оставляю тебе два конверта с деньгами. 20 миллионов тебе и сто миллионов передай отцу[40]*. (В России страшная инфляция. Деньги родителям нужны отчаянно, сгорел дом в Константиново).*

Пусть он едет домой и делает с ними, что хочет, большего я сделать ему не могу.

Тебе перед отъездом оставлю еще.

А вот еще примечательный перевод, но уже не родственнику:

«Милый друг! Все, что было возможно, я устроил тебе и с деньгами, и с посылкой от «Ара». На днях вышлю еще 5 миллионов, – пишет Есенин Николаю Клюеву[41]*. – Недели через две я еду в Берлин, вернусь в июне или в июле, а может быть, и позднее. Оттуда постараюсь также переслать тебе то, что причитается со «Скифов». Разговоры об условиях беру на себя, и если возьму у них твою книгу, то не обижайся, ибо устрою ее куда выгодней их оплаты.*

…Очень уж я устал, а последняя моя запойная болезнь совершенно меня сделала издерганным, так что даже и боюсь тебе даже писать, чтобы как-нибудь беспричинно не сделать больно».

Срочное денежное вспоможение было отправлено после получением Сергеем Александровичем следующего письма:

Я погибаю, брат мой, бессмысленно и безобразно». Там же: «…теперь я нищий, оборванный, изнемогающий от постоянного недоедания полустарик. Гражданского пайка лишен, средств для прожития никаких. Я целые месяцы сижу на хлебе пополам с соломой, запивая его кипятком, бессчетные ночи плачу один-одинешенек и прошу Бога только о непостыдной и мирной смерти.

Не знаю, как переживу эту зиму. В Питере мне говорили, что я имею право на академический паек, но, как его заполучить, я не знаю. Всякие Исполкомы и Политпросветы здесь, в глухомани уездной, не имеют никакого понятия обо мне, как о писателе, они набиты самым темным, звериным людом, опухшим от самогонки».

Глава 9. Брак

Впрочем, не слишком ли много мы говорим о материальной стороне дела? Хотя вряд ли кто-нибудь из наших читателей удивится, что перед планируемой длительной заграничной поездкой люди крутятся, стаптывая ноги о пороги различных контор, пытаясь в последний момент уладить свои дела.

Тем не менее, мы оторвемся от всей этой бухгалтерии, дабы перейти непосредственно к бракосочетанию наших героев.

– Чувство Есенина к Айседоре, которое вначале было еще каким-то неясным и тревожным отсветом ее сильной любви, теперь, пожалуй, пылало с такой же яркостью и силой, как и любовь к нему Айседоры, – продолжает 14. Шнейдер.

Ранним солнечным утром[42] *мы втроем отправились в загс Хамовнического Совета, расположенный по соседству с нами в одном из пречистенских переулков, – пишет 14. Шнейдер. – Загс был сереньким и канцелярским. Когда их спросили, какую фамилию они выбирают, оба пожелали носить двойную фамилию – «Дункан-Ксенин».*

Так и записали в брачном свидетельстве и в их паспортах. У Дункан не было с собой даже ее американского паспорта, она и в Советскую Россию отправилась, имея на руках какую-то французскую «филькину грамоту». На последней странице этой книжечки была маленькая фотография Айседоры, необыкновенно там красивой, с глазами живыми, полными влажного блеска и какой-то проникновенности. Эту книжечку вместе с письмами Есенина я передал весной 1940 года в Литературный музей.

– Теперь я – Дункан! – кричал Есенин, когда мы вышли из загса на улицу.

Накануне Айседора смущенно подошла ко мне, держа в руках свой французский «паспорт».

– Не можете ли вы немножко тут исправить? – еще более смущаясь, попросила она.

Я не понял. Тогда она коснулась пальцем цифры с годом своего рождения. Я рассмеялся: передо мной стояла Айседора, такая красивая, стройная, похудевшая и помолодевшая, намного лучше той Айседоры Дункан, которую я впервые, около года назад, увидел в квартире Гельцер.

Но она стояла передо мной, смущенно улыбаясь и закрывая пальцем цифру с годом своего рождения, выписанную черной тушью…

– Ну, тушь у меня есть… – сказал я, делая вид, что не замечаю ее смущения. – Но, по-моему, это вам и не нужно.

– Это для Езенин, – ответила она. – Мы с ним не чувствуем этих пятнадцати лет разницы, но она тут написана… и мы завтра дадим наши паспорта в чужие руки… Ему, может быть, будет неприятно… Паспорт же мне вскоре не будет нужен. Я получу другой.

Я исправил цифру.

Насколько быстро были выполнены все паспортные формальности советскими учреждениями, настолько долго тянули с визами посольства тех стран, над которыми Дункан и Есенину предстояло пролетать.

На самом деле не так уж и долго, С. Есенин и А. Дункан вылетели из Москвы в Кенигсберг уже 10 мая 1922 года. Впрочем, это для нас, людей XXI века, неделя ожидания визы, считай, необыкновенно повезло. Для нетерпеливой Дункан, которая привыкла, что, для того чтобы отправиться в путешествие, необходимо собрать чемоданы, купить билет и добраться до вокзала, и которую ждут театры, антрепренеры и публика, промедление смерти подобно. Впрочем, я напрасно прервала рассказ Ильи Шнейдера.

… Отлет с московского аэродрома был назначен на ранний утренний час.

Есенин летел впервые и заметно волновался. Дункан предусмотрительно приготовила корзинку с лимонами:

– Его может укачать, если же он будет сосать лимон, с ним ничего не случится.

В те годы на воздушных пассажиров надевали специальные брезентовые костюмы. Есенин, очень бледный, облачился в мешковатый костюм, Дункан отказалась.

Еще до посадки, когда мы все сидели на траве аэродрома в ожидании старта, Дункан вдруг спохватилась, что не написала никакого завещания. Я вынул из военной сумки маленький голубой блокнот. Дункан быстро заполнила пару узеньких страничек коротким завещанием: в случае ее смерти наследником является ее муж – Сергей Есенин-Дункан.

Она показала мне текст.

– Ведь вы летите вместе, – сказал я, – и, если

случится катастрофа, погибнете оба.

– Я об этом не подумала, – засмеялась Айседора и, быстро дописав фразу: «А в случае его смерти моим наследником является мой брат Августин Дункан», поставила внизу странички свою размашистую подпись, под которой Ирма Дункан и я подписались в качестве свидетелей.

Наконец супруги Дункан-Есенины сели в самолет, и он, оглушив нас воем мотора, двинулся по полю. Вдруг в окне (там были большие окна) показалось бледное и встревоженное лицо Есенина, он стучал кулаком по стеклу. Оказалось, забыли корзину с лимонами. Я бросился к машине, но шофер уже бежал мне навстречу. Схватив корзинку, я помчался за самолетом, медленно ковылявшим по неровному полю, догнал его и, вбежав под крыло, передал корзину в окно, опущенное Есениным.

Легонький самолет быстро пробежал по аэродрому, отделился от земли и вскоре превратился в небольшой темный силуэтик на сверкающем голубизной небе.

Сергей Есенин и Айседора Дункан. Венеция, Лидо. 14 августа, 1922 г.

Глава 10. В дороге

Как привыкла путешествовать Айседора? С чемоданом книг, часть из которых была по философии, часть – поэзией. Надоело чтение, всегда можно поболтать с кем-нибудь, умная и общительная, танцовщица могла найти общий язык с самыми разными людьми – от знаменитого боксера до философа, религиозного деятеля или обычного продавца. Прекрасный слушатель и весьма эрудированный человек, она чувствовала себя достаточно свободно везде, где говорили на английском, немецком и французском языках. А как путешествовал Есенин?

В более чем неспешных советских поездах он обычно пил в компании друзей-поэтов, глядя в окно, распевая от скуки песни и подолгу беседуя о житье-бытье и трудном деле книгоиздания в России. Вот, к примеру, из письма Сергей Александровича А. Мариенгофу (апрель – май 1921 года):

> *Милый Толя! Привет тебе и целование. Сейчас сижу в вагоне, и ровно третий день смотрю из окна на проклятую Самару, и не пойму никак, действительно ли я ощущаю все это или читаю «Мертвые души» с «Ревизором». Гришка (Г. Р. Колобов) пьян и уверяет своего знакомого, что он написал «Юрия Милославского», что все политические тузы* – его *приятели, что у него все курьеры, курьеры и курьеры. Лева (помощник Г. Р. Колобова) сидит хмурый и спрашивает меня чуть ли не по пяти раз в день о том, съел ли бы я сейчас тарелку борща малороссийского? Мне вспоминается сейчас твоя кислая морда, когда ты говорил о селедках. Если хочешь представить меня, то съешь кусочек и посмотри на себя в зеркало.*
>
> *Еду я, конечно, ничего, не без настроения все-таки, даже рад, что плюнул на эту проклятую Москву. Я сейчас собираю себя и гляжу внутрь. Последнее происшествие меня таки сильно ошеломило. Больше, конечно, так пить я уже не буду, а сегодня, например, даже совсем отказался, чтоб посмотреть на пьяного Гришку. Боже мой, какая это гадость, а я, вероятно, еще хуже бывал.*
>
> *Климат здесь почему-то в этот год холоднее, чем у нас. Кой-где даже есть еще снег! Так что голым я пока не хожу и сплю, покрываясь шубой. Провизии здесь, конечно, до того много, что я невольно спрашиваю в свою очередь Леву:*

– А ты, Лева, ел бы сейчас колбасу?

Вот так сутки, другие, третьи, четвертые, пятые, шестые едем, едем, а оглянешься в окно: как заколдованное место – проклятая Самара.

…Сегодня с тоски, то есть с радости, вышел на платформу, подхожу к стенной газете и зрю, как самарское лито кроет имажинистов. Я даже не думал, что мы здесь в такой моде. От неожиданности у меня в руках даже палка выросла, но за это, мой друг, тебя надо бить по морде.

Глава 11. Мозаичный портрет

– Лицо у него было задумчивое, глаза чуть припухшие, и было такое впечатление, словно он работал всю ночь, – крупными мазками пишет портрет Есенина Всеволод Иванов[43]*. – Наверное, так оно и было. Гонимый какой-то страстью, он ходил по знакомым из квартиры в квартиру всю ночь, читал стихи, пил, напивался, возвращался на рассвете, и в то же время сознание, как ни странно, не переставало работать. Много раз я был свидетелем, как он на краешке стола своим ровным почерком, точно вспоминая, без особой устали, точно давно известное, записывал свои стихи. Записав стихотворение, он читал его иногда два-три раза подряд, как бы сам удивляясь самому себе.*

– Много написали и наговорили о Есенине – и творил-то он пьяным, и стихи лились будто бы из-под его пера без помарок, без труда и раздумий… – перебивает Иванова Илья Шнейдер.

Все это неверно. Никогда, ни одного стихотворения в нетрезвом виде Есенин не написал.

Он трудился над стихом много, но это не значит, что мучительно долго писал, черкал и перечеркивал строки. Бывало и так, но чаще он долго вынашивал стихотворение, вернее, не стихи, а самую мысль. И в голове же стихи складывались в почти законченную форму. Поэтому, наверно, так легко и ложились они потом на бумагу.

Я не помню точно его слов, сказанных по этому поводу, но смысл их был таким: «Пишу, говорят, без помарок… Бывают и помарки. А пишу не пером. Пером только отделываю потом…».

Так что и здесь мнения расходятся. Полагаю, всякое бывало. К сожалению, Айседора, так и не успела закончить свои мемуары, не успела рассказать о Есенине. Вот и приходится собирать его портрет по кусочкам, крохотным фрагментам воспоминаний, разноцветным стеклышкам мозаики…

О внешности Сергея Есенина и Айседоры Дункан, точнее о перемене во внешнем образе, взрослении и манере держать себя, блистательно рассказывает Максим Горький. Его воспоминания особенно ценны для нас уже и тем, что писатель не ограничивается обычным бытоописанием, а придает

произведению яркую эмоциональную окраску. Особенно это относится к описанию Айседоры Дункан, которую он терпеть не мог. И которую считал недостойной такого гения, как Сергей Александрович: «Дункан являлась совершеннейшим олицетворением всего, что ему было не нужно». Для нас это важно, так как подобную характеристику этим двоим в России давали многие, невольно сравнивая одиозную пару, что не могло не давить главным образом на Сергея Есенина, который, в отличие от Дункан, понимал каждое слово и не мог не обижаться за любимую женщину. Но давайте же послушаем, что скажет нам сам Максим Горький:

> *…Впервые я увидал Есенина в Петербурге в 1914 году*[44]*, где-то встретил его вместе с Клюевым. Он показался мне мальчиком пятнадцати – семнадцати лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддевке и сапогах с набором, он очень напомнил слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей, всех с одним и тем же лицом. Было лето, душная ночь, мы трое шли сначала по Бассейной, потом через Симеоновский мост, постояли на мосту, глядя в черную воду Не помню, о чем говорили, вероятно, о войне: она уже началась. Есенин вызвал у меня неяркое впечатление скромного и несколько растерявшегося мальчика, который сам чувствует, что не место ему в огромном Петербурге.*
>
> *Такие чистенькие мальчики – жильцы тихих городов: Калуги, Орла, Рязани, Симбирска, Тамбова. Там видишь их приказчиками в торговых рядах, подмастерьями столяров, танцорами и певцами в трактирных хорах, а в самой лучшей позиции – детьми небогатых купцов, сторонников «древнего благочестия».*
>
> *Позднее, когда я читал его размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи, не верилось мне, что пишет их тот самый нарочито картинно одетый мальчик, с которым я стоял ночью на Симеоновском, и видел, как он сквозь зубы плюет на черный бархат реки, стиснутой гранитом.*

А вот как описывает встречи с Есениным в 1917 году (Есенину 23 года) супруга Алексея Толстого[45] Наталья Крандиевская-Толстая[46]:

> *– У нас гости в столовой, – сказал Толстой, заглянув в мою комнату. – Клюев привел Есенина. Выйди, познакомься. Он занятный.*

Я вышла в столовую. Поэты пили чай. Клюев, в поддевке, с волосами, разделенными на пробор, с женскими плечами, благостный и сдобный, похож был на церковного старосту. Принимая от меня чашку с чаем, он помянул про великий пост. Отпихнул ветчину и масло. Чай пил «по-поповски», накрошив в него яблоко. Напившись, перевернул чашку, перекрестился на этюд Сарьяна и принялся читать нараспев вполне доброкачественные стихи. Временами, однако, чересчур фольклорное какое-нибудь словечко заставляло насторожиться. Озадачил меня также его мизинец с длинным, хорошо отполированным ногтем.

Второй гость, похожий на подростка, скромно покашливал. В голубой косоворотке, миловидный, льняные волосы уложены бабочкой на лбу. С первого взгляда – фабричный паренек, мастеровой. Это и был Есенин.

На столе стояли вербы. Есенин взял темно-красный прутик из вазы.

– Что мышата на жердочке, – сказал он вдруг и улыбнулся.

Мне понравилось, как он это сказал, понравился юмор, блеснувший в озорных глазах, и все в нем вдруг понравилось. Стало ясно, что за простоватой его внешностью светится что-то совсем не простое и не обычное.

Сергей Есенин и Николай Клюев. Петроград. 1915–1916 гг.

Крутя вербный прутик в руках, он прочел первое свое стихотворение, потом второе, потом третье. Он читал много в тот вечер. Мы были взволнованы стихами, и не знаю, как это случилось, но в благодарном порыве, прощаясь, я поцеловала его в лоб, прямо в льняную бабочку, ставшую вдруг такою же милою мне, как и все в его облике.

В передней, по-мальчишески качая мою руку в последнем рукопожатии, Есенин сказал:

– Я к вам опять приду. Ладно?

– Приходите, – откликнулась я.

Как видите, описание сходно, но там, где Горький видит открыточную слащавость, Наталья Васильевна подмечает нежность, необычность и чувство юмора.

– Русый, кудреватый, голубоглазый, с задорным носом. Ему бы холщовую рубашку с красными латками, перепояску с медным гребешком и в семик плясать с девками в березовой роще… Есенину присущ этот стародавний, порожденный на берегах туманных тихих рек, в зеленом шуме лесов, в травяных просторах степей, этот певучий дар славянской души, мечтательной, беспечной, таинственно-взволнованной голосами природы… – вносит свою лепту в описание поэта Алексей Толстой.

– 1920 год. Осень. «Суд над имажинистами». Большой зал консерватории. Холодно и нетоплено, – рассказывает о своей первой встрече с поэтом, к слову, не менее роковой, чем у Дункан, Галина Бениславская. – Зал молодой, оживленный. Хохочут, спорят и переругиваются из-за мест (места ненумерованные, кто какое займет). Нас целая компания. Пришли потому, что сам Брюсов председатель. А я и Яна – еще и голос Шершеневича[47] *послушать, очень нам нравился тогда его голос. Уселись в первом ряду. Но так как я опоздала и место, занятое для меня, захватили, добываю где-то стул и смело ставлю спереди слева, перед креслами первого ряда.*

Наконец на эстраду выходят. Подсудимые садятся слева группой в пять человек. Шершеневич, Мариенгоф и еще кто-то.

Почти сразу же чувствую на себе чей-то любопытный, чуть лукавый взгляд. Вот ведь нахал какой, добро бы Шершеневич – у того хоть такая заслуга, как его голос. А этот мальчишка, поэтишка какой-нибудь. С

возмущением сажусь вполоборота, говорю Яне: «Вот нахал какой».

Суд начинается. Выступают от разных групп: неоклассики, акмеисты, символисты – им же имя легион. Подсудимые переговариваются, что-то жуют, смеются. (Я на ухо Яне сообщила, что жуют кокаин; я тогда не знала, что его – нюхают или жуют.) В их группе Шершеневич, Мариенгоф,

Грузинов[48]*, Есенин и их «защитник» – Федор Жиц*[49]*. Слово предоставляется подсудимым. Кто и что говорил – не помню, даже скучно стало. Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая нараспашку оленья куртка, руки в карманах брюк, совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув назад голову и стан, начинает читать.*

Плюйся, ветер, охапками листьев,

Я такой же, как ты, хулиган.

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, о котором он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина призанять удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаль – разве можно отделить. Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность.

Думается, это порыв ветра такой с дождем, когда капли не падают на землю и они не могут и даже не успевают упасть.

Или это упавшие желтые осенние листья, которые нетерпеливой рукой треплет ветер, и они не могут остановиться и кружатся в водовороте.

Или это пламенем костра играет ветер, и треплет, и рвет его в лохмотья, и беспощадно треплет самые лохмотья.

Или это рожь перед бурей, когда под вихрем она уже не пригибается к земле, а вот-вот, кажется, сорвется с корня и понесется неведомо куда.

Нет. Это Есенин читает «Плюйся, ветер, охапками листьев…». Но это не ураган, безобразно сокрушающий деревья, дома и все, что попадается на пути. Нет. Это именно озорной, непокорный ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая. И в том, кто слушает, невольно просыпается та же стихия, и невольно хочется за ним повторять с той же удалью: «Я такой же, как ты, хулиган».

– Молодой человек был хорошо одет и изящен, – делится своим впечатлением от нового знакомства М. Мендельсон[50]*. – Его русые, переходящие в золото волосы, его лицо, освещенное светом синих глаз, – все казалось знакомым. Это, конечно, был Есенин. На его лице не было и тени улыбки, а я почему-то ожидал иного – веселого лукавства.*

– Он то и дело улыбался, – рассказывает о первом впечатлении от знакомства с Есениным А. К. Воронский. – Улыбка его была мягкая, блуждающая, неопределенная, рассеянная, «лунная».

Самыми яркими впечатлениями от встречи с Есениным было чтение им стихов, – пишет И. В. Евдокимов[51]*. – Он тогда ни на кого не глядел, глаза устремлялись куда-то в сторону, свисала к груди голова, тряслись волосы непокорными вьюнами, а губы уставлялись детским капризным топничком. И как только раздавались первые строчки, будто запевал чуть неслаженный музыкальный инструмент, понемногу звуки вырастали, исчезала начальная хрипотца, и строфа за строфой лились жарко, хмельно, страстно… Я слушал лучших наших артистов, исполнявших стихи Есенина, но, конечно, никто из них не передавал даже примерно той внутренней и музыкальной силы, какая была в чтении самого поэта. Никто не умел извлекать из его стихов нужные интонации, никому так не пела та подспудная непередаваемая музыка, какую создавал Есенин, читая свои произведения. Чтец это был изумительный. И когда он читал, сразу понималось, что чтение для него самого есть внутреннее, глубоко важное дело.*

Забывая о присутствующих, будто в комнате оставался только он один и его звеневшие стихи, Есенин громко, и жарко, и горько кому-то говорил о своих тягостных переживаниях, грозил, убеждал, спорил… Расходясь и расходясь, он жестикулировал, сдвигал на лоб шапку, на лице выступал тончайший пот, губы быстро-быстро шевелились…

Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Александр Кусиков, Вадим Шершеневич. Москва. 1919 г.

Глава 12. Берлинские встречи

Второй раз Н. В. Крандиевская-Толстая встретилась с С. Есениным уже в Берлине, когда повзрослевший поэт появляется перед ней в компании своей супруги.

> *На Есенине был смокинг, на затылке – цилиндр, в петлице – хризантема. И то, и другое, и третье, как будто бы безупречное, выглядело на нем по-маскарадному. Большая и великолепная Айседора Дункан, с театральным гримом на лице, шла рядом, волоча по асфальту парчовый подол.*
>
> *Ветер вздымал лиловато-красные волосы на ее голове. Люди шарахались в сторону.*

Заметьте, Наталья Васильевна называет маскарадным облик Есенина, что же до Дункан, она описывает ее как «большая и великолепная… с театральным гримом на лице». Не удивляйтесь, Крандиевская застает супружескую пару Дункан-Есениных не на простой прогулке. Сверхзнаменитая жена делает все возможное для того, чтобы познакомить общественность со своим мужем. Еще нет переводов ни на немецкий, ни на какой-нибудь другой язык, о Есенине знают лишь в эмигрантских кругах, и ее прямая обязанность – сделать все возможное, чтобы его запомнили, чтобы о нем заговорили, чтобы Есенин не считал себя всего лишь приложением к знаменитой супруге. Мужчины такого неравенства не прощают. Вот поэтому, вместо того чтобы гулять где-нибудь за городом, сидеть в уютном кафе на берегу искусственного пруда или бродить по музеям, она вынуждена, что называется, торговать лицом. Для этого и неудобный, не подходящий для прогулок по городу парчовый шлейф; представляете, в каком виде он будет к концу прогулки, если, как пишет Крандиевская, он волочился за Дункан?

Если бы Айседора была одна, если бы ей не нужно было привлекать внимание, она вполне могла бы удовлетвориться изящным платьем от Поля Пуаре[52] – дорого, да мило.

Но продолжим…

> *– Есенин! – окликнула я.*
>
> *Он не сразу узнал меня. Узнав, подбежал, схватил мою руку и крикнул:*
>
> *– Ух ты… Вот встреча! Сидора, смотри кто…*
>
> – Qui *est-ce? – спросила Айседора. Она еле скользнула*

по мне сиреневыми глазами и остановила их на Никите[53] *которого я вела за руку.*

Долго, пристально, как бы с ужасом смотрела она на моего пятилетнего сына, и постепенно расширенные атропином глаза ее ширились все больше, наливаясь слезами.

– Сидора! – тормошил ее Есенин. – Сидора, что ты?

– Oh, – простонала она наконец, не отрывая глаз от Никиты. – Oh, oh!.. – и *опустилась на колени перед ним, прямо на тротуар.*

А вот тут Айседора не играет, призраки погибших детей преследуют ее днем и ночью, не давая покоя, даже он, муж и любовник, гений Есенин до боли похож на дорогого Патрика[54], Патрика таким, каким он бы мог когда-нибудь стать.

Перепуганный Никита волчонком глядел на нее. Я же поняла все. Я старалась поднять ее. Есенин помогал мне. Любопытные столпились вокруг. Айседора встала и, отстранив меня от Есенина, закрыв голову шарфом, пошла по улицам, не оборачиваясь, не видя перед собой никого, – фигура из трагедий Софокла. Есенин бежал за нею в своем глупом цилиндре, растерянный.

– Сидора, – кричал он, – подожди! Сидора, что случилось?

Никита горько плакал, уткнувшись в мои колени.

Я знала трагедию Айседоры Дункан. Ее дети, мальчик и девочка, погибли в Париже в автомобильной катастрофе много лет тому назад.

В дождливый день они ехали с гувернанткой в машине через Сену. Шофер затормозил на мосту, машину занесло на скользких торцах и перебросило через перила в реку. Никто не спасся.

Мальчик был любимец Айседоры. Его портрет на знаменитой рекламе английского мыла Pears'a известен всему миру. Белокурый голый младенец улыбается, весь в мыльной пене. Говорили, что он похож на Никиту, но в какой мере он был похож на Никиту, знать могла одна Айседора. И она это узнала, бедная.

– …Через шесть-семь лет я увидел Есенина в Берлине, в квартире А. Н. Толстого, – продолжает начатый рассказ М. Горький. – От кудрявого, игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то

вызывающе и пренебрежительно, то вдруг неуверенно, смущенно и недоверчиво. Мне показалось, что в общем он настроен недружелюбно к людям. И было видно, что он – человек пьющий. Веки опухли, белки глаз воспалены, кожа на лице и шее серая, поблекла, как у человека, который мало бывает на воздухе и плохо спит. А руки его беспокойны и в кистях размотаны, точно у барабанщика. Да и весь он встревожен, рассеян, как человек, который забыл что-то важное и даже неясно помнит, что именно забыто им.

Его сопровождали Айседора Дункан и Кусиков[55].

– Тоже поэт, – сказал о нем Есенин, тихо и с хрипотой.

Около Есенина Кусиков, весьма развязный молодой человек, показался мне лишним. Он был вооружен гитарой, любимым инструментом парикмахеров, но, кажется, не умел играть на ней. Дункан я видел на сцене за несколько лет до этой встречи, когда о ней писали как о чуде, а один журналист удивительно сказал: «Ее гениальное тело сжигает нас пламенем славы».

Но я не люблю, не понимаю пляски от разума и не понравилось мне, как эта женщина металась по сцене. Помню, было даже грустно, казалось, что ей смертельно холодно и она, полуодетая, бегает, чтоб согреться, выскользнуть из холода.

У Толстого она тоже плясала, предварительно покушав и выпив водки. Пляска изображала как будто борьбу тяжести возраста Дункан с насилием ее тела, избалованного славой и любовью. За этими словами не скрыто ничего обидного для женщины, они говорят только о проклятии старости.

Как же ничего обидного? Вот уж не могу согласиться с автором мужчиной, Горький напишет этот текст 1926 году, когда Есенина уже не будет, а вот Дункан вполне сможет и, скорее всего, получит перевод воспоминаний. И даже это смехотворное оправдание, мол, нет тут ничего обидного. Она должна будет выстрадать и этот удар. Удар от человека, которого она уважает как драматурга и писателя. С именем которого ее время от времени связывали в прессе:

Вот, например, заметка в московской газете «Русский листок» от 07 февраля (25 января) 1905 года:

«Вчера в зале консерватории случилось необыкновенное происшествие: публика собралась

смотреть даму от

Максима… от Максима Горького – «босячку» Айседору Дункан, кончиком ноги истолковывавшую прелюдии, ноктюрны, мазурки и полонезы Шопена!

Новый вид «босячества» тенденциозного, идеалом которого является «голоножие», пропагандирующее новый вид танцев, иллюстрирующих серьезную музыку – Шопена, Бетховена, Баха.

Певец босяков, описывая «босячество» подневольное, отнюдь не мечтал о том, что возможно нарождение «босячества добровольного», типа американки Дункан, у которой, кроме души, средством для восприятия и истолкования классической музыки… будут служить босые ноги.

Босячка, танцующая на ковре сонату или симфонию Бетховена, фугу Баха, ноктюрн Шопена – действительно курьез, и курьез из ряда вон выдающийся».

– Пожилая, отяжелевшая, с красным некрасивым лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая ко груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице ее застыла ничего не говорящая улыбка, – продолжает Горький.

Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов Европы, тонких ценителей пластики, рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом являлась совершеннейшим олицетворением всего, что ему было не нужно. Тут нет ничего предвзятого, придуманного вот сейчас; нет, я говорю о впечатлении того тяжелого дня, когда, глядя на эту женщину, я думал: как может она почувствовать смысл таких вздохов поэта:

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать!
Что могут сказать ей такие горестные его усмешки:
Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

«Я открыла искусство танца – искусство, утраченное тысячи лет назад». (Айседора Дункан)

Разговаривал Есенин с Дункан жестами, толчками колен и локтей. Когда она плясала, он, сидя за столом,

пил вино и краем глаза посматривал на нее, морщился. Может быть, именно в эти минуты у него сложились в строку стиха слова сострадания:

Излюбили тебя, измызгали…

И можно было подумать, что он смотрит на свою подругу, как на кошмар, который уже привычен, не пугает, но все-таки давит. Несколько раз он встряхнул головой, как лысый человек, когда кожу его черепа щекочет муха.

Потом Дункан, утомленная, припала на колени, глядя в лицо поэта с вялой, нетрезвой улыбкой. Есенин положил руку на плечо ей, но резко отвернулся. И снова мне думается: не в эту ли минуту вспыхнули в нем и жестоко, и жалостно отчаянные слова:

Что ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь?
…Дорогая, я плачу,
Прости… прости…

Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши. Вначале трагические выкрики каторжника показались театральными.

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть?

Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слез. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и так далее, все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения. Голос *поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчеркивало каменные слова Хлопуши. Изумительно искренно, с невероятной силою прозвучало неоднократно и в разных тонах повторенное требование каторжника:*

Я хочу видеть этого человека!
И великолепно был передан страх:
Где он? Где? Неужель его нет?

Даже *не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой*

совершенной выразительностью. Читая, он побледнел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно – под ноги себе, другое – далеко, третье – в чье-то ненавистное ему лицо. И вообще все: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза – все было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час.

Совершенно изумительно прочитал он вопрос Пугачева, трижды повторенный:

Вы с ума сошли?

– громко и гневно, затем тише, но еще горячей:

Вы с ума сошли?

И, наконец, совсем тихо, задыхаясь в отчаянии:

Вы с ума сошли?

Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Неописуемо хорошо спросил он:

Неужель под душой так же падаешь, как под ношею?

И после коротенькой паузы вздохнул, безнадежно, прощально:

Дорогие мои…
Хор-рошие…

Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он, думаю, и не нуждался в них.

Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят.

– Если вы не устали…

– Я не устаю от стихов, – сказал он и недоверчиво спросил:

– А вам нравится о собаке?

Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

– Да, *я очень люблю всякое зверье, – молвил Есенин задумчиво и тихо, а на мой вопрос, знает ли он «Рай животных» Клоделя, не ответил, пощупал голову обеими руками и начал читать «Песнь о собаке». И когда произнес последние строки:*

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег —
на его глазах тоже сверкнули слезы.

После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое – более всего иного – заслужено человеком. И еще более ощутима стала ненужность Кусикова с гитарой, Дункан с ее пляской, ненужность скучнейшего бранденбургского города Берлина, ненужность всего, что окружало своеобразно талантливого и законченно русского поэта.

А он как-то тревожно заскучал. Приласкав Дункан, как, вероятно, он ласкал рязанских девиц, похлопав ее по спине, он предложил поехать:

– Куда-нибудь в шум, – сказал он.

Решили: вечером ехать в Луна-парк.

Когда одевались в прихожей, Дункан стала нежно целовать мужчин.

– Очень хороши рошен, – растроганно говорила она. – Такой – ух! Не бывает…

Есенин грубо разыграл сцену ревности, шлепнул ее ладонью по спине, закричал:

– Не смей целовать чужих!

Мне подумалось, что он сделал это лишь для того, чтоб назвать окружающих людей чужими.

– В этот год Горький жил в Берлине, – продолжает Крандиевская-Толстая рассказ о той самой встречи Горького с Есениным.

– Зовите меня на Есенина, – сказал он однажды, – интересует меня этот человек.

Было решено устроить завтрак в пансионе Фишер, где мы снимали две большие меблированные комнаты. В угловой, с балконом на Курфюрстендам, накрыли длинный стол по диагонали. Приглашены были Айседора Дункан, Есенин и Горький.

Очень удачно, что Крандиевская-Толстая пересказывает тот день, о котором уже поведал нам Максим Горький. Любопытно сравнить:

…Айседора пришла, обтекаемая многочисленными

шарфами пепельных тонов, с огненным куском шифона, перекинутым через плечо, как знамя. В этот раз она была спокойна, казалась усталой. Грима было меньше, и увядающее лицо, полное женственной прелести, напоминало прежнюю Дункан.

Очень важна эта характеристика внешнего облика Айседоры, пересказанная женщиной. Наталья Васильевна отмечает перемену в гриме, впрочем, не исключено, что первая встреча состоялась между выступлениями Дункан, как известно, зачастую ее программа составлялась таким образом, что на дню она танцевала три сольных концерта! Следовательно, отработав дневной спектакль, она вышла подышать воздухом в компании Сергея, не смыв грим, перед вечерним выступлением.

– …Три вещи беспокоили меня как хозяйку завтрака, – продолжает Крандиевская-Толстая.

Первое – это чтобы не выбежал из соседней комнаты Никита, запрятанный туда на целый день. Второе заключалось в том, что разговор у Есенина с Горьким, посаженными рядом, не налаживался. Я видела: Есенин робеет, как мальчик. Горький присматривается к нему. Третье беспокойство внушал хозяин завтрака, непредусмотрительно подливавший водку в стакан Айседоры (рюмок для этого напитка она не признавала). Следы этой хозяйской беспечности были налицо.

– За русски революсс! – шумела Айседора, протягивая Алексею Максимовичу свой стакан. – Ecoutez, Горки! Я будет тансоват seulement для русски революсс. C'est beau русски революсс!

Алексей Максимович чокался и хмурился. Я видела, что ему не по себе. Поглаживая усы, он нагнулся ко мне и сказал тихо:

– Эта пожилая барыня расхваливает революцию, как театрал – удачную премьеру. Это она – зря, – помолчав, он добавил: – А глаза у барыни хороши. Талантливые глаза.

И еще одна маленькая деталь, подмеченная Натальей Васильевной: Горький все-таки оценил Дункан, впрочем, нас-то там не было, не исключено, что данная фраза придумана Крандиевской для смягчения впечатления.

Гак шумно и сумбурно проходил завтрак. После кофе, встав из-за стола, Горький попросил Есенина прочесть

последнее написанное им.

Сергей Есенин и Айседора Дункан. Берлин. 1922 г.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

«Пой же, пой. На проклятой гитаре…»

Есенин читал хорошо, но, пожалуй, слишком стараясь, нажимая на педали, без внутреннего покоя. (Я с грустью вспоминала вечер в Москве, на Молчановке.) Горькому стихи понравились, я это видела. Они разговорились. Я глядела на них, стоящих в нише окна. Как они были непохожи! Один продвигался вперед, закаленный, уверенный в цели, другой шел как слепой, на ощупь, спотыкаясь, растревоженный и неблагополучный.

И опять очень верная характеристика, у Горького за спиной книги, успешно идущие в лучших театрах Европы пьесы, о Есенине знают только в России, и он понятия не имеет, как его воспримут на западе. Добавьте к этому невозможность говорить

по-русски, точнее, там, в Берлине, как раз русских относительно много, русские клубы, библиотеки, газеты, прочее. Но все эти люди чужие для Есенина. Встреча с белогвардейцами, ныне служащими половыми в ресторане, чуть не кончилась катастрофой. Газеты с готовностью публикуют интервью с русским мужем великой Дункан, но при этом интересуются не литературой, а исключительно подробностью маргинального брака. В глазах общественности Есенин не кто иной, как альфонс стареющей танцовщицы. Все это нервирует Есенина, и именно этот нерв и растревоженность замечает в нем приметливая писательница.

Неудивительно, Москва давно уже признала Есенина первым поэтом, оттого ему и прощаются и разбитые витрины, и скандалы, и драки. Вот описание конкурса поэтов в Политехническом музее, сохранившееся для нас в воспоминаниях Галины Бениславской.

> *Наивность наша в отношении Есенина не знала пределов. За кого же нам голосовать? Робко решаем – за Есенина; смущены, потому что не понимаем – наглость это с нашей стороны или мы действительно правы в нашем убеждении, что Есенин – первый поэт России. Но все равно голосовать будем за него.*
>
> *И вдруг – разочарование! Участвует всякая мелюзга, а Есенин даже не пришел. Скучно и неинтересно стало. Вдруг поворачиваю голову налево к входу и… внизу у самых дверей виднеется золотая голова! Я вскочила с места и на весь зал вскрикнула:*
>
> *– Есенин пришел!*
>
> *Сразу суматоха и переполох. Начался вой: «Есенина, Есенина, Есенина!». Часть публики шокирована. Ко мне с насмешкой кто-то обратился: «Что, вам про луну хочется послушать?». Огрызнулась только и продолжала с другими вызывать Есенина.*
>
> *Есенина на руках втащили и поставили на стол – не читать невозможно было, все равно не отпустили бы. Прочел он немного, в конкурсе не участвовал, выступал вне конкурса, но было ясно, что ему и незачем участвовать, ясно, что он, именно он – первый. Дальше, как и обычно, я ничего не помню.*
>
> *– …Позднее пришел поэт Кусиков, кабацкий человек в черкеске, с гитарой, – продолжает М. Горький. – Его никто не звал, но он, как тень, всюду следовал за Есениным в Берлине.*

Дункан была вынуждена взять Кусикова с собой в

путешествие, полностью оплачивая его содержание, так как на этом настаивал Есенин.

> *Айседора пожелала танцевать. Она сбросила добрую половину шарфов своих, оставила два на груди, один на животе, красный накрутила на голую руку, как флаг, и, высоко вскидывая колени, запрокинув голову, побежала по комнате, в круг. Кусиков нащипывал на гитаре «Интернационал». Ударяя руками в воображаемый бубен, она кружилась по комнате, отяжелевшая, хмельная менада. Зрители жались по стенкам. Есенин опустил голову, словно был в чем-то виноват. Мне было тяжело. Я вспоминала ее вдохновенную пляску в Петербурге пятнадцать лет тому назад. Божественная Айседора! За что так мстило время этой гениальной и нелепой женщине?*

Гениальная и нелепая – иногда Есенин стыдился своей возлюбленной. Он обожал Айседору, ее всемирную славу, ему было приятно пройтись с нею под руку, похвастаться перед знакомыми, но все чаще вместо восхищения слушал неодобрительное шипение в спину, перемежающееся с пьяными советами бросить свою старуху и не портить себе жизнь.

> *– …Ты не говори, она не старая, она красивая, прекрасная женщина. Но вся* седая (под *краской), вот как снег. Знаешь, она настоящая русская женщина, более русская, чем все там. У нее душа наша, – так передал нам слова Есенина об Айседоре В. Чернявский*[56] *«Три эпохи встреч».*

Глава 13. Луна-парк

– …Безобразное великолепие Луна-парка оживило Есенина, – снова слышим мы голос Максима Горького, – он, посмеиваясь, бегал от одной диковины к другой, смотрел, как развлекаются почтенные немцы, стараясь попасть мячом в рот уродливой картонной маски, как упрямо они влезают по качающейся под ногами лестнице и тяжело падают на площадке, которая волнообразно вздымается. Было неисчислимо много столь же незатейливых развлечений, было много огней, и всюду усердно гремела честная немецкая музыка, которую можно было назвать «музыкой для толстых».

– Настроили – много, а ведь ничего особенного не придумали, – сказал Есенин и сейчас же прибавил: – Я не хаю.

Затем наскоро заговорил, что глагол «хаять» лучше, чем «порицать».

– Короткие слова всегда лучше многосложных, – сказал он.

Торопливость, с которой Есенин осматривал увеселения, была подозрительна и внушала мысль: человек хочет все видеть для того, чтоб поскорей забыть. Остановясь перед круглым киоском, в котором вертелось и гудело что-то пестрое, он спросил меня неожиданно и тоже торопливо:

– Вы думаете, мои стихи – нужны? И вообще искусство, то есть поэзия – нужна?

Вопрос был уместен как нельзя больше: Луна-парк забавно живет и без Шиллера.

Но ответа на свой вопрос Есенин не стал ждать, предложив:

– Пойдемте вино пить.

На огромной террасе ресторана, густо усаженной веселыми людями, он снова заскучал, стал рассеянным, капризным. Вино ему не понравилось:

– Кислое и пахнет жженым пером. Спросите красного, французского.

Но и красное он пил неохотно, как бы по обязанности. Минуты три сосредоточенно смотрел вдаль: там, высоко в воздухе, на фоне черных туч, шла женщина по канату, натянутому через пруд. Ее освещали бенгальским огнем, над нею и как будто вслед ей летели ракеты, угасая в

тучах и отражаясь в воде пруда. Это было почти красиво, но Есенин пробормотал:

– Все хотят как страшнее. Впрочем, я люблю цирк. А вы?

Он не вызывал впечатления человека забалованного, рисующегося, нет, казалось, что он попал в это сомнительно веселое место по обязанности или «из приличия», как неверующие посещают церковь. Пришел и нетерпеливо ждет, скоро ли кончится служба, ничем не задевающая его души, служба чужому богу.

– Этот день решено было закончить где-нибудь на свежем воздухе. Кто-то предложил Луна-парк. Говорили, что в Берлине он особенно хорош, – вторит Горькому Крандиевская-Толстая.

Был воскресный вечер, и нарядная скука возглавляла процессию праздных солидных людей на улицах города. Они выступали, бережно неся на себе, как знамя благополучия, свое Sonntagskleid, свои новые, ни разу не бывавшие в употреблении зонтики и перчатки, солидные трости, сигары, сумки, мучительную, щегольскую обувь, воскресные котелки. Железные ставни были спущены на витрины магазинов, и от этого город казался просторнее и чище.

Компания наша разделилась по машинам. Голова Айседоры лежала на плече у Есенина, пока шофер мчал нас по широкому Курфюрстендаму.

Сергей Есенин и Айседора Дункан в Берлине. 1922 г.

– Mais dis-moi souka, dis-moi ster-r-rwa… – лепетала Айседора, ребячась, протягивая губы для поцелуя.

– Любит, чтобы ругал ее по-русски, – не то объяснял, не то оправдывался Есенин, – нравится ей. И когда бью – нравится. Чудачка!

– А вы бьете? – спросила я.

– Она сама дерется, – засмеялся он уклончиво.

– Как вы объясняетесь, не зная языка?

– А вот так: моя – твоя, моя – твоя… – и он задвигал руками, как татарин на ярмарке. – Мы друг друга понимаем, правда, Сидора?

За столиком в ресторане Луна-парка Айседора сидела усталая, с бокалом шампанского в руке, глядя поверх людских голов с таким брезгливым прищуром и царственной скукой, как смотрит австралийская пума из клетки на толпу надоевших зевак.

Вокруг немецкие бюргеры пили свое законное воскресное пиво. Труба ресторанного джаза пронзительно-печально пела в вечернем небе. На деревянных скалах грохотали вагонетки, свергая визжащих людей в проверенные бездны. Есенин паясничал перед оптическим зеркалом вместе с Кусиковым. Зеркало то раздувало человека наподобие шара, то вытягивало унылым червем. Рядом грохотало знаменитое «железное море», вздымая волнообразно железные ленты, перекатывая через них железные лодки на колесах. Несомненно, бредовая фантазия какого-то мрачного мизантропа изобрела этот железный аттракцион, гордость Берлина! В другом углу сада бешено крутящийся щит, усеянный цветными лампочками, слепил глаза до боли в висках. Странный садизм лежал в основе большинства развлечений. Горькому они, видимо, не очень нравились. Его узнали в толпе, и любопытные ходили за ним, как за аттракционом. Он простился с нами и уехал домой.

Вечеру этому не суждено было закончиться благополучно. Одушевление за нашим столиком падало, ресторан пустел. Айседора царственно скучала. Есенин был пьян, невесело, по-русски пьян, философствуя и скандаля. Что-то его задело и растеребило во встрече с Горьким.

– А ну их к собачьей матери, умников! – отводил он душу, чокаясь с Кусиковым. – Пушкин что сказал? «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата». Она, брат, умных не любит! Пей, Сашка!

Это был для меня новый Есенин. Я чувствовала за его хулиганским наскоком что-то привычно наигранное, за чем пряталась не то разобиженность, не то отчаянье. Было жаль его и хотелось скорей кончить этот не к добру затянувшийся вечер.

Глава 14. Мужчина с прошлым и женщина без будущего

Айседора проповедовала свободную любовь, ее не интересовало, женат или свободен ее нынешний возлюбленный, ведь господь создал наши тела для радости и удовольствия. Что же касается личной жизни ее нового любовника, о его прошлых связях, детях, красивых и некрасивых поступках, она могла слушать часами. Благодаря Шнейдеру и друзьям Есенина, которые очень скоро становились и ее друзьями, она узнала, что до встречи с ней Сергей был дважды женат. Так, в 1913 году, работая в типографии «Товарищества И. Д. Сытина», Есенин познакомился с Анной Изрядновой[57], которая в 1914 родила ему сына Юрия[58].

– Анна Романовна принадлежала к числу женщин, на чьей самоотверженности держится белый свет. Глядя на нее, простую и скромную, вечно погруженную в житейские заботы, можно было обмануться и не заметить, что она была в высокой степени наделена чувством юмора, обладала литературным вкусом, была начитанна. Все связанное с Есениным было для нее свято, его поступков она не обсуждала и не осуждала. Долг *окружающих по отношению к нему был ей совершенно ясен – оберегать, – через несколько лет напишет о первой жене своего отца Татьяна Есенина*[59].

«Дорогая», «милая», «навеки».
А в душе всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь[60].

– Только что приехал из деревни, но на деревенского парня не был похож: на нем был коричневый костюм, высокий крахмальный воротник и зеленый галстук, – рассказывает о своем муже Сергее Есенине Анна Изряднова. – С золотыми кудрями он был кукольно красив, окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом. Был заносчив, самолюбив, его невзлюбили за это. Ко мне очень привязался, читал стихи. Требователен был ужасно, не велел даже с

женщинами разговаривать: «они нехорошие». Настроение было у него упадочное: он поэт, никто не хочет его понять, редакции не принимают в печать, отец журит… Все жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думал, как жить…

Когда у Анны и Сергея родился сын Юрий, молодой отец уже понял, что семья – не его стихия. Было необходимо пробиваться в газеты и журналы, делать дело, а не стирать пеленки. Оставив жену с новорожденным младенцем, он отправился на поиски счастья в Питер. Цель путешествия – познакомиться с Блоком[61].

«…с бухты-барахты не след идти в русскую литературу. Искусную надо вести игру и тончайшую политику…Не вредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят… Каждому надо доставить удовольствие… Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать», – якобы передает слова Есенина, а скорее, излагает свой собственный взгляд на предмет А. Мариенгоф.

Официального развода не было, да они и не расписывались. Так что никаких претензий, разошлись как в море корабли. Есенин обещал навещать и по мере сил помогать в воспитании Юрки, Анна:

Есенину пришлось много канителиться со мной. Нужно было отправить меня в больницу, заботиться о квартире. На ребенка Есенин смотрел с любопытством: «Вот я и отец».

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.
Чистит месяц в соломенной крыше
Обойменные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.
Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.
Не силен тот, кто радости просит,

Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.
Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить пороша.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.
Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня…
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня[62].

Анна Романовна Изряднова (сидит в нижнем ряду) и Сергей Есенин – в верхнем ряду второй слева в группе работников типографии «Товарищества И. Д. Сытина». Москва. 1914 г.

Прошло три года, в 1917-м Есенин женился и даже венчался с актрисой Зинаидой Райх[63] в древней Кирико-Иулиттовской церкви деревни Толстиково, Вологодского уезда. Свадьбу играли

в гостинице «Пассаж». Денег на свадьбу и венчания у Есенина не было, но невеста послала своему отцу Николаю Райху[64] телеграмму: «Вышли сто, венчаюсь. Зинаида». Не требуя больше никаких объяснений, тот незамедлительно исполнил дочернюю просьбу, ожидая молодых к себе в гости. А свадебный букет невесты Сергей собрал из полевых цветов по дороге в церковь. Вскоре после скромной свадьбы молодые отправились в Орел знакомиться с родителями и родственниками Зинаиды.

Историю этого знакомства нам поведал Константин Сергеевич Есенин[65] «Об отце»:

> *– В конце лета приехали трое в Орел, – рассказывал дед. – Зинаида с мужем и какой-то белобрысый паренек. Муж – высокий, темноволосый, солидный, серьезный. Ну, конечно, устроили небольшой пир. Время трудное было. Посидели, попили, поговорили. Ночь подошла. Молодым я комнату отвел. Гляжу, а Зинаида не к мужу, а к белобрысенькому подходит. Я ничего не понимаю. Она с ним вдвоем идет в отведенную комнату. Только тогда и сообразил, что муж-то – белобрысенький. А второй – это его приятель, мне еще его устраивать надо, – дед, как все деды, любил солидность и основательность. Мальчишеский вид Сергея Александровича его обескуражил.*
>
> *– Зинаида сказала ему, что он у нее первый. И соврала, – сплетничает А. Мариенгоф. – Этого Есенин никогда не мог простить ей. Не мог по-мужицки, по темной крови, а не по мысли. «Зачем соврала, гадина?». И судорога сводила лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулаки. Вернувшись в Петроград, они какое-то время живут раздельно.*

Весной 1918 года уже на сносях Зинаида переезжает в Орел к родителям, и 29 мая 1918-го у четы Есениных рождается дочь Татьяна. Жить решили в Москве. Так что, пока суд да дело, Сергей выехал вперед, готовить жилье.

> *– Первые ссоры были навеяны поэзией, – сообщает нам одну из семейных легенд Татьяна Сергеевна Есенина, дочь поэта, оставившая воспоминания о своей матери «Зинаида Николаевна Райх». – Однажды они выбросили в темное окно обручальные кольца (Блок – «Я бросил в ночь заветное кольцо») и тут же помчались их искать (разумеется, мать рассказывала это с добавлением: «Какие же мы были дураки!»). Но по мере того как они все*

ближе узнавали друг друга, они испытывали порой настоящие потрясения. Возможно, слово «узнавали» не все исчерпывает – в каждом время раскручивало свою спираль. Можно вспомнить, что само время все обостряло.

Когда Зинаиде пришло время родить второго их с Сергеем ребенка, она вместе с Таней вернулась к родителям в Орел. Это произошло в 1920 году. Мальчика назвали Константином, к великому сожалению ребенок серьезно заболел, и мать была вынуждена, вместо того чтобы возвращаться к мужу, переехать с малышом в Кисловодск.

– Фу! Черный! Есенины черными не бывают… – скривился Сергей и уехал с Мариенгофом. [66]

Не могу я с Зинаидой жить… говорил ей – понимать не хочет… не уйдет… вбила себе в голову: «Любишь ты меня, Сергун, это знаю и другого знать не хочу». Скажи ты ей, Толя… что есть у меня другая женщина… С весны, мол, путаюсь и влюблен накрепко… а таить того не велел…[67].

Сергей теребил жену новыми идеями, Зинаида разрывалась между мужем, родителями, маленькой Татонкой, безостановочно хворающим Костей, так что к тому времени, как состояние малыша стабилизировалось, она и сама угодила в клинику для душевнобольных.

Через год после рождения сына в суд города Орла поступило следующее заявление:

«Прошу не отказать в вашем распоряжении моего развода с моей женой Зинаидой Николаевной Есениной-Райх. Наших детей Татьяну трех лет и сына Константина одного года оставляю для воспитания у своей бывшей жены Зинаиды Николаевны Райх, беря на себя материальное обеспечение их, в чем и подписываюсь. Сергей Есенин».

Подписав разводные документы и оставив детей на бабушку с дедушкой, Зинаида отправилась в Москву, где вдруг неожиданно для всех поступила на режиссерское отделение, которым руководил Всеволод Эмильевич Мейерхольд[68]. Через год она выйдет замуж за Всеволода Эмильевича, который официально усыновит Таню и Костю.

– Летом 1922 года два совершенно незнакомых мне человека – мать и отчим – приехали в Орел и увезли меня и брата от деда и бабки. В театре перед Всеволодом Эмильевичем многие трепетали. Дома *его часто приводил в восторг любой пустяк – смешная детская фраза, вкусное блюдо. Всех домашних он лечил: ставил компрессы, вынимал занозы, назначал лекарства, делал перевязки и даже инъекции, при этом сам себя похваливал и любил себя называть «доктор Мейерхольд», – продолжает рассказ Татьяна Есенина.*

Говорят, что на одной из вечеринок Мейерхольд якобы сказал Есенину: «Знаешь, Сережа, я ведь в твою жену влюблен… если поженимся, сердиться на меня не будешь?».

И Есенин шутливо поклонился режиссеру в ноги: «Возьми ее, сделай милость… По гроб тебе благодарен буду».

Правда, когда Зинаида окончательно ушла от него, ругался: «Втерся ко мне в семью, изображал непризнанного гения… Жену увел…».

Трое детей – как раз столько, сколько потеряла в свое время Айседора: двое утонули, и третий умер через несколько минут после своего рождения. Если бы Сергей дал ей возможность хотя бы изредка покупать подарки для его малышей! Быть может, тогда они нашли бы возможность не рвать отношений, и теперь мы бы говорили не о трагической, а о счастливой любви. Трое детей от разных матерей, спустя годы появится и четвертый[69]. Настанет день, когда сама судьба сведет Юру, Таню и Костю, сделав их друзьями. Произошло это так:

– Напротив, на другой стороне бульвара, стояло очень похожее здание с мемориальной доской – в нем жил Грибоедов. Кто из его современников бродил по нашим комнатам – такими вопросами в двадцатые годы как-то не задавались, – рассказывает Татьяна Есенина.

Новинский был оживленным местом, неподалеку шумел Смоленский рынок с огромной барахолкой, где престарелые дамы в шляпках с вуалью распродавали свои веера, шкатулочки и вазочки. По бульвару ходили цыгане с медведями, бродячие акробаты. Приезжие крестьяне, жмурясь от страха, перебегали через трамвайную линию в лаптях, домотканых армяках, с котомками за плечами.

На бульваре мы нежданно-негаданно познакомились со своим сводным братом – Юрой Есениным. Он был старше меня на четыре года. Его как-то тоже привели на бульвар, и, видно не найдя для себя другой компании, он

принялся катать нас на санках. Мать его, Анна Романовна Изряднова, разговорилась на лавочке с нянькой, узнала, «чьи дети», и ахнула: «Брат сестру повез!». Она тут же пожелала познакомиться с нашей матерью. С тех пор Юра стал бывать у нас, а мы – у него.

Мог ли Есенин познакомить Айседору с детьми? Очень даже легко, во всяком случае, он приводил к ним Г. Бениславскую, позже С. Толстую:

– Один только раз отец всерьез занялся мной, – рассказывает Таня. – Он пришел тогда не один, а с Талиной Артуровной Бениславской. Послушал, как я читаю. Потом вдруг принялся учить меня… фонетике. Проверял, слышу ли я все звуки в слове, особенно напирал на то, что между двумя согласными часто слышен короткий гласный звук. Я спорила и говорила, что раз нет буквы, значит, не может быть никакого звука.

Айседора все время выдавала деньги Есенину на мать[70], сестер. Будучи еще достаточно молодой, она набрала сорок учениц, удочерив их всех до одной, открыв для них школу танцев. Однажды, это будет уже после возвращения Есенина и Дункан из-за границы, по

Зинаида Райх с детьми, Константином (слева) и Татьяной Есенинами

Москве поползет очень странный слушок, де поэт принял решение похитить Таню и Костю, дабы воспитывать их вместе со своей новой женой.

> *– Как-то до Зинаиды Николаевны дошли слухи, что Есенин хочет нас «украсть», – пишет в своих воспоминаниях Татьяна Есенина. Во время всего повествования она называет мать по имени и отчеству – Либо сразу обоих, либо кого-нибудь одного. Я видела, как отец подшучивал над Ольгой Георгиевной, и вполне могу себе представить, что он кого-то разыгрывал, рассказывая, как украдет нас. Может быть, он и не думал, что этот разговор дойдет до Зинаиды Николаевны. А может быть, и думал…*
>
> *И однажды, забежав к матери в спальню, я увидела удивительную картину. Зинаида Николаевна и тетка Александра Николаевна сидели на полу и считали деньги. Деньги лежали перед ними целой горкой, запечатанные в бумагу, как это делают в банке, столбики монет.*

Оказывается, всю зарплату в театре выдали в тот раз трамвайной мелочью.

– На эти деньги, – возбужденно прошептала мать, – вы с Костей поедете в Крым.

Я, конечно, гораздо позже узнала, что шептала она во имя конспирации. И нас действительно срочно отправили в Крым с Ольгой Георгиевной и теткой – прятать от Есенина. В доме было много женщин, было кому сеять панику. В те годы случалось много разводов, право матери оставаться со своими детьми считалось новшеством, и случаи «похищения» отцами своих детей передавались из уст в уста.

Глава 15. Есенин и журналисты

В Берлине выходят несколько статей, посвященных Есенину и Дункан, журналисты с радостью берут интервью у маргинальной пары во Франции и особенно в Америке, на родине Дункан, и при этом никто из этих ловцов сенсаций почему-то не догадается поговорить с поэтом о литературе, о его отношении к поэзии. Как обычно, всех интересует исключительно клубничка. В большом почете статьи о скандалах и происшествиях. Тема имажинистов интересна, потому что члены этой группы эпатажно ведут себя, а советское правительство попустительствует разгромам ресторанов в Москве или потасовкам на творческих вечерах. Ходят упорные слухи, будто Троцкий[71] отдал приказ пойманного во время пьяных дебошей Есенина доставлять под белы рученьки в отделение, давать проспаться до утра, после чего выгонять, ни в коем случае не давая делу хода.

> *– «Друзей» устраивали легендарные скандалы Есенина. Эти скандалы привлекали любопытных в кафе[72] и увеличивали доходы. Трезвый Есенин им был не нужен. Когда он пил, вокруг него все пили и ели на его деньги, – наконец проливает свет на эти знаменитые скандалы А. Миклашевская.*

Журналисты же в который уже раз задают вопросы о личной жизни Есенина и Дункан. Создается впечатление, что никто даже не пытается разгадать самого Есенина, понять, что у него на душе. Все видели просто красивого молодого человека рядом женщиной старше его на пятнадцать лет, и, несмотря на постоянные протесты Дункан, на ее заявления, что, мол, Есенин гений, сложившееся на его счет мнение не менялось. Вот и стишки обидные появились:

> Не придумаешь фарса нелепее.
> Вот он, вывоз сырья из Сведении,
> Вот восторг образованных стран.
> С разрешения доброго Ленина
> Привезла молодого Есенина
> Не совсем молодая Дункан!

Л. Г. Мунштейн (Lolo)[73] Берлин 21 мая 1922 года.

– Имажинисты – выразители и дети своей эпохи. По словам Ленина, они «больные эпохой мальчики», по словам Луначарского – «аморальные типы». В настоящее время имажинизм – преобладающее течение русской поэзии, в одной Москве группа имажинистов насчитывает около 100 человек; провинция тоже «работает под имажинистов, – сообщает Есенин журналисту А. Ветлугину[74], который после интервью приглашает Есенина и Дункан посетить литературный вечер в Доме искусств.

На следующий день Сергей и Айседора являются на вечер, когда зал уже полон. Но, должно быть приревновав к славе Дункан, в двери клуба он входит первым, оставив свою половинку на лестнице. Странная прихоть – согласно этикету муж и жена должны появиться вместе. Но Есенину законы не писаны. Он кивнул Алексею Толстому и Николаю Минскому[75], обнялся с Эренбургом[76] и Кусиковым. По залу летит взволнованный шепоток, недоброжелатели Есенина делают ставки, выкинет что-нибудь в своем роде литературный хулиган или нет.

Кто-то выкрикнул: «Интернационал!». Начался шум, свист. Есенин вскочил на стул и стал читать на исконную русскую тему – о *скитальческой озорной душе. А тем, кто свистел, он крикнул: «Все равно не пересвистите. Как засуну четыре пальца в рот и свистну – тут вам и конец. Лучше нас никто свистеть не умеет»[77]. И свистнул. Да потом еще и крикнул гневное:*

– В России, где теперь трудно достать бумагу, я писал свои стихи вместе с Мариенгофом на стенах Страстного монастыря или читал их вслух на бульварах. Лучшие поклонники поэзии – это проститутки и бандиты.

После этого заявления часть публики посчитала себя оскорбленной и покинула зал, а Есенин под аплодисменты и освистания начал читать стихи.

В Берлине на такую мелочь, как небольшой скандал на литературном вечере, внимания не обратили. Подумаешь, большое дело, пьяные поэты погрызлись, так ведь не убили же никого. Зато уже на следующий день на стол Луначарского легла телеграмма из Берлина, в которой, в частности, говорилось о недопустимости пребывания такого ненадежного человека, как Сергей Есенин, заграницей. В результате супругам пришлось письменно объясняться с наркомом иностранных дел М. Литвиновым[78]:

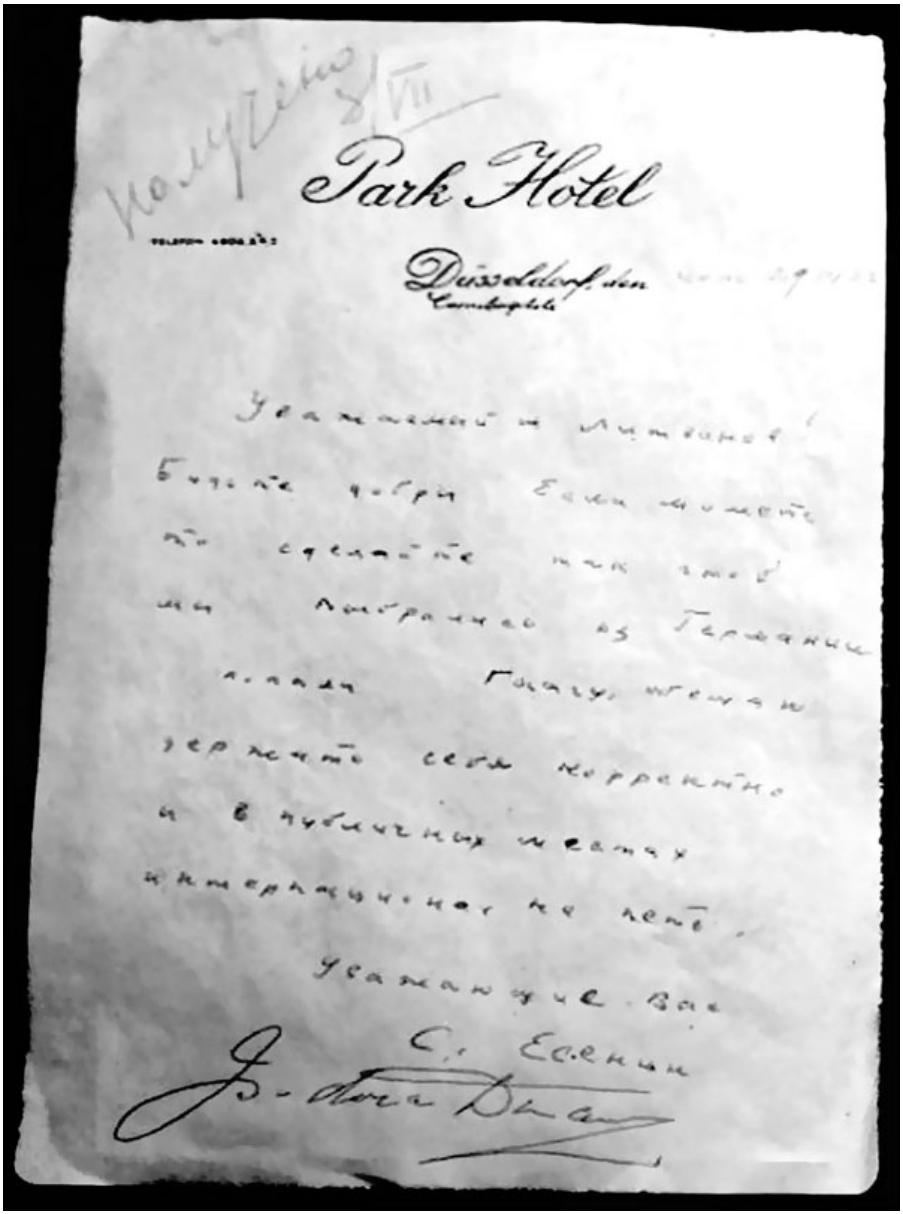
– Обещаю держать себя корректно и в публичных местах «Интернационал» не петь, – пишет Есенин. После того как инцидент был худо-бедно улажен, они отправились во Францию, а затем в Америку

Здесь супружескую пару снова атакуют журналисты.

Молодой русский поражен панорамой небоскребов Манхэттена и сказал, что будет писать о них. Он говорит, что предпочитает сочинять стихи «о бродягах и попрошайках», но он не похож на них. Он сказал также, что его обожают бандиты и попрошайки, собаки, коровы и другие домашние животные. В прессе его называли меланхоличным, но он, похоже, самый веселый большевик, который когда-либо пересекал Атлантику[79].

Здесь же:

Изадора заявила, что считает своего мужа величайшим из живущих русских поэтов, который входит в группу имажинистов. Она показала журналистам томик его стихов, переведенных на французский язык…



«Обещаю держать себя корректно и в публичных местах “Интернационал” не петь» (Сергей Есенин)

Айседора демонстрирует книгу, но журналисты словно не замечают этого, не реагируют на ключевое слово «поэт». Что же интересует американскую прессу и, соответственно, читателя? Их интересует, как теперь, после пребывания в варварской России, одевается знаменитая Дункан и как выглядит ее избранник стиля а-ля Рюс. Я не привожу здесь всю статью, так как она длинна и весьма утомительна, начну с фрагмента, в котором журналист

описывает костюм Айседоры:

> *…просторная синяя шерстяная юбка с вышивкой из белой ангорской шерсти, красные сафьяновые сапожки с золотистыми узорами и вкраплениями из нефрита, широкополая шляпа из белого фетра, из-под которой выбивались пышные волосы, крашеные хной.*

А вот так «Нью-Йорк уорлд» отзывается о Есенине:

> *Вошел муж мадам Дункан. Он… выглядит мальчишкой, который был бы отличным полузащитником в любой футбольной команде, ростом он примерно 5 футов 10 дюймов, блондинистые, хорошо постриженные волосы, широкие плечи, узкие бедра и ноги, которые могут пробежать сотню ярдов за десять секунд.*

А вот описание данное «Нью-Йорк геральд»:

> *Есенин выглядит моложе своих 27 лет. В одежде он ничем не отличается от обычного американского бизнесмена, будучи в простом сером твидовом костюме. Хотя он не говорит по-английски, он склонился над своей супругой и с улыбкой одобрял все, что она говорила репортерам. Оба они выглядели искренне влюбленными и не старались скрывать это…*

Но семейное счастье или несчастье – это, конечно, хорошо, во все времена журналисты любят преподносить в светских хрониках подробности жизни известных людей. Изумляет другое: никто и не пытается поговорить с поэтом о поэзии. Все словно заранее решили, что ему нечего сказать, и поставили на нем крест. Меж тем я позволю себе привести здесь кусочек письма Сергея Александровича Иванову-Разумнику[80], датированного маем 1921 года, г. Ташкент, в котором Есенин как раз говорит о литературе:

> *– …Блок – поэт бесформенный, Клюев тоже. У них нет почти никакой фигуральности нашего языка, – пишет С. Есенин. – У Клюева они очень мелкие («черница-темь сядет с пяльцами под окошко шить златны воздухи», «Зой ку-ку загозье, гомон с гремью шыргунцами вешает на сучья», «туча – ель, а солнце – белка с раззолоченным хвостом» и т. д.). А Блок исключительно чувствует только простое слово по Гоголю, что «слово есть знак,*

которым человек человеку передает то, что им поймано в явлении внутреннем или внешнем».

Дорогой Разумник Васильевич, 500, 600 корней – хозяйство очень бедное, а ответвления словесных образов – дело довольно скучное. Чтобы быть стихотворным мастером, их нужно знать дьявольски. Ни Блок, ни Клюев этого не знают, так же как и вся братия многочисленных поэтов.

Я очень много болел за эти годы, очень много изучал язык и к ужасу своему увидел, что ни Пушкин, ни все мы, в том числе и я, не умели писать стихов.

Ведь стихи есть определенный вид словесной формы, где при лирическом, эпическом или изобретательном выявлении себя художник делает некоторое звуковое притяжение одного слова к другому, т. е. слова входят в одну и ту же произносительную орбиту или более или менее близкую.

Но такие рифмы, какими переполнено все наше творчество: достать – стать, пути – идти, голубица – скрыться, чайница – молчальница и т. д., и т. д. – ведь это же дикари только могут делать такие штуки. Положим, язык наш звучащих имеет всего 29 букв, а если разделить их на однородные типы, то и того меньше будет, но все же это не годится. Нужно если не буквенно, то хоть по смысловому понятию уметь отделять слова от одинаковости их значения.

Поэтическое ухо должно быть тем магнитом, который соединяет в звуковой одноудар по звучанию слова разных образных смыслов. Только тогда это и имеет значение. Но ведь «пошла – нашла», «ножка – дорожка», «снится – синится» – это не рифмы.

Это грубейшая неграмотность, по которой сами же поэты не рифмуют «улетела – отлетела». Глагол с глаголом нельзя рифмовать уже по одному тому, что все глагольные окончания есть вид одинаковости словесного действия. Но ведь и все почти существительные в языке есть глаголы. Что такое синица и откуда это слово взялось, как не от глагола синеется, голубица – голубеется и т. д.

Я не хочу этим развивать или доказывать перед вами мою теорию поэтических напечатлений. Нет! Я единственно вам хочу указать на то, что я на поэта, помимо его внутренних импульсов, имею особый взгляд, по которому отказался от всяких четких рифм и рифмую

теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно. Вроде: почва – ворочается, куда – дал и т. д. Так написан был отчасти «Октоих» и полностью «Кобыльи корабли».

Вот с этой, единственно только с этой точки зрения я писал вам о Блоке и Клюеве во втором своем письме. Я, Разумник Васильевич, не особенный любитель в поэзии типов, которые нужны только беллетристам. Поэту нужно всегда раздвигать зрение над словом. Ведь если мы пишем на русском языке, то мы должны знать, что до наших образов двойного зрения: «Головы моей желтый лист», «Солнце мерзнет, как лужа» – были образы двойного чувствования. «Мария, зажги снега» и «заиграй овражки», «Авдотья, подмочи порог» – это образы календарного стиля, которые создал наш Великоросс из той двойной жизни, когда он переживал свои дни двояко, церковно и бытом.

Вот так – целая лекция о секретах ремесла в поэзии. Сразу видно, насколько свободно Есенин играет со всеми этими образами, насколько они им продуманы, прочувствованы, прожиты.

Сергей Есенин никогда не относился к поэтам-лентяям, считавшим, будто стихи им диктуются свыше. Последние обычно отказываются что-либо изменять в написанном под предлогом «так на душу легло». Есенинская оценка творчества поэтов – это, прежде всего взгляд жесткого профессионала практика.

Мария – это церковный день святой Марии, а «зажги снега» и «заиграй овражки» – бытовой день, день таянья снега, когда журчат ручьи в овраге. Но это понимают только немногие в России. Это близко только Андрею Белому[81]*. Посмотрите, что пишет об этом Евгений Замятин в своей воробьиной скороговорке «Я боюсь» № 1 «Дома искусств».*

Вероятно, по внушению Алексея Михайловича он вместе с носом Чуковского, который ходит, заложив ноздри в карман, хвалит там Маяковского[82]*, лишенного всяческого чутья слова. У него ведь почти ни одной нет рифмы с русским лицом, это помесь негра с малороссой (гипербола – теперь была, лилась струя – Австрия).*

Здесь необходимо пояснить: Замятин написал статью, в которой превозносил поэзию Маяковского: «И по-прежнему среди плоско-жестяного футуристического моря один маяк –

Маяковский. Потому что он не из юрких…». Там же: «Лошадизм московских имажинистов слишком явно придавлен чугунной тенью Маяковского. Но как бы они ни старались дурно пахнуть и вопить – им не перепахнуть и не перевопить Маяковского». Термин «лошадизм» приводится как ассоциация к сборнику Шершеневича «Лошадь как лошадь» (1920).

> *…Простите еще раз, Разумник Васильевич, если как-нибудь приношу вам огорчение. Не люблю я скифов, не умеющих владеть луком и загадками их языка. Когда они посылали своим врагам птиц, мышей, лягушек и стрелы, Дарию нужен был целый синедрион толкователей. Искусство должно быть в некоторой степени тоже таким. Я его хорошо изучил, обломал и потому так спокойно и радостно называю себя и моих товарищей «имажинистами». Помните, я вам кой-что об этом говорил еще на Галерной, 40? И даже в поэме «Сельский часослов» назвал это мое брожение «Израмистил»*[83]*. Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших «Слово о полку Игореве» и такие строчки, как: «На оболони телегы скрыпать, Рцы лебеди распужени».*
>
> *Дело не в имажинизме, которое притянула к нам З. Венгерова*[84] *в сборнике «Стрелец» 1915 года, а мы взяли да немного его изменили. Дело в моем осознании, преображении мира посредством этих образов. Вспомните: «Как яйцо, нам сбросит слово // С проклевавшимся птенцом…»*[85]*.*
>
> *Тогда это была тоска «Господи, отелись», желание той зари, которая задирает хвост коровой, а теперь…* [86]

Разумник Васильевич Иванов-Разумник (настоящая фамилия Иванов) – русский и советский литературовед, литературный критик, социолог, писатель

Как мы видим, Есенин действительно много работал над стихом, читал других поэтов, вырабатывал собственную концепцию. Еще больше его интересовали любые отклики о нем в зарубежной прессе, особенно после того, как он оттуда вернулся. Добыть подобный материал в то время было сложнее, нежели намыть золото на какой-нибудь сибирской речушке.

> *– Заговорили о критике. Сергей Александрович очень интересовался статьями о литературе в зарубежных газетах. Яна обещала ему доставать, – вспоминает Бениславская. – Больше всего интересовался статьями и заметками о нем самом и об имажинистах вообще.*

Поэтому я и Яна доставали ему много газет. Я добывала в информационном бюро ВЧК, а для этого приходилось просматривать целые комплекты «Последних новостей», «Дня» и «Руля».

Впрочем, будет и пресса, будут и научные труды об Есенине. Пока же Айседора обязана добиться перевода и издания стихов Есенина за границей. И вот сначала в газете «Накануне» выходит подборка стихов С. Есенина, после успеха которой Сергей Александрович подписывает договор об издании сборника. Книжка выходит на средства автора, точнее, на средства Айседоры, в ожидании появления которой Есенин заключает договор на издание «Собрания стихов и поэм». Условия прежние.

Опережая события, привожу ответ Горького, когда его спросили о том, как стихи Сергея Есенина принимались читателями в Европе:

«Набросились, как обжоры на клубнику в январе!» – радостно сообщил он.

В общем, полный успех!»

Глава 16. Когда поют финансы

– Дура моя – Ягодка! Ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, залезть под юбку и забыть самого лучшего твоего друга, – пишет Есенин Мариенгофу

В первой же строчке намек: Мариенгоф ругал его – Есенина – за то, что тот якобы предпочел святому искусству женитьбу на Райх, позже на Дункан. А вот теперь сам Мариенгоф проштрафился. Так влюбился, что даже другу на письма ответить не можешь.

…Мартын – это одно, а я другое. Дюжину писем я изволил отправить вашей сволочности, и ваша сволочность ни гу-гу. Итак, начинаю. Знаете ли вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце… О нет, вы не знаете Европы!

Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью, так и чешется, но, к горю моему, один такой ненавистный мне в этом случае, но прекрасный поэт Эрдман сказал, что почесать его нечем.

Почему нечем, РАЗЗ-эт-твою, я готов просунуть для этой цели в горло сапожную щетку, но рот мой мал, и горло мое узко. Да, *прав он, этот проклятый Эрдман, передай ему за это тысячу поцелуев и скажи, что у такого юноши, как я, недавно оторвался маятник от циферблата живота*[87]*. Часовой механизм попортился.*

Да, мой друг рыжий, да! Я писал Сашке[88]*, писал Златому*[89]*, и вы «ни тебе, ни матери». Теперь я понял, понял все я. Ах, уж не мальчик я давно. Среди исканий Безпокоя любить поэту не дано.*

Это сказал В. Ш., по-английски он зовется В. Шекспиром. О, я узнал теперь, что вы за канальи, и в следующий раз вам как в месть напишу обязательно по-английски, чтоб вы ничего не поняли.

Да, напишу обязательно will hawe happy impression[90] *просьбу простить меня.*

– Уезжая в 1922 году за границу, Есенин просил Мариенгофа позаботиться о сестре Кате: выдавать ей деньги – пай Есенина в кафе поэтов и в книжной лавке на

Никитской, – рассказывает Августа Миклашевская. – Мариенгоф не выполнил обещания. Когда Есенин узнал об этом, они поссорились. И все-таки, когда Мариенгоф с Никритиной[91] были за границей и долго не возвращались, Есенин пришел ко мне и попросил: «Пошлите этим дуракам деньги, а то им не на что вернуться. Деньги я дам, только чтобы они не знали, что это мои деньги».

Есенин, открытая, распахнутая душа, всем желает помочь, обо всех несчастных позаботиться, неудивительно, что Айседоре с таким попутчиком приходится задумываться о продаже недвижимости. Вот как пишет об этом сам Есенин в письме к И. Шнейдеру:

Милый Илья Ильич! Привет вам и целование.

Простите, что так долго не писал вам, берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ногу. Лечусь в Висбадене. Пить перестал и начинаю работать.

Если бы Изадора не была сумасбродной и дала мне возможность где-нибудь присесть, я очень много бы заработал и денег. Пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем в перспективе около 400. У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тысяч марок. Такая же история может получиться и в Париже. Имущество ее, библиотека и мебель расхищены, на деньги в банке наложен арест.

Сейчас туда она отправила спешно одного ей близкого человека. Знаменитый Поль Бонкур[92] не только в чем-нибудь помог ей, но даже отказался дать подпись для визы в Париж. Таковы ее дела… Она же как ни в чем не бывало скачет на автомобиле, то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии – истерика.

Письмо датируется 21 июня 1922 года, когда Есенин и Дункан останавливались в Висбадене.

«Дела *ужасны», тем не менее Есенин накупает себе такое количество костюмов, что они просто не помещаются в гостиничный шкаф. Пройдет мода, и куда их? В деревню отцу посылать? Понимая это, Дункан даже не пытается остановить супруга.*

Он такой ребенок, и он никогда ничего не имел в жизни. Я не могу упрекать его за это.

Она не ругает Сергея, когда того доставляют домой мертвецки пьяного, так что швейцар или дежурный по этажу вынуждены нести постояльца на руках. Он же русский, а все русские пьют. Впрочем, с Айседорой тоже время от времени случаются подобные казусы. За все дополнительные услуги Дункан платит по самой высокой цене. Так что складывается впечатление, что бар при гостинице работает исключительно на странных русских миллионеров.

> *– Айседора и Есенин занимали две большие комнаты в отеле «Адлен» на Унтер ден Линден. Они жили широко, располагая, по-видимому, как раз тем количеством денег, какое дает возможность пренебрежительного к ним отношения, –* продолжает Крандиевская-Толстая. – Дункан *только что заложила свой дом в окрестностях Лондона и вела переговоры о продаже дома в Париже. Путешествие по Европе в пятиместном «бьюике», задуманное еще в Москве, совместно с Есениным требовало денег, тем более что Айседору сопровождал секретарь-француз, а за Есениным увязался поэт Кусиков. Автомобиль был единственным способом передвижения, который признавала Дункан. Железнодорожный вагон вызывал в ней брезгливое содрогание; говорят, что она никогда не ездила в поездах.*

Это неправда, Айседора постоянно путешествовала по железной дороге, провожая на очередное турне прекрасную танцовщицу, ее тогдашний любовник, Парис Зингер, буквально заваливал ее роскошное купе цветами.

Когда тот же Зингер обучил ее водить машину, Айседора полюбила путешествовать, сидя за рулем. Потеряв детей, она несколько месяцев колесила из города в город, не в силах остановиться. Впрочем, об известных людях часто придумывают неправдоподобные истории.

Берлин, Унтер-ден-Линден, 1920-е гг.

Айседора вообще была женщина со странностями. Несомненно умная, по-особенному, своеобразно, с претенциозным уклоном удивить, ошарашить собеседника. Эту черту словесного озорства я наблюдала позднее у другого ее соотечественника, блестящего Бернарда Шоу[93].

Айседора, например, утверждала: «Большинство общественных бедствий оттого, что люди не умеют двигаться. Они делают много лишних и неверных движений».

Это часть философии Дункан, она часто выступала с публичными лекциями, преподавала в своей школе. К слову, желая говорить с ней на одном языке, Есенин сбрасывал туфли и плясал, пока уставший не падал на пол.

– Однажды *ночью к нам ворвался Кусиков, – снова доносится до нас голос Крандиевской-Толстой, – попросил взаймы сто марок и сообщил, что Есенин сбежал от Айседоры.*

– Окопались в пансиончике на Уландштрассе, – сказал *он весело, – Айседора не найдет. Тишина, уют. Выпиваем, стихи пишем. Вы смотрите, не выдавайте нас.*

Но Айседора села в машину и объехала за три дня все пансионы Шарлотенбурга и Курфюрстендама. На четвертую ночь она ворвалась, как амазонка, с хлыстом в руке в тихий семейный пансион на Уландштрассе. Все спали. Только Есенин в пижаме, сидя за бутылкой пива в столовой, играл с Кусиковым в шашки. Вокруг них в темноте буфетов на кронштейнах, убранных кружевами,

мирно сияли кофейники и сервизы, громоздились хрустали, вазочки и пивные кружки. Висели деревянные утки вниз головами. Солидно тикали часы. Тишина и уют вместе с ароматом сигар и кофе обволакивали это буржуазное немецкое гнездо, как надежная дымовая завеса, от бурь и непогод за окном. Но буря ворвалась и сюда в образе Айседоры. Увидя ее, Есенин молча попятился и скрылся в темном коридоре. Кусиков побежал будить хозяйку, а в столовой начался погром.

Айседора носилась по комнатам в красном хитоне, как демон разрушения. Распахнув буфет, она вывалила на пол все, что было в нем. От ударов ее хлыста летели вазочки с кронштейнов, рушились полки с сервизами. Сорвались деревянные утки со стены, закачались, зазвенели хрустали на люстре. Айседора бушевала до тех пор, пока бить стало нечего. Тогда, перешагнув через груды черепков и осколков, она прошла в коридор и за гардеробом нашла Есенина.

– Quittez ce bordel immédiatement, – сказала она ему спокойно, – et suivez-moi. (покиньте немедленно этот бордель и следуйте за мной).

Есенин надел цилиндр, накинул пальто поверх пижамы и молча пошел за ней. Кусиков остался в залог и для подписания пансионного счета.

Этот счет, присланный через два дня в отель Айседоре, был страшен. Было много шума и разговоров. Расплатясь, Айседора погрузила свое трудное хозяйство на два многосильных «мерседеса» и отбыла в Париж через Кельн и Страсбург, чтобы в пути познакомить поэта с готикой знаменитых соборов.

Глава 17. Париж

– …В 1922 году, во время пребывания Есенина в Париже, я познакомился с этим странным молодым человеком, угадать в котором поэта можно было лишь после длительного наблюдения, – пишет в своей работе «Есенин и Дункан» переводчик и писатель Франц Элленс[94]*. – Тривиальное определение «молодой человек» не подходит к нему Вы видели изящную внешность, стройную фигуру, жизнерадостное выражение лица, живой взгляд, и казалось, что все это изобличает породу в самом аристократическом значении этого слова. Но под этим обликом и манерой держать себя тотчас обнаруживалась подлинная натура этого человека, та, что выразилась в «Исповеди хулигана». В резких жестах руки, в модуляциях голоса, временами доходящих до крика, распознавался табунщик, мальчик нецивилизованный, свободный, полный безотчетных влечений, которого с трех лет отпускали в степь. Он мне рассказывал, как однажды его дядя, вместе с которым он жил, сел верхом на лошадь, посадил и его тоже верхом на кобылу и пустил ее вскачь. Свою первую верховую прогулку поэт совершил галопом. Вцепившись в гриву лошади, он с честью выдержал испытание.*

Есенина надо искать в самих его истоках, в корнях его родины. Когда я впервые увидел его, его элегантность в одежде и совершенная непринужденность в манере держать себя на какой-то миг ввели меня в заблуждение. Но его подлинный характер быстро раскрылся мне. Эта элегантность костюма, эта утонченная изысканность, которую он словно бы нарочно подчеркивал, были не более чем еще одной – и не самой интересной – ипостасью его характера, сила которого была неотделима от удивительной нежности. Будучи кровно связан с природой, он сочетал в себе здоровье и полноту природного бытия. Думается, можно сказать, что в равной степени подлинными были оба лика Есенина. Этот крестьянин был безукоризненным аристократом.

Впрочем, он сам с удовольствием подчеркивал этот контраст, или, лучше сказать, единство. Он говорил, что пришел в этот мир

…целовать коров,

слушать сердцем овсяный хруст, и охотно хвастался в стихах, что ходит «в цилиндре и лакированных башмаках», но тотчас возвращался к своим валенкам и шапке, потому что…

Живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека,
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Встреча с Горьким и Толстыми в Берлине произошла раньше парижского турне Айседоры и первого посещения Есениным Франции. Прошло совсем немного времени, и балаганный облик ряженого Есенина сменился новой ролью природного аристократа. Заметно благотворное влияние супруги.

Париж – совсем другое дело, – передает отзыв С. Есенина Всеволод Рождественский[95]*. – В Париже жизнь веселая, приветливая. Идешь по бульварам, а тебе все улыбаются, точно и впрямь ты им старый приятель. Париж – город зеленый, только дерево у французов какое-то скучное. Уж и так и сяк за ним ухаживают, а оно стоит надув губы. Поля за городом прибранные, расчесанные – волосок к волоску. Фермы беленькие, что горничные в наколках. А между прочим, взял я как-то комок земли – и ничем не пахнет.* Да *и лошади все стриженые, гладкие. Нет того, чтобы хоть одна закурчавилась и репейник в хвосте принесла! Думаю, и репейника-то у них там нет.*

…Это было в то время, когда я вместе со своей женой переводил его стихи[96]*, – продолжает Франц Элленс. – Я видел его каждый день то в небольшом особняке Айседоры на улице Помп, то в отеле «Крийон», где супружеская чета спасалась от сложностей домашнего быта. Если в «Крийоне» Есенин производил впечатление человека светского, нисколько не выпадающего из той среды, которая казалась столь мало для него подходящей, то в будничной обстановке*

маленького особняка он представал передо мной в своем более естественном облике, и, во всяком случае на мой взгляд, выглядел человеком более интересным и более располагающим к себе. Я имел также возможность с некоторым смущением наблюдать этот союз молодого русского поэта и уже клонившейся к закату танцовщицы, показавшийся мне сначала, как я уже говорил, почти чудовищным. Я думаю, что ни одна женщина на свете не понимала свою роль вдохновительницы более по-матерински, чем Айседора. Она увезла Есенина в Европу, она, дав ему возможность покинуть Россию, предложила ему жениться на ней. Это был поистине самоотверженный поступок, ибо он был чреват для нее жертвой и болью. У нее не было никаких иллюзий, она знала, что время тревожного счастья будет недолгим, что ей предстоит пережить драматические потрясения, что рано или поздно маленький дикарь, которого она хотела воспитать, снова станет самим собой и сбросит с себя, быть может жестоко и грубо, тот род любовной опеки, которой ей так хотелось его окружить. Айседора страстно любила юношу-поэта, и я понял, что эта любовь с самого начала была отчаянием.

Всю жизнь Айседора отрицала брак как таковой: «Если женщина, прочитав брачный контракт, все же выходит замуж, значит, так ей и надо!» – шокировала публику на своих публичных выступлениях Дункан. Она отказалась стать женой миллионера Зингера, от которого у нее был сын. Ее не интересовал брак с Гордоном Крейгом, чьему гению она продолжала поклоняться даже после того, как они расстались. В какой-то степени брак с Есениным – с человеком, с которым нет и не может быть никаких перспектив, – был продиктован необходимостью. Она посчитала себя обязанной кинуть к ногам своего юного подопечного Европу, как кидает шубу под ноги королевы Англии Сэр Уолтер Рэйли[97]. Она должна была оторвать Есенина от вечно хмельных друзей и показать ему новые горизонты. Она продавала недвижимость ради того, чтобы одевать его по последней парижской моде, чтобы устраивать праздники, на которые будут приглашены будущие издатели. В конце концов, она оплатила все первые переводы стихов Есенина и тиражи его книг на разных языках. Для деятельной, как бы это сейчас сказали, креативной Айседоры Есенин был не только любимым мужчиной, но и интереснейшим проектом, который она блистательно реализовывала.

Сергей Есенин в доме Айседоры Дункан. Париж, rue de la Pompe, 103. Сентябрь 1922 г.

А как еще доказать свою любовь? Одни утверждают, будто путь к сердцу мужчины лежит через желудок, другие – через лесть. В своей страсти к Есенину, Айседора шла ва-банк. Она отдавала все, что у нее было, понимая, что все равно не сможет

стать для него тем, чем он являлся для нее.

Есенин же то капризничал, убегая от великовозрастной супруги, то возвращался, дабы пасть перед ней на колени. Впрочем, он писал стихи, а это уже хороший знак. Вот, к примеру, посвященное Айседоре:

Сыпь, гармоника! Скука… Скука…
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука.
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпеж!
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Или в морду хошь?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!
Пей, выдра! Пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую,
Немало вас.
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче
То здесь, то там.
Я с собой не покончу.
Иди к чертям.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая… я плачу…
Прости… Прости…

Вот такое признание в любви.

В Париже Айседора уходит с головой в свою работу, ей и танцевать, и на деловые встречи бегать. От нечего делать Есенин

и Кусиков целый день пьют взаперти.

Как-то раз Александр Борисович уговорил традиционно мрачного Сергея Александровича поехать посмотреть Версаль. Айседора тут же выдала денег на это мероприятие, в тайне надеясь, что Есенин хоть немного развеется. Есенина уговаривали долго, но, в конце концов, и он согласился. Вышли утречком из дома, прошли пару кварталов, а когда поравнялись со знакомым ресторанчиком, Есенин вдруг ощутил жуткий голод. Сели завтракать. Сергей Александрович сразу пить. Так до ужина и завтракали, ни в какой Версаль не поехали. Позже Есенин признался, что специально все подстроил, чтобы никуда не ехать.

– …Мне вспоминается вечер, когда одновременно раскрылись и драма этих двух людей, и подлинный характер Есенина, – рассказывает Франц Элленс. – Я пришел, когда они были еще за столом (имеются в виду Есенин и Дункан), и застал их в каком-то странном и мрачном расположении духа. Со мной едва поздоровались. Они были поглощены друг другом, как юные любовники, и нельзя было заметить, что они находятся в ссоре. Несколько мгновений спустя Айседора мне рассказала, что слуги отравляют им жизнь, что этим вечером здесь разыгрались отвратительные сцены, которые привели их в смятение.

Поскольку его жена показала себя более раздраженной, чем обычно, и утратила то замечательное хладнокровие, то чувство меры, тот ритм, который был основой и ее искусства, и самой ее натуры, что по обыкновению так хорошо воздействовало на поэта, Есенин решил ее подпоить. Никаких дурных намерений у него не было.

Я все яснее читал на лице танцовщицы отчаяние, которое обычно она умела скрывать под спокойным и улыбающимся видом. Отчаяние выражалось также и в чисто физическом упадке ее сил.

Внезапно Айседора снова подобралась и, сделав над собой усилие, пригласила нас пройти в ее студию – в тот огромный зал, где находилась эстрада и вдоль стен стояли диваны с подушками. Она попросила меня прочитать только что законченный мной французский перевод «Пугачева», строки которого – это и действующие лица, и толпы народа, ветер, земля и деревья. Я прочитал, хотя и неохотно, по-тому что боялся испортить своей робостью и неважной дикцией великолепную поэму,

одновременно резкую и нежную. Айседора, очевидно, не была удовлетворена моей декламацией, потому что тотчас же обратилась к Есенину с просьбой прочитать поэму по-русски. Какой стыд для меня, когда я его услышал и увидел, как он читает! И я посмел прикоснуться к его поэзии! Есенин то неистовствовал, как буря, то шелестел, как молодая листва на заре. Это было словно раскрытие самих основ его поэтического темперамента. Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца. Эта декламация во всей полноте передавала его стиль: он пел свои стихи, он вещал их, выплевывал их, он то ревел, то мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя.

В тот вечер я понял, что эти два столь несхожих человека не смогут расстаться без трагедии.

Глава 18. США

1 октября на пароходе «Париж», Айседора и Сергей прибыли в Нью-Йорк. И тут же новое испытание, едва пароход причалил: поднявшиеся на борт пограничники, запретили чете Есенин-Дункан сойти на берег. Пришлось им дать торжественное обещание «не делать никому зла» и «не принимать участия ни в каких политических делах», после чего получили личное разрешение президента У. Гардинга[98] ступить на американскую землю. Впечатление было изначально испорчено. Сходя с корабля, Есенин приметил статую свободы и, сочувственно кивнув ей, произнес: «Бедная старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!», после чего демонстративно поклонился статуе. Их усадили на катер и, доставив на берег, определили на жительство в гостиницу «Уолдорф Астория».

Сергей Есенин и Айседора Дункан на пароходе «Париж». 1922 г.

Есенин делал себе рекламу на скандалах, Айседора – на подчеркнуто революционных взглядах, как правило идущих вразрез с общественным мнением. Теоретически, скандал на въезде в страну должен был только стимулировать творческую энергию молодоженов, но Есенин замкнулся в себе, а Айседора, должно быть, посчитала себя виноватой в произошедшем.

Меняется и отношение супругов друг к другу, еще совсем

недавно Крандиевская-Толстая рассказывала о том, как чета прогуливалась по Берлину, а Анатолий Мариенгоф злобно цедил сквозь зубы:

> *Ему было приятно и лестно ходить с этой мировой славой под руку вдоль московских улиц, появляться в кафе поэтов, в концертах, на театральных премьерах, на вернисажах и слышать за своей спиной многоголосый шепот, в котором сплетались их имена: «Дункан – Есенин… Есенин – Дункан…».*

Приметливая Крандиевская-Толстая рассказывала, что Есенин признавался ей в том, что они иногда дрались с Айседорой. Как-то раз директор нью-йоркской школы Дункан М. Мерц, застал отвратительную сцену: Есенин избивал Айседору, а та старалась защитить лицо.

> *Я поговорил с ней по душам и посоветовал не мириться со столь неподобающим обращением. Она ответила со свойственной ей кроткой улыбкой: «Знаешь, Есенин всего лишь русский мужик, а русскому мужику свойственно напиваться по субботам и поколачивать свою жену!».*
>
> *– Есенин свои чувства к Айседоре выражал различно: то казался донельзя влюбленным, не оставляя ее ни на минуту при людях, то наедине он подчас обращался с ней тиранически грубо, вплоть до побоев и обзывания самыми площадными словами, – пишет А. Раткевич. – В такие моменты Изадора бывала особенно терпелива и нежна с ним, стараясь всяческими способами его успокоить.*
>
> *– Есенина я знал давно –* лет *десять, двенадцать, – пишет в своей статье «Как делать стихи» В. Маяковский.*
>
> *В первый раз я его встретил в лаптях и в рубахе с какими-то вышивками крестиками. Это было в одной из хороших ленинградских квартир. Зная, с каким удовольствием настоящий, а не декоративный мужик меняет свое одеяние на штиблеты и пиджак, я Есенину не поверил. Он мне показался опереточным, бутафорским. Тем более что он уже писал нравящиеся стихи и, очевидно, рубли на сапоги нашлись бы.*
>
> *Как человек, уже в свое время относивший и отставивший желтую кофту, я деловито осведомился относительно одежи:*
>
> *– Это что же, для рекламы?*
>
> *Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило*

бы, должно быть, ожившее лампадное масло.

Что-то вроде:

– Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем… мы уж как-нибудь… по-нашему… в исконной, посконной…

Его очень способные и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны.

Но малый он был как будто смешной и милый.

Уходя, я сказал ему на всякий случай:

– Пари держу, что вы все эти лапти да петушки-гребешки бросите!

Есенин возражал с убежденной горячностью. Его увлек в сторону Клюев, как мамаша, которая увлекает развращаемую дочку, когда боится, что у самой дочки не хватит сил и желания противиться.

Есенин мелькал.

Плотно я его встретил уже после революции у Горького.

Я сразу со всей врожденной неделикатностью заорал:

– Отдавайте пари, Есенин, на вас и пиджак, и галстук!

Есенин озлился и пошел задираться.

– …Устав от Парижа, он отправился в Соединенные Штаты. Там снова, как и в Европе, он получил возможность жить в чаду постоянного хмеля, – продолжает Франс Элленс. – Но Россия давала знать себя все сильнее и сильнее. Шапка одолела цилиндр, а валенки одержали верх над лакированными башмаками. Вернувшись в Москву, Есенин словно бы себя потерял, или, быть может, его сотоварищи не были уже столь сплочены вокруг него, как раньше. Поколение поэта, пока он отсутствовал, ушло далеко вперед, ждать его не стали.

Есенин оказался в одиночестве, или, вернее сказать, счел себя одиноким после того, как в постоянной погоне за славой лучше ощутил тщету бытия.

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит

С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада…
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

– Большинство американцев, если они и узнали из газет о приезде русского поэта, думали о нем лишь как о муже их соотечественницы. А сколько тягостного и даже оскорбительного было для Есенина в его тщетных попытках добиться издания его стихов на английском языке, в провале надежд на то, что наконец-то он предстанет перед американцами человеком творческим, а не просто молодым спутником Айседоры Дункан, неизвестно на что расходующим свои дни, – вспоминает М. О. Мендельсон в своей работе «Встречи с Есениным».

– За время пребывания Есенина и Дункан в США мне довелось их видеть еще несколько раз, – пишет М. О. Мендельсон. – Однажды Айседора Дункан выступала перед рабочими в убогом театрике, вернее, жалком клубном помещении. Перед состоятельными зрителями, которые могли ходить на дункановские вечера в обширном зале «Карнеги-холл», танцовщица куда полнее сумела раскрыть свое дарование. Но в этом клубе (обычно здесь проводились собрания членов прогрессивных организаций), куда пришли нью-йоркские труженики, танцовщице выступать было трудно: слишком тесна была сцена.

Зато рабочие лучше уловили присущее искусству Дункан революционное начало, связь творчества этой актрисы с духом Октября.

По поручению газеты «Новый мир» я присутствовал в клубе, был за кулисами. Здесь же бродил Есенин. Из зала доносились музыка и восторженные аплодисменты.

Поэт показался мне даже более возбужденным, чем в тот день, когда я видел его в отеле. (В первый раз М. Мендельсон посетил Есенина вместе с Д. Бурлюком.) Он не мог спокойно ни сидеть, ни стоять. Меж тем место за сценой, остававшееся в распоряжении Есенина, было совсем маленьким – еще шаг, другой, и его увидели бы из зрительного зала. От немногих людей, которые, как и поэт, находились за кулисами, он не мог (да, видимо, и не хотел) скрыть свои чувства. А лицо Есенина говорило о том, что на душе у него было тяжело.

А потом перебрались мы с Айседорой в Нью-Йорк, – делится впечатлениями от недавнего путешествия сам Сергей Александрович (слова его любезно записал для нас Всеволод Рождественский). – Америки я так и не успел увидеть. Остановились в отеле. Выхожу на улицу. Темно, тесно,

неба почти не видать. Народ спешит куда-то, и никому до тебя дела нет – даже обидно. Я дальше соседнего угла и не ходил. Думаю, заблудишься тут к дьяволу, и кто тебя потом найдет?

Здесь, так же как и в Берлине, и Париже, Есенин завел себе привычку уходить и пропадать невесть в каких барах часы, а иногда и дни. Нет, он не пытался снять себе другой номер, как это бывало в Германии, или уйти в поля. Айседора сходила с ума, придумывая, что еще могло случиться с ее благоверным.

Вот записка, полученная ею в Нью-Йорке от супруга.

Milaya Isadora Ia ne mogu bolshe hochu domoi Sergei.

Казалось бы, что тебе еще, стихи переведены уже на немецкий и французский, изданы книги, возможно скоро и на английский переведут. Идут дела. Живи и радуйся. Но Есенин хочет всего и сразу, ему необходима быстрая и прочная слава, как это иногда пишут в биографической литературе: «Он проснулся знаменитым».

Один раз вижу: на углу газетчик, и на каждой газете моя физиономия. У меня даже сердце екнуло. Вот это

слава! Через океан дошло.

Купил я у него добрый десяток газет, мчусь домой, соображаю – надо *тому, другому послать. И прошу кого-то перевести подпись под портретом. Мне и переводят:*

«Сергей Есенин, русский мужик, муж знаменитой, несравненной, очаровательной танцовщицы Айседоры Дункан, бессмертный талант которой…» и т. д., и т. д.

Злость меня такая взяла, что я эту газету на мелкие клочки изодрал и долго потом успокоиться не мог. Вот тебе и слава! В тот вечер спустился я в ресторан и крепко, помнится, запил. Пью и плачу. Очень уж мне назад, домой, хочется[99].

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою.
Вижу только родительский дом.

«Эта улица мне знакома…»

– Я уже начинаю учиться говорить себе: застегни,

Есенин, свою душу, это также неприятно, как расстегнутые брюки… – пишет С. Есенин А. Мариенгофу. – Не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю, и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски… Здесь имеются переводы тебя и меня в издании «М», но все это убого очень. Знают больше по имени, и то не американцы, а приехавшие в Америку евреи. По-видимому, евреи самые лучшие ценители искусства, потому ведь и в России, кроме еврейских девушек, никто нас не читал…

– Мы почти каждый день встречались в его отеле и в общей беседе склонялись, что хорошо бы создать свое издательство чистой поэзии и литературы без вмешательства политики, – рассказывает в своих воспоминаниях Вениамин Левин, встречавшийся с Есениным и Дункан во время их приезда в США. – В Москве кричали: «Вся власть Советам», а я предложил Есенину лозунг: «Вся власть поэтам». Он радостно улыбался, и мы рассказали об этом Изадоре. Она очень обрадовалась такому плану и сказала, что ее бывший муж Зингер обещал ей дать на устройство балетной школы в Америке шестьдесят тысяч долларов, половину этой суммы она определила нам на издательство на русском и английском языках. Мы были полны планов на будущее, и Есенин уже смотрел на меня как на своего друга-компаньона.

Одновременно стихи Есенина переводятся на идиш. В гостях у поэта Мани-Лейба (М. Л. Брагинского)[100] Есенин читает стихи, после чего Дункан исполняет танец. Все идет по запланированному, зрители в восторге, присутствующие на вечере журналисты записывают в блокнотики впечатления. Во время кульминации действа Есенин поднялся со своего места и, подойдя к жене, ударил ее в лицо кулаком, закричав, «чтобы она не смела выделываться перед всякими там евреями», после чего разорвал на ней платье и ушел злой на весь мир. На следующий день в прессе появились статьи, обвиняющие Есенина в антисемитизме.

Милый, милый Монилейб! – пишет Есенин Брагинскому в конце января 1923 года. Нью-Йорк.

Вчера днем *вы заходили ко мне в отель, мы говорили о чем-то, но о чем, я забыл, потому что к вечеру со мной повторился припадок. Сегодня лежу разбитый морально и*

физически. Целую ночь около меня дежурила сестра милосердия. Был врач и вспрыснул морфий.

Дорогой мой Монилейб! Ради Бога, простите меня и не думайте обо мне, что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь.

Поговорите с Ветлугиным, он вам больше расскажет. Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе[101]*. Эдгар По в припадках разбивал целые дома.*

Что я могу сделать, мой милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум повергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену, чтоб она не злилась на меня. Пусть постарается понять и простить. Я прошу у вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий вас всех Ваш С. Есенин.

– Однажды (кажется, это было в феврале 1923 года), – вспоминает В. Левин, – я пришел к Есенину в отель, и он сказал мне, что собирается на вечеринку к еврейскому поэту Мани-Лейбу, переведшему многие его стихи на еврейский язык.

Собрались выходцы из России, большей частью из Литвы и Польши, рабочие, как-то связанные интересами с литературой.

Сам Мани-Лейб, высокий, тонкий, бледный, симпатичный, несомненно, даровитый поэт, и жена его, Рашель, тоже поэтесса, встретили гостей добродушно и радостно. Видно было, что все с нетерпением ждали нашего приезда. И как только мы вошли, начался вечер богемы в Бронксе.

Скоро раздались голоса с просьбой, чтоб Есенин прочел что-нибудь. Он не заставил себя просить долго и прочел монолог Хлопуши.

Есенина снова просили что-нибудь прочесть из последнего, еще неизвестного. И он начал трагическую сцену из «Страны негодяев». Вряд ли этот диалог был полностью понят всеми или даже меньшинством слушателей. Одно мне было ясно, что несколько фраз, где было «жид», вызвали неприятное раздражение.

А новые люди все прибывали в квартиру. Есенин был в мрачном настроении. Он дважды бежал из квартиры. Мани-Лейб еще с некоторыми (с ними и Файнберт[102]*) нагнали его. Снова пришли на квартиру Мани-Лейба. Есенин сделал попытку выброситься в окно пятого этажа. Его схватили, он боролся.*

– Распинайте меня, распинайте меня! – кричал он.

Его связали и уложили на диван. Тогда он стал кричать:

– Жиды, жиды, жиды проклятые!

Как раз после истории в Бронксе Есенин получил пачку авторских экземпляров своей книжки, вышедшей в Берлине в издательстве Гржебина. Одну такую книжку он подарил мне с трогательной надписью – «с любовью». Другой экземпляр он подарил Мани-Лейбу с надписью: «Дорогому другу – жиду Мани-Лейбу». И многозначительно посмотрев на него, сказал: «Ты меня бил».

После скандала на квартире Мани-Лейба заметки о безобразном поведении С. Есенина вышли в газетах «Руль», «Дер тог» и др. В. Левин свидетельствует:

«Что всего ужаснее – назавтра во многих американских газетах появились статьи с описанием скандального поведения русского поэта-большевика. Есенин был представлен «антисемитом и большевиком». Мне переводили содержание статей в английской, и я сам читал их в еврейско-американской печати. Стало ясно, что в частном доме поэта Мани-Лейба на «вечеринке поэтов» присутствовали представители печати – они-то и предали «гласности» всю эту пьяную историю…».

– «У меня дети от еврейки, а они обвиняют меня в антисемитизме1.», – негодовал Есенин.

Глава 19. Прощай, Америка

О намерениях Дункан распродать свою недвижимость знал и А. Мариенгоф, это становится понятно из письма к нему Есенина:

> *Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься, – пишет Есенин другу 12 ноября 1922 года. Нью-Йорк.*
>
> *Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее банки и замки, о которых она пела нам в России, – вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу, и обратно в Москву.*
>
> *Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире.*
>
> *О себе скажу (хотя ты все думаешь, что я говорю для потомства), что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь.*
>
> *Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно, значение его для всех, как значение Изы Кремер*[103]*, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на свое пение, а тут хоть помирай с голоду.*

Впрочем, никто пока не говорит о голодной смерти, Айседора работает, благодаря этим гастролям за четыре месяца они побывали в Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Индианополисе, Луисвилле, Канзас-Сити, Детройте, Мемфисе, Балтиморе, Кливленде и других городах. Деньги есть, хотя и пресса не всегда встречает танцовщицу восторженными воплями, в большой степени виновато в этом советское правительство, не разрешившее вывезти школу. Так что теперь никто и не верит, что таковая существует.

Сергей Есенин, Александр Кусиков, Анатолий Мариенгоф. Москва. 1919 г.

В Бостоне случился курьез: опасаясь, что Айседора снова начнет танцевать революционные танцы, мэр города распорядился изъять из ее гардероба все красное. Перед вторым отделением Дункан вышла на сцену в обычном платье, заявив:

> *«Боюсь, что не смогу исполнить вторую часть программы, как было объявлено, но не по своей вине. Просто ваш мэр обожает все красное настолько, что забрал мои красные туники даже без моего разрешения». Зал выл и буквально валялся от восторга».*

В конце января газеты опубликовали объявление:

> *Изадора Дункан отложила свою поездку в Советскую Россию, для того чтобы в пятницу 2 февраля 1923 года в Лексингтон-театре, 51-я ул. и Лексингтон авеню, дать специальное представление в пользу сирот. Исключительно русская программа. Русский симфонический оркестр под управлением Модеста Альтшулера*[104]*. Знаменитый русский поэт Сергей Есенин (муж Изадоры Дункан) будет говорить о своих впечатлениях в Соединенных Штатах.*

Айседора и прежде время от времени выводила на сцену Есенина, но, если в Берлине это было вполне нормально, в Париже встречалось с непониманием, в Америке каждый шаг давался огромным усилием.

Вскоре Дункан действительно потеряла американское гражданство, это событие она тут же прокомментировала со сцены:

> *Мой менеджер сказал мне, что, если я буду произносить речи, мое турне кончится. Очень хорошо, турне кончилось. Я вернусь в Москву, где есть водка, музыка, поэзия и танцы… Да, и Свобода!*

Практически все деньги, полученные от гастролей, тут же тратились на Есенина, причем львиная доля не на издание книг и даже не на дорогие костюмы. Айседора чувствовала себя вымотанной. Она потратила даже те деньги, которые должна была привезти на содержание школы. Поэтому, несмотря на общую усталость и подавленность, попросила по телефону Ирму организовать для нее новые гастроли, на этот раз на Кавказ и Крым.

Достаточно сказать, что он (имеется в виду С. Есенин) без разрешения взял у Дункан 8 тысяч долларов. Присвоил, как это ни досадно, почти половину ее гардероба (с целью передать присвоенное своим сестрам), – возмущается А. Раткевич.

Хорошо бы сделать небоскреб Вульворта моим надгробным камнем – я спрыгну с его крыши с последним стихотворением, которое напишу, – ответствовал всем на свете приставалам Есенин[105].

Глава 20. Скатертью дорожка

Несмотря на все протесты и требования немедленно вернуть его в Москву, из Америки супруги снова отправились во Францию. А что поделаешь, контракты подписаны, Айседора обязана отработать всю запланированную программу.

Как-то раз Дункан устраивала у себя прием, Есенин побыл в самом начале, а потом исчез. Давно привыкнув к подобным выкрутасам, Айседора не беспокоилась. Посидели, почитали стихи, а когда перешли в большую столовую отеля, увидели повешенного на люстре Есенина. Все тут же бросились к удавленнику, кто-то схватил поэта за ноги и приподнял его, кто-то перерезал веревку. В результате Есенин отделался парой синяков на шее, а Айседора чуть не рехнулась от ужаса.

Через два дня после инцидента пьяный Есенин разгромил номер гостиницы, выбил стекла, разбил зеркала, разломал всю мебель, в общем, уничтожил все, что под руку попало. Опасаясь за свою жизнь, Айседора села в машину и отправилась в Версаль. Вернулась вечером и подписала огромный счет за учиненный Есениным погром.

> *– Я никогда не верила в брак и теперь верю в него еще меньше, чем когда-либо… Некоторые русские не могут быть пересажены с родной почвы… Все знают, что Есенин сумасшедший. В Москве он может крушить все на свете, и никто не будет обращать на него внимания, потому что он – поэт, – объяснила она на свой лад произошедшее в интервью одной из парижских газет.*

Сергей недолго копил обиду и, когда они прибыли в Берлин, дал интервью для желтой прессы. Статья называлась: «Лучше в Сибирь, чем в мужья к Айседоре».

> *Россия большая, в ней я всегда найду место, где эта жуткая женщина меня не достанет… Она никогда не желала признавать мою индивидуальность и всегда стремилась властвовать надо мною.*

А вот выдержка уже из другого его интервью:

> *Я безумно люблю Изадору, но она так много пьет, что я не мог больше терпеть этого.*

Отработав положенное в Берлине, Есенины-Дункан снова

устремились в Париж, и тут произошло то, что уже давно должно было произойти. В какой бы отель ни обращалась скандальная парочка, везде им было вежливо отказано. В общем, доигрались с дебошами, скандалами, поломанной мебелью и мордобоем. Пришлось ехать в дом Айседоры.

27 мая после спектакля в «Трокадеро» Айседора собрала у себя общество, Сергей же был не в духе и ушел в свою комнату, дабы не портить настроение себе и гостям, но в разгар вечера он вдруг передумал, ворвавшись в гостиную и первым делом запустив канделябром в зеркало.

Банда надутых рыб, грязные половики для саней, протухшие утробы, солдатское пойло, вы разбудили меня!

Началась свара, вызвали полицию, это было правильно, Айседора теперь понимала, что все, что было раньше, всего лишь милые детские забавы. Есенина таким, как он стал, не могли унять даже несколько здоровых мужчин. Это уже не был золотоволосый ангел, поэт был одержим дьяволом.

Впрочем, она снова спасает Сергея и, дабы его не посадили в тюрьму, заявляет, что муж болен, и его кладут в дорогую клинику.

– Ты везде кричишь, что Изадора упекла тебя в сумасшедший дом. Я видел счет, который доказывает, что это был просто первоклассный санаторий, где ты был, – пишет Есенину Илья Шнейдер. – Ты что же думаешь, в сумасшедшем доме тебе разрешили бы уходить в любое время, когда пожелаешь? Этот санаторий, который стоил Изадоре кучу денег, спас тебя от полиции и высылки.

Через месяц лечения Есенин снова подрался и угодил в участок. Приходилось выбирать: либо прекращать гастроли, платя неустойку, и увозить Есенина в Россию, либо он все-таки сядет в тюрьму. Айседора выбирает первый вариант.

Из Парижа в Берлин, Кенигсберг, Ригу и затем уже в советскую Россию. В первом русском городе Есенин вышел из вагона, пал на колени и поцеловал землю. А потом, когда поезд уже почти что достиг Москвы, от полноты чувств выбил окно в собственном купе.

«Моего тела может быть достоин только гений». (Айседора Дункан)

Глава 21. Возвращение

– Когда белые фартуки носильщиков рассыпались вдоль перрона цепочкой белых пятнышек, встречающие, как по команде, двинулись по платформе: поезд подходил к перрону, – рассказывает И. Шнейдер.

Мы сразу увидели их. Есенин и Дункан, веселые, улыбающиеся, стояли в тамбуре вагона. Спустившись со ступенек на платформу, Айседора, мягко взяв Есенина за запястье, привлекла к себе и, наклонившись ко мне, серьезно сказала по-немецки: «Вот я привезла этого ребенка на его Родину, но у меня нет более ничего общего с ним…».

Илья и Сергей пожали друг другу руки, после чего Айседора направилась в сторону ожидавшей ее машины, и Есенин как ни в чем не бывало подхватил чемоданы и счастливый и довольный уселся рядом с супругой.

Сразу по возвращении Айседора планировала отправиться к своей школе, которая размещалась в деревне. Есенин последовал за ней. Создавалось впечатление, будто бы между ними не было тех ужасных скандалов, демонстративного суицида, уходов Сергея из дома. Впрочем, разрыв уже произошел, и расставание было неминуемо.

Едва избавившись от одних гастролей, Айседора оказалась втянутой в другие, на этот раз на Кавказ и Крым. Предполагалось, что Есенин через какое-то время присоединится к ее вояжу, так как, оказавшись на Родине, он снова приобрел доброе расположение духа и помирился с женой. Но этого не произошло.

В первый вечер (после отъезда Дункан) Есенин в самом деле рано вернулся домой, рассказывал мне о непорядках в «Лавке писателей», ругал своего издателя, прошелся с грустным лицом по комнате, где все напоминало об Айседоре, поговорил со мной и о деле, владевшем его мыслями: он считал крайне необходимым, чтобы поэты сами издавали собственный журнал, – продолжает И. Шнейдер.

На следующий день прибежал в возбужденном состоянии и объявил:

– Ехать не могу! Остаюсь в Москве! Такие большие дела! Меня вызвали в Кремль, дают деньги на издание журнала!

Он суматошно метался от ящиков стола к чемоданам:

– Такие большие дела! Изадоре я напишу Объясню. А как только налажу все, приеду туда к вам!

Вечером он опять не пришел, а ночью вернулся с целой компанией, которая к утру исчезла вместе с Есениным, сильно облегчившим свои чемоданы: он щедро раздавал случайным спутникам все, что попадало под руку.

На следующий день Есенин пришел проститься, чемоданы были почему-то обвязаны веревками…

– Жить тут один не буду. Перееду обратно в Богословский, – ответил он на мой вопрошающий взгляд.

– А что за веревки? Куда девались ремни?

– А черт их знает! Кто-то снял.

И он ушел. Почти навсегда.

Итак, Есенин раздарил часть своего гардероба и прочих импортных трофеев случайным собутыльникам, которые еще и обворовывали его по пьяному делу, реквизировал у Дункан половину гардероба, дабы раздать сестрам и матери. После чего элегантный и красивый отправился в бывший дом Плевако, в квартиру, занимаемую Всеволодом Мейерхольдом и Зинаидой Райх.

По существу, у меня нет воспоминаний, – застенчиво по-отцовски улыбаясь, разводит руками Константин Сергеевич Есенин. – Последний раз отец навестил нас с сестрой Татьяной за четыре дня до своей смерти, а мне тогда было неполных шесть лет. А что может рассказать даже о самых ярких впечатлениях человек четырех-, пяти-, пусть шестилетнего возраста? Конечно, это не воспоминания, а только что-то вроде «туманных картин» «волшебного фонаря», также оставшегося где-то в детстве.

Но в последние годы, когда родных, друзей и знакомых, выступающих на вечерах, почти не осталось – время ведь вещь неумолимая, – я как-то от общих слов, которые мне все же приходилось говорить по просьбе слушателей, перешел к рассказу об этих «туманных картинах».

Их совсем немного…

Самое первое, что сохранила память, – это приход отца весной 192… – а вот какого точно, не знаю – года. *Солнечный день, мы с сестрой Таней самозабвенно бегаем по зеленому двору нашего дома. Теперь этого дома нет. Его снесли в 50-х годах. Тогда в белом, купеческого*

«покроя» здании располагались ГЭКТЕМАС (Государственные экспериментальные театральные мастерские), позднее – училище Театра имени народного артиста республики В. Э. Мейерхольда, второго мужа нашей матери – Зинаиды Николаевны Райх.

Вдруг во дворе появились нарядные, «по-заграничному» одетые мужчина и женщина. Мужчина – светловолосый, в сером костюме. Это был Есенин. С кем? Не знаю. Нас с сестрой повели наверх, в квартиру. Еще бы, первое после долгого перерыва свидание с отцом! Но для нас это был, однако, незнакомый «дяденька». И только подталкивания разных соседок, нянь, наших и чужих, как-то зафиксировали внимание – «папа». Самое же слово было еще почти непонятно. В роли «папы» выступал досель Всеволод Эмильевич Мейерхольд, хотя воспитывали нас смело, тайн рождения не скрывали, и мы знали, что Мейерхольд – «папа второй», ненастоящий, а «первый папа» был для нас незримой личностью, имя его изредка произносилось взрослыми в разговорах.

Есенин сел с нами за прямоугольный детский столик, говорил он, обращаясь по большей части к Тане. После первых слов, что давно забыты, он начал расспрашивать о том, в какие игры играем, что за книжки читаем. Увидев на столе какие-то детские тоненькие книжицы, почти всерьез рассердился.

– А мои стихи читаете?

Помню общую нашу с сестрой растерянность. И наставительное замечание отца:

– Вы должны читать и знать мои стихи…

Потом, когда появились обращенные к детям стихи «Сказка о пастушонке Пете», помню слова матери о том, что рождение их связано именно с этим посещением отца, который приревновал своих детей к каким-то чужим, не понравившимся ему стихам. Да, *наверно, это было так.*

Когда он ушел, толпившиеся внизу соседки срочно принялись выяснять, что он принес нам в подарок. Однако подарков, к общему негодованию, не было. А тем, кто особенно возмущался, мать дала категорическое разъяснение: «Есенин подарков детям не делает. Говорит, что хочет, чтобы любили и без подарков». И, пожалуй, они были правы. Впрочем, мать не придерживалась этого правила и часто баловала нас подарками.

Глава 22. Разлука

Есенин быстро закружился в водовороте встреч и дел, было необходимо обежать все любимые места, заглянуть ко всем друзьям, а тут еще и с журналом забрезжила какая-то надежда. 14 августа Айседора Дункан выехала из Москвы на гастроли в Кисловодск, предполагалось, что Сергей направится за ней ровно через три дня.

Волнуясь, что Есенин ее обманул и теперь его уже не вернуть, 24 августа Дункан телеграфировала Сергею:

Дарлинг очень грустно без тебя надеюсь скоро приедешь сюда навеки люблю – Изадора.

Дорогая Изадора! – отвечает Есенин только 29 августа 1923 года.

Я очень занят книжными делами, приехать не могу.

Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе.

С Пречистенки я съехал сперва к Колобову, сейчас переезжаю на другую квартиру, которую покупаем вместе с Мариенгофом. Дела мои блестящи.

Очень многого не ожидал.

Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство. Желаю успеха и здоровья и поменьше пить. Привет Ирме и Илье Ильичу. Любящий С. Есенин.

Портрет Сергея Есенина. Художник Юрий Анненков. 1923 г.

Квартиру они так и не купили, относительно издательства здесь необходимо пояснить:

> *– Есенин заявил, что крестьянским поэтам и писателям негде печататься: нет у них ни издательства, ни журнала, – пишет в своих мемуарах М. Д. Ройзман*[106]*. – Нарком ответил, что этой беде можно помочь: пусть Сергей Александрович по своему усмотрению наметит список членов редакционной коллегии журнала, который разрешат. Ему, Есенину,*

будет выдана подотчетная сумма на расходы, он будет печатать в журнале произведения, которые ему придутся по душе. Разумеется, ответственность политическая и финансовая за журнал целиком ляжет на Сергея. Есенин подумал-подумал, поблагодарил наркома и отказался.

Когда вышли из кабинета, Блюмкин[107], не скрывая своей досады, спросил Есенина, почему тот не согласился командовать всей крестьянской литературой? Сергей ответил, что у него уже был опыт работы с Клычковым[108] и Орешиным[109] в «Трудовой артели художников слова»: однажды выяснилось, что артель осталась без гроша. А кто поручится, что это же не произойдет и с журналом? Он же, Есенин, не так силен в финансовых вопросах. А зарабатывать себе на спину бубнового туза не собирается.

Выезжаем понедельник Тифлис приезжай туда телеграфируй выезде Ориант навеки люблю – Изадора.

15 сент. город Баку.

В ответ на телеграмму Дункан Есенин ответил:

Milaia Isadora! Ia ne mog priehat potomuchto ochen saniat. Priedu v Ialtu. Liubliu tebia beskonechno tvoi Sergei. Irme privet. Isadora!!!

– После заграницы Дункан вскоре уехала на юг (на Кавказ и в Крым), – вспоминает Г. Бениславская. – Не знаю, обещал ли Сергей Александрович приехать к ней туда. Факт то, что почти ежедневно он получал от нее и Шнейдера телеграммы. Она все время ждала и звала его к себе. Телеграммы эти его дергали и нервировали до последней степени, напоминая о неизбежности предстоящих осложнений, объяснений, быть может, трагедии. Все придумывал, как бы это кончить сразу. В одно утро проснулся, сел на кровати и написал телеграмму: «Я говорил еще в Париже, что в России я уйду. Ты меня очень озлобила. Люблю тебя, но жить с тобой не буду. Сейчас я женат и счастлив. Тебе желаю того же. Есенин».

Дал прочесть мне. Я заметила: если кончать, то лучше не упоминать о любви и т. п. Переделал: «Я люблю другую. Женат и счастлив. Есенин». И послал.

Так как телеграммы, адресовавшиеся на Богословский переулок (а Сергей Александрович жил уже на Брюсовском), не прекращались, то я решила послать телеграмму от своего имени, рассчитывая задеть чисто

женские струны и этим прекратить поток телеграмм из Крыма: «Писем, телеграмм Есенину не шлите. Он со мной, к вам не вернется никогда. Надо считаться. Бениславская».

Хохотали мы с Сергеем Александровичем над этой телеграммой целое утро. Еще бы, такой вызывающий тон не в моем духе, и если бы Дункан хоть немного знала меня, то, конечно, поняла бы, что это отпугивание, и только. Но, к счастью, она меня никогда не видела и ничего о моем существовании не знала. Поэтому телеграмма, по рассказам, вызвала целую бурю и уничтожающий ответ: «Получила телеграмму, должно быть, твоей прислуги Бениславской. Пишет, чтобы писем и телеграмм на Богословский больше не посылать. Разве переменил адрес? Прошу объяснить телеграммой. Очень люблю. Изадора».

Сергей Александрович сначала смеялся и был доволен, что моя телеграмма произвела такой эффект и вывела окончательно из себя Дункан настолько, что она ругаться стала. Он верно рассчитал, что это последняя телеграмма от нее. Но потом вдруг испугался, что она по приезде в Москву ворвется к нам на Никитскую, устроит скандал и оскорбит меня.

– Вы ее не знаете, она на все пойдет, – повторял он.

Близился срок возвращения Дункан. Сергей Александрович был в панике, хотел куда-нибудь скрыться, исчезнуть. Как раз в это время получил слезное письмо от Клюева: он, мол, учитель, погибает в Питере. Сергей Александрович тотчас укатил туда. Уезжая, просил меня перевезти все его вещи с Богословского ко мне, чтобы Дункан не вздумала перевезти их к себе, вынудить таким образом встретиться с ней. Я сначала не спешила с этим. Но как-то вечером зашла Катя. По обыкновению начав с пустяков, она в середине разговора ввернула, что завтра приезжает в Москву Дункан. Мы решили сейчас же забрать вещи с Богословского, и через час они были здесь.

Глава 23. Миклашевская

– Познакомила меня с Есениным актриса Московского камерного театра Анна Борисовна Никритина, жена известного в то время имажиниста Анатолия Мариенгофа, – рассказывает Августа Миклашевская. – Мы встретили поэта на улице Горького (тогда Тверской).

Он шел быстро, бледный, сосредоточенный… Сказал: «Иду мыть голову. Вызывают в Кремль». У него были красивые волосы – пышные, золотые… На меня он почти не взглянул.

Это было в конце лета 1923 года, вскоре после его возвращения из поездки за границу с Дункан.

– Целый месяц мы встречались ежедневно. Очень много бродили по Москве, ездили за город и там подолгу гуляли. Была ранняя золотая осень. Под ногами шуршали желтые листья… – рассказывает Августа Миклашевская.

– Я с вами, как гимназист… – тихо, с удивлением говорил мне Есенин и улыбался.

Часто встречались в кафе поэтов «Стойло Пегаса» на Тверской, сидели вдвоем, тихо разговаривали. Есенин трезвый был очень застенчив. На людях он почти никогда не ел. Прятал руки, они казались ему некрасивыми.

Много говорилось о его грубости с женщинами. Но я ни разу не почувствовала и намека на грубость.

Как-то сидели в отдельном кабинете ресторана «Медведь» Мариенгоф, Никритина, Есенин и я.

Он был какой-то притихший, задумчивый…

– Я буду писать вам стихи.

Мариенгоф смеялся:

– Такие же, как Дункан?

– Нет, ей я буду писать нежные…

Первые стихи, посвященные мне, были напечатаны в «Красной ниве»:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил.
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали…
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

– Я впервые увидела Дункан близко, – сообщает нам А. Миклашевская. – Это была очень крупная женщина, хорошо сохранившаяся. Я, сама высокая, смотрела на нее снизу вверх. Своим неестественным, театральным видом она поразила меня. На ней был прозрачный бледно-зеленый хитон с золотыми кружевами, опоясанный золотым шнуром с золотыми кистями, на ногах – золотые сандалии и кружевные чулки. На голове – зеленая чалма с разноцветными камнями. На плечах – не то плащ, не то ротонда, бархатная, зеленая. Не женщина, а какой-то очень театральный король.

Августа Миклашевская – советская актриса, возлюбленная Есенина. «Он вручил мне изумительные цветы и журнал, тихо, почти шепотом, сказал: «Там стихи о тебе». Цикл открывался стихотворением “Заметался пожар голубой…”». (Из воспоминаний Августы Миклашевской)

Она смотрела на меня и говорила:

– Есенин в больнице, вы должны носить ему фрукты, цветы!.. – и вдруг сорвала с головы чалму. – Произвела впечатление на Миклашевскую – теперь можно бросить!.. – и чалма полетела в угол.

После этого она стала проще, оживленнее. На нее

нельзя было обижаться: так она была обаятельна.

– Вся Европа знайт, что Есенин был мой муш и вдруг – первый раз запел про любоф – вам, нет, это мне! Там есть плохой стихотворень: «Ты такая ж простая, как все…». Это вам!

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые…
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

Болтала она много, пересыпая французские фразы русскими словами, и наоборот. То как Есенин за границей убегал от нее. То как во время ее концертов (напевает

Шопена), танцуя, она прислушивалась к его выкрикам, повторяя с акцентом русские ругательства. То как белогвардейские офицеры – официанты в ресторане – пытались упрекать его за то, что он, русский поэт, остался с большевиками. Есенин резко одернул их: «Вы здесь находитесь в качестве официантов! Выполняйте свои обязанности молча».

Уже давно пора было идти домой, но Дункан не хотела уходить. Стало светать. Потушили электричество. Серый тусклый свет все изменил. Айседора сидела согнувшаяся, постаревшая и очень жалкая.

– Я не хочу уходить, мне некуда уходить… У меня никого нет… Я одна…

Глава 24. Время разбрасывать камни

Зинаида Николаевна, мне очень неудобно писать вам, но я должен, – начинает Сергей свое отнюдь не любовное письмо к бывшей жене.

Дело в том, что мне были переданы ваши слова о том, что я компрометирую своей фамилией ваших детей и что вы намерены переменить ее.

До семьи Мейерхольда не могли не докатиться разговоры о безобразном поведении Есенина. Так как от детей не скрывали, что Сергей Александрович их родной отец, понятно, что мать пыталась уберечь своих чад от этих сплетен.

Фамилия моя принадлежит не мне одному. Есть люди, которых ваши заявления немного беспокоят и шокируют, поэтому я прошу вас снять фамилию с Тани, если это ей так удобней, и никогда вообще не касаться моего имени в ваших соображениях и суждениях.

Пишу я вам это, потому что увидел: правда, у нас есть какое-то застрявшее звено, которое заставляет нас иногда сталкиваться. Это и есть фамилия.

Совершенно не думая изменять линии своего поведения, которая компрометирует ваших детей, я прошу вас переменить мое имя на более удобное для вас, ибо повторяю, что у меня есть сестры и братья, которые носят фамилию, одинаковую со мной, и всякие ваши заявления, подобные тому, которое вы сделали Сахарову, в семье вызывают недовольство на меня и обиду в том, что я доставляю им огорчение тем, что даю их имя оскорблять такими заявлениями, как ваше. Прошу вас, чтоб между нами не было никакого звена, которое бы давало вам повод судить меня, а мне обижаться на вас: перементе фамилию Тани без всяких реплик в мой адрес, тем более потому, что я не намерен на вас возмущаться и говорить о вас что-нибудь неприятное вам.

С. Есенин.

Что именно сказала Зинаида Сахарову неизвестно, фамилию дочери не меняли. Но с тех пор между бывшими супругами утвердилось подчеркнуто холодное отношение. С детьми Есенин встречался.

Четко осталась перед мысленным взором сцена, когда в нашей столовой между отцом и матерью происходил энергичный деловой разговор. Он шел в резких тонах. Содержания его я, конечно, не помню, но обстановка была очень характерная: Есенин стоял у стены, в пальто, с шапкой в руках. Говорить ему приходилось мало. Мать в чем-то его обвиняла, он защищался. Мейерхольда не было. Думаю, что по инициативе матери. Несколько лет спустя, прочитав строки:

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне… —

…я наивно спросил маму: «А что, это о том случае написано?». Мать улыбнулась. Вероятнее всего, характер разговора, его тональность были уже как-то традиционны при столкновении двух таких резких натур, какими были мои отец и мать.

Глава 25. Извините за шум

– Морозной зимней ночью, кажется, у «Стойла Пегаса» на Тверской, я увидал его вылезающим из саней, – рассказывает А. К. Воронский в своих воспоминаниях «Памяти Есенина». – На нем был цилиндр и пушкинская крылатка, свисающая с плеч почти до земли.

Она расползалась, и Есенин старательно закутывался в нее. Он был еще трезв. Пораженный необыкновенным одеянием, я спросил:

– Сергей Александрович, что все это означает и зачем такой маскарад?

Он улыбнулся рассеянной, немного озорной улыбкой, просто и наивно ответил:

– Хочу походить на Пушкина, лучшего поэта в мире, – и, расплатившись с извозчиком, прибавил: – Очень мне скучно.

Он показался мне капризным и обиженным ребенком.

– Припоминаю еще одно посещение Айседорой Есенина при мне, когда он был болен, – присоединяется к рассказу С. М. Городецкий[110]*. – Она приехала в платке, встревоженная, со свертком еды и апельсином, обмотала Есенина красным своим платком.*

Я его так зарисовал, он назвал этот рисунок – «в Дунькином платке». В эту домашнюю будничную встречу их любовь как-то особенно стала мне ясна.

Много женщин меня любило.
Да и сам я любил не одну.
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.

«Я усталым таким еще не был…»

Впрочем, любовь уже была растоптана, Айседора еще пыталась уговорить Есенина ехать с нею за границу. На этот раз навсегда. Теперь у него уже были переведенные стихи, его знали и успели полюбить. Получись у Дункан настоять на своем, и кто знает. Не в Америке, не в Париже, так в Берлине, где в то время существовала обширная русская диаспора, возможно, он мог бы прижиться, и… выжить… в последний год, по словам многих, кто был рядом с Есениным, он то говорил об эмиграции, то тосковал о деревне, мечтая уехать.

> *Милая Галя! Тысячу приветов! Простите, что не писал. Погода была скверная, настроение от безденежья – тоже. На днях получу, – пишет Есенин Бениславской в начале мая 1924 года из Ленинграда.*
>
> *Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать. Черт знает что такое! Утром не могу без пота натянуть ботинки. Одним словом, стал вроде Сахарова.*
>
> *Дитя мое! Возьмите у Приблудного*[111] *сборник и наберите сами 500 строк для Антологии. Материал отдайте Клычкову и получите 20 червонцев.*
>
> *Гребень, сей Приблудный, пусть вернет. У меня все это связано с капризами суеверия. Потом, пусть он бросит свою хамскую привычку обворовывать ближних!*

Тут необходимо пояснить: в предыдущем письме от 28 апреля 1924 года Галина жаловалась Сергею:

> *За это время я никого, кроме Риты, Кати и Приблудного, не видела (кстати, он, кажется, успел стянуть вашу гребенку, по крайней мере она исчезла, остальное я спасла – забрала к себе на Никитскую).*
>
> *Да/ Со «Стойлом» дело не чисто. Мариенгоф едет в Париж. Я или вы делайте отсюда выводы. Сей вор хуже Приблудного. Мерзавец на пуговицах – опасней, так что напрасно – радуетесь – закрытию. А где мои деньги?*

Последние строчки ответ – на письмо Г. Бениславской от 26 апреля 1924 года, где она сообщала:

> *С деньгами положение такое: «Стойло» прогорело, продается с торгов, денег нам так и не дали, пришлось тратить госиздатовские – нужно было Кате, мне и домой в Рязанскую послать и долги.*

Я открывал Ассоциацию не для этих жуликов. Позвоните Воронскому и сговоритесь, чтоб он сделал распоряжение выдать мне аванс.

Звоните к нему на дом. 10 он уезжает на Кавказ.

Любящий вас С. Есенин.

Привет Жене, Рите, Берзиной и Вардину[112].

Отношение с Мариенгофом также подорвано. Допекли обиды за разрыв с Зинаидой, непрекращающиеся нападки на Дункан, наплевательское отношение к любимой сестре Есенина Кате. В тот год Мариенгоф был занят собственной женитьбой и проигнорировал просьбу друга помочь девушке. Наставал черед прекрасной Миклашевской узнать характер своего героя.

– Есенин позвонил мне и с журналом ждал меня в кафе, – рассказывает Августа Миклашевская.

Я опоздала на час, задержалась на работе. Когда я пришла, он впервые при мне был нетрезв. И впервые при мне был скандал.

Есенин торжественно подал мне журнал. Мы сели. За соседним столом что-то громко сказали по поводу нас. Поэт вскочил. Человек в кожаной куртке схватился за наган. К удовольствию окружающих, начался скандал…

Казалось, с каждым выкриком Есенин все больше пьянел. Вдруг появилась сестра его Катя. Мы обе взяли его за руки. Он посмотрел нам в глаза и улыбнулся. Мы увезли его и уложили в постель. Я была очень расстроена. Да что там! Есенин спал, а я сидела над ним и плакала. Мариенгоф «утешал» меня:

– Эх вы, гимназистка! Вообразили, что сможете его переделать! Это ему не нужно!

Я понимала, что переделывать его не нужно! Просто надо помочь ему быть самим собой. Я не могла этого сделать. Слишком много времени приходилось тратить, чтобы заработать на жизнь моего семейства.

О моих затруднениях Есенин ничего не знал. Я зарабатывала концертами.

Мы продолжали встречаться, но уже не каждый день. Начались репетиции в театре «Острые углы».

Когда читаешь письма Сергея Есенина, невольно испытываешь понятное огорчение, до какой степени ему не подходит эпистолярный жанр, все какие-то сухие распоряжения, даже в переписке с женщинами, как ни крути, никакого романа в письмах не получить. Настоящие письма Есенина – это его стихи.

Мы встречались с Есениным все реже и реже.

Увидев меня однажды на улице, он соскочил с извозчика, подбежал ко мне.

– Прожил с вами уже всю нашу жизнь. Написал последнее стихотворение:

Вечер черные брови насолил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?
Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.
Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.
Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.
Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.
Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была…
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

Как всегда, тихо прочитал все стихотворение и повторил:

Наша жизнь, что былой не была…

Вот так прощаются поэты, часто они мало говорят, но совершают красивые бессмысленные поступки, в которых ярко проявляется их талант.

– Третьего октября 1924 года меня разбудили в восемь часов утра, – рассказывает Августа Миклашевская. – Пришел Есенин. Мы уже встречались

очень редко, но тревога за него была еще сильней. Он стоял бледный, похудевший.

– Сегодня день моего рождения. Вспомнил этот день прошлого года и пришел к вам… поздравить… Меня посылают в Италию. Поедемте со мной. Я поеду, если вы поедете.

Вид у него был измученный, больной. Голос – хриплый.

Мы шли по улице, и у нас был нелепый вид. У него на затылке цилиндр (очевидно, опять надел ради дня рождения), на одной руке – лайковая перчатка, и я – с непокрытой головой, в накинутом на халат пальто, в туфлях на босу ногу. Но он перехитрил меня. Довел до *цветочного магазина, купил огромную корзину хризантем и отвез домой.*

– Извините за шум… – И ушел неизвестно куда.

Сергей Есенин, Иван Приблудный, Григорий Шмерельсон, Вольф Эрлих, Владимир Ричиотти, Семен Полоцкий. Ленинград. 1924 г.

Глава 26. Укатали сивку

Есенин страдал от безденежья, от бездомности, от чрезмерной опеки Галины, от невозможности найти что-либо родное в общении с обожавшими его женщинами. Ему не дали отпраздновать юбилей, не было денег на журнал поэтов. Есенин не администратор, в отличие от Айседоры, привыкшей с детских лет буквально выколачивать деньги из театральных директоров, Сергей обычно смущался попросить, тем паче потребовать свое.

– В делах денежных после возвращения из-за границы он очень запутался (недаром к юбилею он именно денег ждал от Совнаркома), – рассказывает Галина Бениславская. – Иногда казалось, что и не выпутаться из этой сети долгов. Приехал больной, издерганный. Ему бы отдохнуть и лечиться, а деньги только из «Стойла».

По редакциям ходить, устраивать свои дела, как это писательские середняки делают, в то время он не мог, да и вообще не его это дело было.

Часто говорят про поэтов «он не от мира сего», и при этом рисуется слащавый образ с длинными волосами и глазами, устремленными в небеса – в мечтах и грезах, мол, живет. Не знаю, как вообще полагается поэтам. Знаю одно – Сергей Александрович не был таким слащавым мечтателем с неземными глазами, но вместе с тем трудно передать, насколько мучительно было для него это добывание денег. Его гордость не мирилась с неудачами, с получением отказа. Поэтому, направляясь в редакцию, он напрягал все нервы, чтобы не нарваться на отказ. Для этого нужно было переводить свою психику на другой регистр.

Говорят, пишут, вспоминают про него – какой он был хитрый, изворотливый, как умел войти в душу всесильного редактора, издателя и пр. Но при этом забывают случаи, когда Сергей Александрович пасовал, неудачно отстаивал свои интересы, как, например, с продажей своих сочинений Госиздату, когда он, почти не глядя, собирался подписать договор и только благодаря сестре, Екатерине Александровне, и поэту Наседкину[113] *(в этом отношении очень практичному и бывалому) получил от Госиздата 10 тысяч вместо 6 тысяч, на которые он уже почти согласился.*

Такая же история была с «Анной Снегиной» (или

«Персидскими мотивами» – точно не помню). Я условилась с частным издателем И. Берлиным продать ему эту вещь за 1000 рублей. Предупредила об этом Сергея Александровича. Пришел Берлин к Сергею Александровичу и опять завел разговор об этом издании. В конце разговора предлагает за книжку не 1 тысячу рублей, а всего 600 рублей. И Сергей Александрович робко, неуверенно и смущенно соглашается. Пришлось вмешаться в разговор и напомнить о том, что уже условлено за эту вещь 1000 рублей. Тогда Сергей Александрович неопределенно заявляет:

– Да, мне все-таки кажется, что шестьсот рублей мало. Надо бы больше!

Выпроводив поскорее Берлина, чтобы переговоры о гонораре вести без Сергея Александровича, возвращаюсь в комнату.

– Спасибо вам, Галя! Вы всегда выручаете! А я бы не сумел и, конечно, отдал бы ему за шестьсот. Вы сами видите – не гожусь я, не умею говорить. А вы думаете, не обманывали меня? Вот именно, когда нельзя, я растеряюсь. Мне это очень трудно, особенно сейчас. Я не могу думать об этом. Потому и взваливаю все на вас, а теперь Катя подросла, пусть она занимается этим! Я буду писать, а вы с Катей разговаривайте с редакциями, с издателями!

Одно он знал и понимал: за стихи он должен получать деньги. Заниматься же изучением бухгалтеров и редакторов – с кем и как разговаривать, чтобы не водили за нос, а выдали, когда полагается, деньги – ему было очень тяжело, очень много сил отнимало.

Нам пришлось жить втроем (я, Катя и Сергей Александрович) в одной маленькой комнате, а с осени 1924 года прибавилась четвертая – Шурка.

Иными словами, Есенин не просто переехал к Бениславской, он еще и двух сестер туда прописал!

А ночевки у нас в квартире – это вообще нечто непередаваемое. В моей комнате – я, Сергей Александрович, Клюев, Ганин[114] и еще кто-нибудь, в соседней маленькой холодной комнатушке на разломанной походной кровати – кто-либо еще из спутников Сергея Александровича или Катя. Позже, в 1925 году, картина несколько изменилась: в одной комнате – Сергей Александрович, Сахаров, Муран[115] и Болдовкин[116],

рядом в той же комнатушке, в которой к этому времени жила ее хозяйка, – на кровати сама владелица комнаты, а на полу: у окна – ее *сестра, все пространство между стенкой и кроватью отводилось нам – мне, Шуре и Кате, причем крайняя из нас спала наполовину под кроватью.*

Ну а как Сергею Александровичу трудно было с деньгами – этого словами не описать. «Прожектор», «Красная нива» и «Огонек» платили аккуратно. Но в журналы сдавались только новые стихи, а этих денег не могло хватить. «Красная новь» платила кошмарно. Чуть ли не через день туда приходилось ездить (а часто на трамвай не было), чтобы в конце концов поймать тот момент, когда у кассира есть деньги. Вдобавок не раз выдавали по частям, по 30 руб., а долги тем временем накапливались, деньги нужны в деревне, часто Сергей Александрович просил выслать. Положение было такое, что иногда нас лично спасало мое жалованье, а получала я немного, рублей 70. Всего постоянных «иждивенцев» было четверо (мать, отец и две сестры), причем жили в разных местах, родители – в деревне, сестры – в Москве, а сам Сергей Александрович – по всему СССР.

Да, Есенину несладко пришлось после разлуки с Дункан: полное безденежье, невозможные жилищные условия, в которых не то что не пишется, а дышится через раз. И главное, Галина Бениславская, вообразившая отчего-то Сергея Александровича чем-то вроде своей неделимой собственности.

– В своих отношениях с Есениным она претендовала не просто на роль друга, но на роль друга единственного. А для Есенина личная и творческая независимость была одной из высочайших ценностей, он ее всегда отстаивал, – приоткрывает полог тайны лучшая подруга Валины Яна Козловская. – Безусловная самоотверженность Г. *А. Бениславской, ее безоглядная преданность и любовь к Есенину порой превращались в свою противоположность. И определенный интерес ее воспоминаний отчасти в том и состоит, что с их помощью лучше и полнее можно представить себе ту обстановку, в которой немалое время пришлось жить поэту, тот остракизм, которому были подвергнуты все его друзья и знакомые.*

Эти взгляды Г. А. Бениславской нашли отражение в том предельном субъективизме, с которым она пишет, по сути дела, о всех знакомых. Она уделяет много места рассказам о том, как самые разные лица из окружения

Есенина пытались всяческими способами разрушить их отношения, оторвать Есенина от нее. Она обвиняет в этом и имажинистов, и П. В. Орешина[117] *с А. А. Ганиным, и Н. А. Клюева, и А. М. Сахарова, и даже сестру поэта Екатерину Александровну. Болезненная субъективность Г. А. Бениславской наложила значительный отпечаток на то, в каком свете предстают перед нами в ее воспоминаниях А. К. Воронский, Н. А. Клюев, А. Дункан, И. Вардин и другие лица. Это, разумеется, должно постоянно учитываться при обращении к ее воспоминаниям.*

Москва, 6 апреля 1924 г.

Сергей Александрович, милый, хороший, родной, – писала Есенину Галя. – Прочтите все это внимательно и вдумчиво, постарайтесь, чтобы все, что я пишу; не осталось для Вас словами, фразами, а дошло до Вас по-настоящему. Вы ведь теперь глухим стали, никого по-настоящему не видите, не чувствуете. Не доходит до Вас. Поэтому говорить с Вами очень трудно (говорить, а не разговаривать). Вы все слушаете неслышащими ушами; слушаете, а я вижу, чувствую, что Вам хочется скорее кончить разговор. Знаете, похоже, что Вы отделены от мира стеклом. Вы за стеклом. Поэтому Вам кажется, что Вы все видите, во всем разбираетесь, а на самом деле Вы не с нами. Вы совершенно один, сам с собою, по ту сторону стекла. Ведь мало видеть, надо как-то воспринимать организмом мир, а у Вас на самом деле невидящие глаза. Вы по-настоящему не ориентируетесь ни среди людей, ни в событиях. Для Вас ничего не существует, кроме Вашего самосознания, Вашего мироощущения. Вы до жуткого одиноки, несмотря даже на то, что Вы говорите: «Да, Галя друг»,

«…Так любить, так беззаветно любить, да разве так бывает? А ведь люблю, и не могу иначе; это сильнее меня, моей жизни. Если бы для него надо было бы умереть не колеблясь, а если при этом знать, что он хотя бы ласково улыбнется, узнав про меня, смерть стала бы радостью…» (Из дневника Галины Бениславской)

«Да, *такой-то изумительно ко мне относится». Ведь этого мало, чтобы мы чувствовали Вас, надо, чтобы Вы нас почувствовали как-то, хоть немного, но почувствовали. Вы сейчас какой-то «не настоящий». Вы все время отсутствуете. И не думайте, что это так должно быть. Вы весь ушли в себя, все время переворачиваете свою душу, свои переживания, ощущения.*

Других людей Вы видите постольку, поскольку находите в них отзвук вот этому копанию в себе. Посмотрите, каким Вы стали нетерпимым ко всему несовпадающему с Вашими взглядами, понятиями. У Вас это не простая раздражительность, это именно нетерпимость. Вы разучились вникать в мысли, Вашим мыслям несозвучные. Поэтому Вы каждого непонимающего или несогласного с Вами считаете глупым. Ведь раньше Вы тоже не раз спорили, и очень горячо, но умели стать на точку зрения противника, понять, почему другой человек думает так, а не по-Вашему. У Вас это болезненное, это, безусловно, связано с Вашим общим состоянием. Что-то сейчас в Вас атрофировалось, и Вы оторвались от живого мира. Для Вас он существует, как улицы, по которым Вам надо идти: есть грязные, есть чистые, красивые, но это все так, по дороге, а не само по себе. Вы машинально проходите, разозлитесь, если попадете в грязь, а если нет, то даже не заметите, как шли. Вы по жизни идете рассеянно, никого и ничего не видя. С этим Вы не выберетесь из того состояния, в котором Вы сейчас. И если хотите выбраться, поработайте немного над собой, не говорите: «Это не мое дело!». Это Ваше, потому что за Вас этого никто не может сделать, именно не может. У Вас всякое ощущение людей притупилось, сосредоточьтесь на этом. Выгоните из себя этого беса. А Вы можете это. Ведь заметили же Вы, что Дуров не кормил одного тюленя, дошло. А людей не хотите видеть. Пример – я сама. Вы ко мне хорошо относитесь, мне верите. Но хоть одним глазом Вы попробовали взглянуть на меня? А я сейчас на краю. Еще немного, и я не выдержу этой борьбы с Вами и за Вас… Вы сами знаете, что Вам нельзя. Я это знаю не меньше Вас. Я на стену лезу, чтобы помочь Вам выбраться, а Вы? Захотелось пойти, встряхнуться, ну и наплевать на все, на всех. «Мне этого хочется…» (это не в упрек, просто я хочу, чтобы Вы поняли положение). А о том, что Вы в один день разрушаете добытое борьбой, что от этого руки опускаются, что этим Вы заставляете опять сначала делать, обо всем этом Вы ни на минуту не задумываетесь. Я совершенно прямо говорю, что такую преданность, как во мне, именно бескорыстную преданность, Вы навряд ли найдете. Зачем же Вы швыряетесь этим? Зачем не хотите сохранить меня? Я оказалась очень крепкой, на моем месте Катя и Рита давно свалились бы. Но все же я держусь 7 месяцев,

продержусь еще 1–2 месяца, а дальше просто «сдохну». А я еще могла бы пригодиться Вам, именно как друг. Катя, она за Вас может горло перерезать Вашему врагу, и все же я Вам, быть может, нужнее, чем даже она. Она себя ради Вас может забыть на минуту, а я о себе думаю, лишь чтобы не свалиться, чтобы не дойти до «точки». А сейчас я уже почти дошла. Хожу через силу. Не плюйте же в колодезь, еще пригодится. Покуда Вы не будете разрушать то, что с таким трудом удается налаживать, я выдержу. Я нарочно это пишу и пишу, отбрасывая всякую скромность, о своем отношении к Вам. Поймите, постарайтесь понять и помогите мне, а не толкайте меня на худшее. Только это вовсе не значит просто уйти от меня, от этого мне лучше не будет, только хуже. Это значит, что Вы должны попробовать считаться с нами, и не только формально («это неудобно»), а по-настоящему, т. е. считаться не с правилами приличия, вежливости, а с душой других людей, тех, кем Вы по крайней мере дорожите. Вы вовсе не такой слабый, каким Вы себя делаете. Не прячьтесь за безнадежность положения. Это ерунда! Не ленитесь и поработайте немного над собой; иначе потом это будет труднее… Используйте же то, что есть у Вас, а не губите. Вот эти дни я летала то к врачам, то к «Птице», сегодня к Мише ходила, поэтому не успела к Вам зайти, а Вы в это время ушли. Что же мне делать, ведь одновременно быть там и тут я не могу.

Галя милая! Простите, что пишу на такой бумаге. Нет лучше, – начинает свое письмо к Г. Бениславской 15 апреля 1924 года Сергей Есенин[118].

– Я очень и очень извиняюсь, что уехал, не простясь с Вами. Уехал же я потому, что боялся, как бы Петербург не остался для меня дальше Крыма.

Галя милая! Я очень люблю Вас и очень дорожу Вами. Дорожу Вами очень, поэтому не поймите отъезд мой как что-нибудь, направленное в сторону друзей, от безразличия. Галя милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного. Сейчас я решил остаться жить в Питере.

Никакой Крым и знать не желаю[119].

Дорогая, уговорите Вардина и Берзину так, чтоб они не думали, что я отнесся к их вниманию по-растоплюевски.

Все мне было очень и очень приятно в их заботах обо мне, но я совершенно не нуждаюсь ни в каком лечении.

Если у Вас будет время, то приезжайте и привезите мне большой чемодан или пошлите с ним Приблудного или Риту.

Привет Вам и любовь моя!

Правда, это гораздо лучше и больше, чем чувствую к женщинам. Вы мне в жизни без этого настолько близки, что и выразить нельзя.

Жду от Вас письма, приезда и всего прочего.

Деньги из Госиздата спрячьте под спуд.

Любящий Вас Сергей Есенин.

Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали.

– И только тогда, когда он подвинулся ближе к свету, стало ясно, как разительно изменился он за эти годы, – рассказывает Всеволод Рождественский. – На нас глядело опухшее, сильно припудренное лицо, глаза были мутноваты и грустны. Меня поразили тяжелые есенинские веки и две глубоко прорезанные складки около рта. Раньше этого не было.

Выражение горькой усталости не покидало Есенина ни на минуту, даже когда он смеялся или оживленно рассказывал что-нибудь о своих заграничных странствиях.

В пылу разговора он вытащил из кармана свежую коробку папирос и попытался разрезать бандероль острием ногтя. Руки его настолько заметно дрожали, что кому-то из присутствующих пришлось прийти ему на помощь.

Милая Галя! Пришлите с Шмерельсоном[120] *пальто, немного белья и один костюм двубортный.*

С. Есенин.

26 апреля 1924 года. Ленинград

На берега Невы приехал А. Я. Таиров[121] *с Камерным театром. Он позвонил мне из гостиницы «Англетер» и сказал, что ждет меня к обеду, на котором будет и Айседора Дункан, – этот случай, пересказанный нам Н. Н. Никитиным*[122]*, снова возвращает нас к теме нашей книги любви Сергея Есенина и Айседоры Дункан. – Мне очень захотелось пойти. Я никогда в жизни ее не видел. Но у меня сидел Есенин, и я сказал Таирову об этом.*

– Хочешь прийти с ним? Ради бога, не надо. Не зови его, будет скандал. Изадора и он совсем порвали друг с

другом.

Между прочим, все близкие Дункан, и Есенин тоже, всегда называли ее Изадорой… Это было ее настоящее имя.

Есенин, сидевший рядом с телефоном, очевидно, слышал весь мой разговор с Таировым и стал меня упрашивать взять его с собой. Я протестовал. Но в конце концов все вышло так, как он хотел.

В номере Таирова Есенин не подошел к Айседоре Дункан. Этому способствовало еще то, что кроме Таирова, А. Г. Коонен[123] *и Дункан за обеденным столом сидели некоторые актеры и актрисы Камерного театра. Среди них и затерялся Есенин.*

Я смотрел на Дункан. Передо мной сидела пожилая женщина, как я понял впоследствии – образ осени. На Изадоре было темное, как будто вишневого цвета, тяжелое бархатное платье. Легкий длинный шарф окутывал ее шею. Никаких драгоценностей. И в то же время мне она представлялась похожей на королеву Гертруду из «Гамлета». Есенин рядом с ней выглядел мальчиком… Но вот что случилось. Не дождавшись конца обеда, Есенин таинственно и внезапно исчез. Словно привидение. Даже я вначале не заметил его отсутствия. Неужели он приезжал лишь затем, чтобы хоть полчаса подышать одним воздухом с Изадорой?..

И сердце, остыть не готовясь,
И грустно другую любя.
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

«Я помню, любимая, помню…»

Мне кажется, очень точная последняя фраза. Потеряв Дункан,

а вместе с ней и любовь всей своей жизни, Есенин не приобретает ровным счетом ничего, романтические свидания с Миклашевской, беготня по редакциям. Были и будут другие женщины, но в эпизоде, описанном Никитиным, Есенин неслучайно даже не пытается общаться с Айседорой. Этим двоим слова не нужны. Пришел, поглядел, действительно подышал одним воздухом и все… Печально, трагически, но как красиво.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Так мало пройдено дорог.
Так много сделано ошибок

Что было ошибкой – связь с Дункан или разрыв с ней же? Как знать…

Галя *милая! Ничего не случилось, только так, немного катался на лошади и разбил нос, – пишет Есенин Бениславской 15 июля 1924 года из Ленинграда.*

У меня от этого съехал горб (полученный тоже при падении с лошади). Хотели и правили, но вероятно, очень трудно. Вломилась внутрь боковая кость. Очень незаметно с виду, но дышать плохо. В субботу ложусь на операцию. 2 недели пролежу.

Так, живу скучно, только работаю. Иногда выпиваем, но не всегда. Я очень сейчас занят. Работаю вовсю, как будто тороплюсь, чтоб поспеть. Рад очень, что Вам понравилось в селе. Ведь оно теперь не такое. Ужас как непохоже.

Целую Вас и люблю. С. Есенин.

– Уже с полчаса, как пароход шел по ровной, спокойной глади Финского залива, – рассказывает Всеволод Рождественский.

Стая белых чаек вилась за кормой. Волнистым треугольником расходился теряющийся из глаз след. Монотонно похлопывали колеса.

Администратор решил, что пора начинать обещанный литературный концерт. Он хлопотливо

собирал участников, что было далеко не легким делом, потому что все разбрелись кто куда по палубе и каютам.

Подбежал он и к Есенину.

Сергей долго отказывался и не дал себя уговорить.

Программа шла, постепенно оживляясь, особенно после мастерского чтения А. Н. Толстым сатирических рассказов, живописующих быт российской эмиграции в Париже. Завязалась очень оживленная общая беседа. Вспомнили и о Есенине. Бросились искать его по пароходу. Но он словно в воду канул. Наконец вспотевший, запыхавшийся администратор, проходя мимо приподнятой створки матросского кубрика, услышал звуки баяна и знакомый голос. Заглянув сверху в полутемное помещение, он увидел, что на одной из коек, окруженный свободными от вахты матросами и кочегарами, сидел Есенин. Он сбросил свой модный пиджак, расстегнул ворот рубашки и старательно выводил на баяне всем знакомый деревенский мотив. Он пел свои стихи с необычайным увлечением и жаром. Голос звучал приятной хрипотцой, как всегда выговаривая русское «г» с мягким придыханием. Пропев строфу, Есенин бойко разливался в переборах, очевидно тут же сочиняя все свои вариации. Чувствовалось, что баян был для него любимым и привычным делом.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Понемногу на палубе столпилась публика, покинувшая салон. Все стояли молча, боясь проронить хотя бы слово. А Есенин, не чувствуя над собой уже прискучившего любопытства, изливал душу в горячем затейливом напеве.

После этого он охотно выступил и на палубе, и хорошее настроение не покидало его до самого Петергофа.

Милая Галя!

С носом вообще чепуха. Ничего делать не буду. Это больше раздуто от моей мнительности.

Дней через 6–7 я приезжаю в Москву. Еду в Рязань с Никитиным. Уж очень, дьявольски захотелось поудить рыбу.

Книга моя вышла. 1-й экземпляр надписан Вам и лежит у меня на столе. Привезу сам. У меня к Вам большая просьба. Вчера Приблудный уехал в Москву. Дело в том, что он довольно-таки стал мне в копеечку, пока жил здесь. Но хамству его не было предела. Он увез мои башмаки. Не простился, потому что получил деньги. При деньгах я узнал, что это за дрянной человек. Абсолютно точь-в-точь такой же, как с папиросой. (Скорее всего, Есенин говорит здесь о Мариенгофе).

Все это мне ужасно горько. Горько еще потому, что он треплет мое имя. Здесь он всем говорил, что я его выписал. Собирал у всех деньги на мою бедность и сшил себе костюм. Ха-ха-ха – с деньгами он устраиваться умеет. Поэтому я сказал ему, чтоб он заплатил мне за башмаки. Это было ведь почти лучшее, что я имел из обуви. Он удрал. Удрал подло и низко. Повидайте его и получите с него три червонца. Сам я больше с ним не знаком и не здороваюсь.

Есенин не умел рвать отношения раз и навсегда, после этого инцидента он неоднократно встречался с Приблудным.

Не верьте ни одному его слову. Это низкий и продажный человек. Получить же я хочу с него ради принципа, чтоб не дать сволочи облапошить себя.

Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, хоть плачь.

Сергей.

26/VII. 24. Ленинград.

Глава 27. Анна Абрамовна – серый кардинал

После приезда С. Есенина из-за границы и разрыва отношений с Дункан в жизни поэта появилась еще одна женщина, оказывающая влияние на его душевное состояние и творчество, ее звали Анна Абрамовна Берзинь. Фамилия по мужу, в девичестве Фаламеева. Она служила комиссаром в 4-й и 12-й армиях, была заместителем начальника Политпросвета 44-й дивизии. После гражданской окончила Тимирязевскую академию. Анна Абрамовна дружила с некоторыми ответственными работниками ВЧК – ОГПУ, состояла в интимной связи с заведующим сектором ЦК РКП(б) Илларионом Бардиным, с которым был знаком Есенин. Время от времени печаталась под псевдонимом «Ферапонт Ложкин».

Впервые Анна Абрамовна увидела Есенина в «Стойле Пегаса», и он ей не понравился своей бесцеремонностью. Тем не менее она высоко оценила есенинскую поэзию и поняла: Сергей Александрович – большое дитя, его нельзя судить за истерики и дебоши, как нельзя судить ребенка за его ор и капризы. Он просто не поймет, замкнется и будет сидеть в темном углу, глотая слезы. Есенину нужно помогать, его необходимо хвалить и продвигать и уже потом, если получится, начинать корректировать его поведение в обществе.

Как можно сделаться близким другом и доверенным человеком Есенина? Самое простое стать его любовницей и секретарем, только не таким ревнивым и тянущим все на себя, как Бениславская. Глупая Галя только все портит, кстати, все знают, что она психически нездорова, так что надолго ее не хватит. Образ Айседоры тоже не подходит, Берзинь хоть и занимала ответственную должность, но до Дункан ей как до звезд. Отношения Есенина и Берзинь развивались стремительно. В. Белоусов в «Литературной хронике» приводит свидетельство А. Берзинь, что она получила от поэта 52 письма и телеграммы, из которых 15 писем передала в 1948 году на хранение С. А. Толстой-Есениной. Скорее всего, письма Сергея Есенина сугубо интимного содержания после этого потеряны навсегда.

– Приходилось ли вам терять своих близких, а потом, спустя много лет, вдруг отчетливо услышать голос ушедшего, и так ясно, со всеми привычными интонациями, с упреком, усмешкой и лаской… О, как этот голос живо

напомнит вам все, что вы утратили. И вот встанет перед вами и сам человек, и все, что он делал, и вспомнишь свое отношение к этому человеку, вспомнишь ту, давно ушедшую минуту, – рассказывает в своих «Воспоминаниях» А. А. Берзинь.

Ты вновь увидишь воочию свою молодость, обретешь свои силы, радость, уверенность и опять, как прежде, почувствуешь себя дерзновенным… Тогда хочется продлить эти отошедшие в прошлое минуты и тогда хочется вспоминать, плакать и смеяться, чтобы, насладившись всем, опять забыть на какое-то время…

Сейчас трудно рассказать о том, когда и как я поняла, что на пути встал замечательный поэт. Всегда казалось, что не очень люблю поэзию и плохо в ней разбираюсь, однако стихи Сергея Александровича запомнила сразу, без видимых усилий.

Очень быстро Анна Абрамовна познакомилась и подружилась с Есенинским окружением, сделалась подругой его сестры Кати, умудрилась найти общий язык с фанатично влюбленной в поэта Галей.

– Не помню, как появилась в нашем доме Анна Абрамовна Берзинь, – вспоминала Екатерина Есенина. – Светло-русая, с голубыми глазами, высокого роста и всегда с улыбкой, она почти ежедневно стала бывать у нас. Работала она в Госиздате, принадлежала МАППу и была знакома почти со всеми литературными группами и много знала о каждой в отдельности.

Анна Абрамовна Берзинь.

«Не слишком доверяй себя Анне Абрамовне. Здесь можно ошибиться и в хорошую, и в плохую сторону. Хорошего она много сделала и может сделать, и все же внимательно смотри». (Из письма Галины Бениславской Сергею Есенину)

Особого уважения и всеобщего почитания Анна Абрамовна достигла, когда на Есенина вдруг завели уголовное дело, и она, воспользовавшись своими связями, настояла на том, что Сергея Александровича положили в Кремлевскую больницу, спасая его тем самым от расправы.

Пока Сергей лежал в больнице, А. Берзинь решилась на еще один подвиг, начала свой единоличный крестовый поход за

предоставление Есенину квартиры!

После чего уже никто не удивлялся, что Анна Абрамовна начала навещать Есенина каждый день.

Если она не могла в какой-то день явиться в больницу, она посылала записку:

> Дорогой *Сергей Александрович, сегодня занята на службе. Завтра буду. Привезу газеты из-за границы. Есть московские журналы. Все улаживается. Жму руку.*
>
> *А. Берзинь.*

Тем не менее Г. Бениславская предупреждала относительно Берзинь: «Не слишком доверяй себя Анне Абрамовне. Здесь можно ошибиться и в хорошую, и в плохую сторону. Хорошего она много сделала и может сделать, и все же внимательно смотри».

Есенин запомнит этот совет, во время своей поездки на Кавказ он просил поэта В. И. Эрлиха передать Анне Абрамовне: «Да скажи, что я ей очень верю, совсем верю, но слушаться я ее не могу. Никого я не могу слушаться».

Выйдя из больницы, Сергей Александрович поселился в квартире Вардина. Почему не к Галине, с которой Есенин открыто жил? Почему не к Наде Вольпин или Рите Лившиц, с которыми поэт состоял в интимной связи? Отлично понимая, что Есенин связался с дурной компанией, живущей в стиле «с вашими друзьями что-то не так, они выпили принесенную вами водку, пока вы в прихожей снимали обувь», Анна Абрамовна и Вардин делают все возможное, чтобы не дать поэту снова сойтись с прежними друзьями. Кроме того, это было удобно, теперь Берзинь могла посещать и Есенина, и Вардина, не привлекая внимания супруги последнего.

> *Милая Анна Абрамовна! – пишет Есенин Берзинь 4 апреля 1924 года. Москва.*
>
> *Ваше вчерашнее внезапное исчезновение и то, что Вас сегодня нет на службе*[124]*, немного беспокоит меня.*
>
> *Что с Вами?*
>
> *Черкните пару слов с Приблудным. Мы остались одни. Жена Вардина уехала*[125]*.*
>
> *Сегодняшний вечер у нас свободен, был бы страшно рад видеть Вас.*
>
> *Позвоните, если можете, по телефону. К Вам ведь не дозвонишься.*
>
> *Целую Вашу руку.*
>
> *Любящий С. Есенин.*

Ниже рукой И. Приблудного дописано:

Хорошая Анна Абрамовна! Когда освободитесь – приходите к Вардину. Сергея мы сегодня никуда не пускаем. Вечером будут Галя, Катя, Рита и другие. Будем петь, а Вы будете смеяться над заявлением Сергея о выезде за пределы СССР. Приходите и проч. Ваш Иван Приблудный.

Летом они не виделись, время от времени посылая друг другу письма:

Дорогая Анна Абрамовна! Приветствую Вас и целую Вашу руку.

У меня к Вам большая просьба, Анна Абрамовна! Я думаю несколько дней задержаться еще в деревне, чтобы уладить постройку дома. Мне очень нужны деньги, а посему я посылаю к Вам с этим письмом Екатерину. Помогите ей получить деньги, которые выписаны мне на субботу. Доверенность ей я прилагаю к сему письму. Погода в деревне неважная. Удить из-за ветра невозможно, поэтому сижу в избе и дописываю поэму (имеется в виду «Поэма о 36»). Ночи у нас бывают чудные, лунные и, как ни странно при близкой осени, безросые. Но все они проходят без любви, и мне остается вспоминать только прошлое.

А как Вы? Черкните мне пару слов до моего приезда, с Екатериной.

Буду рад и счастлив.

Еще раз целую Вашу руку.

Приветствую Вардина, Родионова[126]*, Флеровского*[127] *и Березовского*[128].

Ваш Сергей Есенин.

Константиново. 14/VIII 24.

Напомню, что в августе 1922 года сгорел дом родителей Есенина. Новый дом был отстроен 17 сентября 1924 года.

Сережа! Как живете? Что делаете? До *Москвы доходят слухи, что пьете и что разбились!!! Не знаю, насколько верно то и другое. Черкните пару строк. Очень хочу видеть, хоть не самого, а только почерк. Если написать трудно или не хочется, то не принуждайте себя к этому. В Москве все по-старому. Все сплетничают, пьют, влюбляются и т. д. Я никого не люблю. Живу*

смиренной вдовицей… Ну, целую Ваш загривок.

А. Берзинь.

Дорогая и милая Анна Абрамовна, мать и любимая (ради Бога, чтобы отец не ревновал[129]*. Ах), – пишет Есенин Берзинь (между 19 августа и 2 сентября 1924 года). Москва.*

Если б я Вам мог рассказать свое большое о нем!..

Милая Анна Абрамовна, Вы ко мне были, как говорят, «черт-те что такое». Люблю я Вас до дьявола, не верю Вам навеки еще больше[130]*.*

Все это смешно, а особенно тогда, когда я навеки твоя[131]*.*

Прошу Вас, ради Бога, сообщите отцу (Бардину), что я опять застрял на любовной ночи.

Клянусь Вам, маман, я у Миклашевской.

С. Есенин.

Связь с Анной Абрамовной не была обременительной для С. Есенина, замуж за него она не просилась, опекала, помогала, даже временным жильем обеспечила, постоянного не получилось из-за того, что в ту пору Есенин еще считался формально женатым на А. Дункан, а за ней числилась жилплощадь. Тем не менее Есенин то и дело заводит разговор о переезде за границу. Ему хочется сменить обстановку, попробовать начать на новом месте. Готовясь к длительной поездке, Есенин старается привести свои дела хотя бы в относительный порядок.

Галя *милая! Заходил. Оставил «Перевал». Больше пока книг нет. Будут завтра.*

С. Есенин.

Август 1924 года. Москва

Милая, любимая Абрамовна!

Прости, прости.

Уезжаю – года *на два. (Есенин поехал на Кавказ)*

Не ищи. Только помоги. Так нужно. Скажи Евдокимову (я его люблю) о сборнике.

Люблю тебя, люблю.

Прощай.

Сергей.

Письмо написано не позднее 3 сентября 1924 года. Москва

– Было уже не смешно, что Сергей Есенин носит цилиндр, что он любит выфрантиться, он уже потерял нелепость в своем пустопорожнем, почти маскарадном

костюме. Не замечаешь смешные, претенциозные стороны, не раздражают его причуды. Ему хочется, и пусть. Ему доставляет удовольствие такой маскарад – пусть рядится, он доволен, и это – главное… – рассказывает Анна Берзинь.

Улыбка у Есенина была светлая, притягательная, а смех – детский, заразительный. Когда Сергей Александрович смеялся, окружающим хотелось мягко и нежно улыбаться, будто глядишь на проказы милого и счастливого ребенка.

Он сам больше всех радовался самым разным выходкам и незатейливым анекдотам, которыми он широко делился с каждым, но был ненадоедлив, а просто весел, и в своей веселости – щедрым.

12 октября 1924 года. Он телеграфирует ей из Тифлиса:

Привет любовь и прочее – Есенин.

Сергей Александрович приглашал Анну Абрамовну поехать вместе с ним на Кавказ, но она была занята на работе.

Сергей Есенин, Николай Стор, Михаил Тарасенко, Лев Повицкий, Николай Вержбицкий на Приморском бульваре. Батум, декабрь 1924 г.

Глава 28. В плену страстей

Есть мнение, что идея уехать на Кавказ окончательно созрела в голове С. Есенина после того, как он узнал об измене ему Галины, у которой он в то время снова жил.

> *– Когда Сергей бывал в отъезде, – вспоминала Е. А. Есенина, – Галя иногда поздно возвращалась с работы. Но при нем она аккуратно приходила домой. В этот раз она почему-то задержалась в редакции дольше обыкновенного и вернулась домой в 11 ч. Следом за ней пришел Сергей. Сергей был трезвым, и настроение его казалось хорошим. За ужином он шутил, смеялся. Галя казалась смущенной чем-то и говорила совсем мало.*
>
> «Да, *ты знаешь, – обратился Сергей ко мне, – мы сегодня с Галей в театре встретились, видела бы ты, как она смутилась. Бросьте, Галя, ничего дурного не случилось! – улыбаясь, говорил Сергей. – Это Покровский был с вами?». Ером, пожар – ничто не могло так ошарашить меня, как это известие; Покровский был близкий человек Гали до Сергея. У него была жена, но Галя без Сергея иногда встречалась с ним. Я знала это. Конец покою, Сергей опять без угла и одинок. Сергей быстро уехал на Кавказ. Мне он прислал пьяное письмо, где требовал немедленного ухода от Гали. «Уйди тихо, – писал он. – У Гали своя личная жизнь, и ей мешать не надо». Галя была грустна и оправдывала себя тем, что Сергей не любит ее. Поэтому она и встречалась с Покровским.*
>
> *Сергей вернулся опять к Гале. (Имеется в виду после Кавказа). Казалось, ничего не случилось, все шло по-старому. Галя решила, что Сергей не придал значения произошедшему, но она ошиблась.*

Приблизительно в то же время Сергей узнает о том, что Галя не только изменяет ему как женщина, а все время их знакомства вела двойную игру. Служила на Лубянке и, по словам Приблудного, выполняла ответственное задание – шпионила за Есениным, а так же, возможно, добилась его развода с Дункан! Ни для кого не секрет, что Айседора не прижилась в Советской России и собиралась уехать. Так что, живи Есенин с ней, возможно, теперь бы он тоже паковал чемоданы.

Сергей Александрович был взбешен, но на этот раз решил,

что сделает все возможное, чтобы шпионка как можно дольше не узнала о его осведомленности на ее счет. Дабы запутать следы, Есенин вообще не заговаривает с Бениславской о ее службе на Лубянке, вместо этого он раздувает историю с изменой:

> *Вы свободны и вольны делать что угодно, меня это никак не касается. Я ведь тоже изменяю вам, но помните – моих друзей не троньте. Не трогайте моего имени, не обижайте меня, кто угодно, только чтоб это не были мои друзья.*

К слову, в чем-то подобном друзья поэта подозревали Анну Абрамовну. Во всяком случае, бытовало мнение, будто Берзинь сошлась с Есениным по приказу свыше. Да она, по всей видимости, и сама не скрывала, что ей дали зеленый свет оказывать любую помощь и поддержку талантливому поэту, дабы укрепить его связь с Советским правительством. Так это для его же блага. Ну вернется он к Дункан, и та заберет его с собой за границу. Россия потеряет прекрасного поэта, а он сопьется там от скуки. Другое дело здесь, Галя все его рукописи держит в идеальном порядке, Анна продвигает проекты. Недоело ютиться в комнатушке на Брюсовском, Вардин целую комнату за просто так предоставляет. Живи – не хочу! Кому еще так повезло?

> *…Однажды вечером, ложась спать, Галина увидела, что Екатерина Есенина, сестра поэта (тогда они жили вместе в квартире дома по Брюсову переулку в Москве), почему-то страшно волнуется и дрожит. Скоро девчонка призналась – брат предупредил ее: не болтай лишнего, их заботливая хозяйка – чекистка. Бениславской с трудом удалось успокоить Катю и развеять ее страхи. Этот эпизод так бы и остался случайным, если бы не имел продолжения, доказывающего, как он был важен в жизни есенинской знакомой*[132].

А вот фрагмент из письма Бениславской к Эрлиху:

> Да, *не могу не поделиться – здесь Приблудный (знаю, что Вы не очень-то к нему, но все же он лучше других) – был у нас с ним при Кате разговор, – помните, о той истории, что Сергей говорил про меня. И Приблудный совершенно прямо и честно подтвердил и рассказал, как было дело, так что Катя убедилась, что это Сергей раздул, а не Приблудный рассказывал, и что я-то ни при чем. Я несколько дней ходила, как сто пудов с плеч*

свалилось, и убедилась, что я была права, щадя тогда его, и что он не отплатил подлостью. Думаю, это так. Ведь не так важно, что думают, а важно то, что это была ложь.

Галина действительно числилась на службе, что подтверждает заведенное на нее чекистское досье № 2389. Впрочем, с органами сотрудничали Эрлих и Приблудный. Собственно фраза: «и убедилась, что я была права, щадя тогда его, и что он не отплатил подлостью» – о Приблудном, а не о Есенине, как это расшифровывают многие историки. Как бы Есенин мог отплатить подлостью Бениславской, если бы она его выдала властям и те посадили или расстреляли его? Абсурд! Другое дело, если бы она выдала своего сослуживца Приблудного, который служил на Лубянке с 25-го года, вот он мог бы после и отомстить.

На самом деле, здесь нас в большей степени интересует, действительно ли влюбленная Галя шпионила за Есениным? Но ответа нет.

Есенин не мог не видеть, что его секретарь, еще до знакомства Есенина с Дункан, предпочитала носить кожаную тужурку и наган. Это ведь ей Демьян Бедный посвятил следующие строки:

Вглядываясь в каждого проходящего смельчака,
Я буду кричать: «Да здравствует ВЧК!»

А Михаил Светлов писал:

Я пожимаю твою ладонь —
Она широка и крепка.
Я слышу, в ней шевелится огонь
Бессонных ночей ЧК.

Если бы чекисты и хотели использовать Галину в качестве своего агента, вряд ли эта миссия носила бы секретный характер. Истеричная, порывистая Бениславская выставляла напоказ свою политическую ориентацию.

– Галя, *вы очень хорошая, вы самый близкий, самый лучший друг мне. Но я не люблю вас как женщину Вам надо было родиться мужчиной. У вас мужской характер и мужское мышление, – говорил Есенин Бениславской.*

– Сергей Александрович, я не посягаю на вашу свободу, и нечего вам беспокоиться, – пряча слезы, шептала она.

Их окончательный разрыв произошел после того, как Есенин сообщил о своей женитьбе на Софье Толстой.

Из личного дневника Г. Бениславской:

> *Лейтмотив, появившийся, правда, позднее – «как женщина не нравлюсь». Дура я была бы после этого покорно склоняться со своей верностью, и все же до* Л. *(неизвестно, кого имела в виду Бениславская), даже «изменяя», вернее, уходя от Сергея физически, я была ему верна, я всегда избегала людей, чем-либо интересных мне (избегала подсознательно). Я знала, что такой, как Покровский, ничего не может отнять во мне из того, что отдано Сергею, и Покровскому я ничего не отдавала, там я брала только ту теплоту и ласку, которые мне нужны были как воздух. Единственная измена – Л. Этой зимой я поняла, что если Сергея я люблю больше всего, больше, чем себя самое, то все же к* Л. *у меня не только страсть. Боже мой, ведь Сергей должен был верить мне и хоть немного дорожить мной, я знаю – другой такой, любившей Сергея не для себя самой, другой он не найдет; и Сергей не верил, швырялся мной. И если я не смогла отдать Сергею все совсем, если я себя как женщину не смогла бросить ему под ноги, не смогла сломать свою гордость до конца, то разве ж можно было требовать это от меня, ничего не давая мне?*

Странное письмо, вот вроде как понимаешь, что у человека душа кровью обливается, но как же тогда прикажете относиться к ее же тексту, который Бениславская написала на смерть Есенина:

> *Помню, осенней ночью шли мы по Тверской к Александровскому вокзалу. Так как Сергей Александрович тянул нас в ночную чайную, то, естественно, разговор зашел о его болезни (Есенин и Вержбицкий*[133] *шли впереди). Это был период, когда Сергей Александрович был на краю, когда он иногда сам говорил, что теперь уже ничто не поможет, и когда он тут же просил помочь выкарабкаться из этого состояния и помочь кончить с Дункан. Говорил, что если я и Аня его бросим, то тогда некому помочь и тогда будет конец.*

Но, если она сама публикует это воспоминание, стало быть, понимает меру собственной ответственности. Он же ей ясно дал понять: с Айседорой необходимо расстаться, но при этом отмечал, что если его предаст Галина, тогда ему уже никто не поможет.

Или она рассчитывала, что столь самолюбивый и ранимый человек сумеет простить ее?

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,

То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь…

«Черный человек»

Впрочем, мы слишком далеко забежали вперед, а пока, несмотря на измену «верной» Гали и подозрение, что та шпионит за ним, Есенин продолжает нуждаться в помощи последней. В помощи секретаря и поверенного. Никто из есенинского окружения реально не тянул на эту роль, Анна Абрамовна была и так невероятно занята, у Кати и Шуры ветер в голове. Так что на какое-то время Есенин счел возможным сделать вид, будто бы ничего не произошло.

17 октября 1924 года С. Есенин пишет из Тифлиса Бениславской:

Милая Галя! Привет Вам и Екатерине.

Сижу в Тифлисе. Дожидаюсь денег из Баку и поеду в Тегеран[134]*. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась.*

С книгами делайте, что хотите. Доверенность прилагаю. Высылаю стихи. «Песнь о великом походе» исправлена. Дайте Анне Абрамовне и перешлите Эрлиху для Госиздата. Там пусть издадут «36» и ее вместе.

Опишите мне на Баку, что делается в Москве. Спросите Казина[135]*, какие литературные новости. Приеду сам не знаю когда, вероятно, к морозам и снегу. С Вардиным я разъехался около месяца тому назад.*

Напечатайте «36» в «Молодой гвардии» и получите деньги.

Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том так, как я говорил с Анной Абрамовной, лирику отдельно и поэмы отдельно. Первым в поэмах «Пугачев», потом «36», потом «Страна негодяев» и под конец «Песнь». Мелкие же поэмы идут впереди всего.

Как живете? Здесь хоть не холодно, зато довольно тоскливо. Пишу мало. Думаю засесть писать в Тегеране. Зачем черт несет, не знаю.

Из Батума получил приглашение от Повицкого[136]*. После Персии заеду*[137]*.*

Как Орешин? Что Воронский и распущенный имажинизм? Есть ли что в таверне и кто там?

Эрлиху напишите, чтоб поэму пускал как «36», а не «26». Напишите ему, что я не пишу ему из-за того, что

потерял адрес. Буду писать на Сашку.

Пришлите 2 книги «Москвы кабацкой». Из Персии напишу подробней.

Целую и жму руки. Сергей Есенин.

17/X.24.

Пишите, пишите.

Таверной Есенин обозвал артистическое кафе «Стойло Пегаса».

В своем ответном письме от 15 декабря Бениславская ответила:

…Ну, теперь о новостях. «Таверна» закрыта – прогорела. Савкин затеял какой-то театр вместо «Таверны» – тоже прогорел в несколько дней, теперь не знает, как выпутаться. Жаль его – мальчишка ведь еще, потому и влип так. А Грузинов теперь руки умывает. Мариенгоф и К" молчат. Открыли новое кафе в Метрополе: «Калоша». Что там делается, не знаю…

– Дорогая Галя! Мне кажется, я приеду не очень скоро. Нескоро потому, что делать мне в Москве нечего. По кабакам ходить надоело, – откровенничает Есенин в письме к Бениславской от 20 октября 1924 года. Тифлис.

Несколько времени поживу в Тегеране, а потом поеду в Батум или в Баку

Составил Вам список для составления книги. Продайте ее в таком порядке под названием «Рябиновый костер», куда можно. Сперва поговорите с Ангарским[138] *(Мосполиграф).*

Воронскому я написал, чтоб он выдал на сестер 200 руб. На днях я пошлю им персидские стихи. Стихи, говорят, очень хорошие, дай я доволен ими.

Живу дьявольски скучно. Пишите хоть Вы мне чаще. Одно утешение нашел себе, играть в биллиард. Проигрываю все время. Недавно выиграл в карты 1000 руб., а после проиграл 1200 руб. Какая-то полоса невезения. Дороговизна здесь ужасная. Хуже, чем в Москве. Живу в отелях. Каждый день обходится в 20–25 руб. Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать.

Когда получите деньги за книгу, хорошо было бы, если б вы съездили в Питер и взяли мои вещи. У Ивана Ивановича мой шарф красно-черный, я его очень люблю. Потом пересчитайте белье.

20/X. 24, Тифлис

У Сашки я жить не буду. Мне удобней будет жить у Соколова[139]*, когда я буду в Питере. Жму руку. Любящий С. Е.*

Глава 29. Дорогие воспоминания

Не упоминая об Айседоре Дункан и недавнем разрыве с ней, Есенин стал рассказывать о европейских и американских впечатлениях, показывал привезенные оттуда вещи, при этом непременно называлась цена в долларах, франках или марках: «Плачено столько-то!» – пишет В. А. Мануилов. – В этом было какое-то наивное хвастовство, чуть-чуть высокомерное, пренебрежительное любование игрушками современной цивилизации Запада.

Все костюмы Есенина куплены и шиты на заказ Айседорой Дункан. В СССР ничего подобного не было. Поэтому не удивительно, что раздав по пьяному делу множество нужных ему вещей, он лелеет оставшееся. Ему приятно вспоминать о том, где и когда была приобретена та или иная вещь. Не удивительно, что почувствовав, что начал толстеть, Есенин вынужден распарывать белье и перешивать остальные вещи. Всю оставшуюся жизнь он будет ходить в этих импортных, подаренных любимой женщиной вещах, не забывая о ней ни на минуту.

Красно-черный шарф – когда-то поэту его подарила Айседора Дункан. Есенин даже зимой ходил в распахнутой шубе, «развевая за собой красный шелковый шарф». Может быть, поэтому «Ричиотти[140] *звал Есенина райской птицей».*

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,

И какую-то женщину
Сорока с лишним лет
Называл скверной девочкой
И своею милою[141].

– Тебе нравится мой шарф? – спросил как-то Есенин у И. В. Евдокимова.

Он подкинул его на ладони, оттянул вперед и еще раз подкинул.

– Да, – говорю, – очень красивый у тебя шарф!

Действительно, шарф очень шел к нему, гармонично как-то доканчивая белое и бледное лицо поэта. Шарф кидался в глаза тончайшим соединением черного тона шелка с красными маками, спрятавшимися в складках, будто выставлявшими отдельные лепестки на волнистой линии концов. Я потрогал его рукой.

Продолжая радостно улыбаться, Есенин заметил:

– Это подарок Изадоры… Дункан. Она мне подарила.

Поэт скосил на меня глаза.

– Ты знаешь ее?

– Как же. Лет двенадцать назад я бывал на ее выступлениях здесь, в Москве.

– Эх, как эта старуха любила меня! – горько сказал Есенин. – Она мне и подарила шарф. Я вот ей напишу… позову… и она прискачет ко мне откуда угодно…

Он опять погладил шарф несколько раз.

– Я поеду совсем, совсем, навсегда в Ленинград, – твердил он дальше, – буду писать. Я еще напишу, напишу! Есть дураки… говорят… кончился Есенин! А я напишу… напишу-у!

Есенин по приезде в Батум остановился в местной гостинице, – рассказывает Лев Повицкий в своей работе «Есенин в жизни и творчестве. По личным воспоминаниям». – Через несколько дней я заехал за ним, чтобы перевезти его к себе. Я жил недалеко от моря, в небольшом домике, окруженном зеленью и фруктовым садом.

Шумная жизнь вечно праздничного Тифлиса, отголоски которой привезли «провожатые» Есенина – Вержбицкий и Соколов, – была уже не по душе ему. Он готовился к серьезной работе, и Батум дал ему такую возможность. Это видно из его деловой переписки с Галиной Бениславской, которая была все последние годы жизни Есенина как бы его «личным секретарем».

В первом же письме из Батума Есенин передал Галине Бениславской привет от меня. С нею я виделся в Москве один-два раза, но уже заочно числился в ее друзьях, и Есенин аккуратно передавал ей мои приветы. Ему понравился покой и неприхотливый уют моего жилища, и он пожертвовал ради него удобствами комфортабельного номера в гостинице. Он вынес свои чемоданы из номера, и мы собрались уже выйти, как вдруг на нас с громкой руганью накинулся заведующий гостиницей – старик

армянин:

– Не пущу чемоданы, заплати деньги!

– Я вам объяснил, – ответил Есенин, – деньги я получу через два-три дня, тогда и заплачу!

– Ничего не знаю! Плати деньги! – кричал на всю гостиницу рассвирепевший старик.

Есенин тоже повысил голос:

– Я – Есенин! Понимаешь или нет? Я сказал – заплачу, значит, заплачу.

На шум вышел из соседнего номера какой-то гражданин. Постоял с минуту, слушая шумную перебранку, и подошел к заведующему:

– Сколько Есенин вам должен?

Тот назвал сумму.

– Получите! – И неизвестный отсчитал старику деньги.

Старик в изумлении только глаза вытаращил.

Есенин поблагодарил неизвестного и попросил у него адрес, по которому можно вернуть деньги. Тот ответил:

– Мне денег не нужно. Я редактор армянской газеты в Ереване. Пришлите нам в адрес газеты стихотворение, и мы будем в расчете.

– Появился и Паоло[142], посмотрел на развеселившегося Есенина и хитро улыбнулся. Я поняла: сейчас Паоло что-то натворит, – пишет Н. А. Табидзе[143]. – И правда, он повернулся к Есенину и сказал:

– Знаешь, Сережа, я хочу тебя обрадовать. Приехала в Тбилиси Айседора Дункан, я ее встретил на Руставели, сказал ей, что ты здесь, и адрес дал. Она сюда скоро приедет.

Трудно описать, что произошло с Есениным, когда он услышал эти слова. Он побледнел. Он не мог произнести ни слова. Он стоял с минуту как громом пораженный, потом вбежал в свою комнату и стал, торопясь, укладывать вещи в чемодан. Махнув на все рукой, схватил свой чемодан и убежал. Паоло и Тициан бежали за ним и едва его догнали на улице. Паоло клялся, что он пошутил, что никакой Айседоры Дункан и в глаза не видел. Еле вернули его обратно. Есенин явно нервничал, каждый раз, когда открывали дверь, он вздрагивал и оборачивался: он все-таки боялся, что она появится. Он готов был бежать на край света, лишь бы не встретиться с ней…

Дункан действительно появилась в Тбилиси вскоре после отъезда Сережи. Мы встречались с ней и обедали в

кафе «Париж» на Дворцовой улице. Она же была изумительная танцовщица, создавшая свою школу. Узнав, что Есенина нет в Тбилиси, она тоже уехала вскоре.

– Екатерина, пошли мне спешно письмо и опиши, что творится в Москве, – пишет Сергей сестре. – Получила ли ты деньги и устроил ли Эрлих то, о чем мы с ним говорили[144]*. Уезжать отсюда мне пока очень не хочется. Я страшно хочу переждать дожди и слякоть. Здесь погода изумительная.*

У меня к тебе просьба и наказ:

Скажи Сахарову, чтоб он в октябре дал мое зимнее пальто починить Ивану Ивановичу.

Как дома и сколько нужно денег еще для постройки. Посылаю тебе для них еще 10 червонцев. Больше 30 не давай, считая в сумме и то, что я дал.

Для тебя я скоро пришлю стихи, продашь их Казину или Флеровскому[145]*, и с тебя пока хватит.*

Скажи Сашке, чтоб он запер мой чемодан, а ключ отдаст пусть Анне Ивановне.

Эрлиху напиши письмо и пришли мне его адрес. Я второпях забыл его. Что нового? Как чувствуют себя и как ведут Мариенгоф с Ивневым[146]*.*

Вот тут я позволю себя вмешаться и объяснить, с чего это Есенину стало интересно, кто и как себя ведет.

А дело вот в чем: некоторое время до этого Есенин опубликовал в газете «Правда» открытое письмо, в котором заявил о роспуске группы имажинистов.

Разумеется, его интересовала ответная реакция, которая последовала только в середине октября 1824 года. Это было коллективное письмо-ответ.

«В “Правде” письмом в редакцию Сергей Есенин заявил, что он распускает группу имажинистов.

Развязность и безответственность этого заявления вынуждает нас опровергнуть это заявление. Хотя С. Есенин и был одним из подписавших первую декларацию имажинизма, но он никогда не являлся идеологом имажинизма, свидетельством чему является отсутствие у Есенина хотя бы одной теоретической статьи (странное заявление, но, должно быть, соратники не видели «Ключи Марии» и «Быт и искусство»).

Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она ему была удобна, и мы никогда в нем, вечно отказывавшемся от своего слова, не были уверены как в

соратнике.

Есенин в нашем представлении безнадежно болен физически и психически, и это единственное оправдание его поступков.

Таким образом, «роспуск» имажинизма является лишь лишним доказательством собственной распущенности Есенина.

Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман, Вадим Шершеневич, Николай Эрдман».

Ну вот, немного разобрались и с этим вопросом. Так что можно продолжать чтение письма С. Есенина к сестре Е. Есениной:

…Передай Савкину, – пишет С. Есенин, – что этих бездарностей я не боюсь, что бы они ни делали. Мышиными зубами горы не подточишь.

Узнай, как вышло дело с Воронским. Мне страшно будет неприятно, если напостовцы его съедят. Это значит, тогда бей в барабан и открывай лавочку.

18 сентября, еще до получения письма от брата, Катя писала: «Видела Воронского. Если бы ты знал, как ему больно», а буквально через месяц Бениславская ответила Есенину: «Ну вот, Сергей Александрович, Вы просили Катю узнать, как там вышло дело. Отвечу за нее. Никого, конечно, никто не съел, и неизвестно, съест ли…».

…По линии писать абсолютно невозможно. Будет такая тоска, что мухи сдохнут, – продолжает Есенин.

Сейчас немного работаю. Завтра поеду в Баку, а потом в Кисловодск. Вардин ко мне очень хорош и очень внимателен. Он чудный, простой и сердечный человек. Все, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одно беда, что коммунизм он любит больше литературы.

Ну пока целую. Привет Гале и Рите.

17/IX.24.

Глава 30. Последнее прости…

Расставшись с Есениным, Айседора одновременно потеряла веру и в свою миссию в СССР. Не так она представляла себе страну победившей революции. Молодежь интересовало не гармоничное развитие души и тела, а прежде всего политическое воспитание. В школе были созданы невозможные для работы условия, там почти не топили, так что заниматься приходилось с риском для здоровья и жизни. Кроме того, советское правительство брало на себя обязательство кормить детей раз в сутки! Еще раз могла себе позволить на собственный счет Айседора, помогла с деньгами ее подруга Мэри Дести[147]. Но это не спасало ситуацию, а продлевало агонию.

Собираясь покинуть Россию навсегда, Айседора сделала последнюю попытку уговорить Есенина бежать из СССР. Снова отправиться на поиск переводчиков и издателей, напомнить о себе в иностранной прессе, но Есенин отказался.

> *– Россия! – произнес он протяжно и грустно. – Россия! Какое хорошее слово… И «роса», и «сила», и «синее» что-то. Эх! – ударил он вдруг кулаком по столу. – Неужели для меня все это уже поздно?*[148]

Уносивший Айседору аэроплан летел какое-то время, а потом вдруг начал стремительно терять высоту, буквально в последний момент пилот умудрился избежать столкновения с землей, посадив машину на каком-то поле. Прибежавшие посмотреть на диковинное зрелище крестьяне стали последними зрителями в СССР, увидевшими танец великой Айседоры.

Глава 31. Как с гуся вода

20 октября 1924 года С. Есенин пишет из Тифлиса Маргарите Лифшиц, отвечая на ее письмо.

Милая Рита! Спасибо за письмо и вырезки, которые Вы послали Вардину для передачи под каким-нибудь соусом мне.

Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколечко.

Ни лебедя, ни гуся вода не мочит.

Как живете? Как Женя (Женя – Е. И. Лившиц)? Вышла ли она замуж? Ведь ей давно пора. Передайте ей, что она завянет, как трава, если не выйдет. При ее сурьезности это необходимо. Ха-ха! Представляю, как она злится.

Живу скучно. Сейчас не пью из-за грудной жабы. Пока не пройдет, и не буду. В общем, у меня к этому делу охладел интерес. По-видимому, в самом деле я перебесился.

Теперь жену, балалайку, сесть на дрова и петь вроде Коненкова: «Прошли золотые денечки». Ну, да это успеем сделать по приезде в Русь.

Целую и обнимаю Вас.

1-й Жене привет, 2-й Жене привет и 3-й Жене привет. (Е. И. Лившиц, Е. С. Розовской и Е. Г. Апириной).

Тифлис. 20 / X. 24.

Несмотря на то что в газетах появился ряд публикаций, сообщающих о духовном обнищании Есенина и его моральном разложении, Сергей Александрович, даже живя вдали от Москвы, умудряется способствовать выходу своих книг. Он редактирует их и вносит исправления в гранки при помощи Галины, тормошит Анну

Абрамовну, заставляет сестру Катерину работать курьером. Он много пишет и, что немаловажно, много общается, пусть даже и в письмах.

Дорогая, незабываемая Анна Абрамовна! Очень грустно, что Вы не ответили мне на письмо и телеграмму.

Я Вас настоятельно просил приехать. Было бы очень хорошо, и на неделю могли бы поехать в Константинополь или Тегеран.

Погода там изумительная, и такие замечательные шали, каких Вы никогда в Москве не увидите.

Нравятся ли «Персидские мотивы»?

Милая Анна Абрамовна, как с книгой? Издайте ее так, как послал я ее Гале. Теперь она исправлена. Очень я Вас ругаю за то, что Вы обидели отца[149]*. Право, он этого не заслужил. Хоть я и сам от его опеки убегал в города и веси сей страны, «где злая пуля осетина его во мраке догнала» и бежали робкие грузины. Но сердце его доброе и отзывчивое. Думаю, не мешало бы Вам обязательно помириться.*

Демьяновой ухи я теперь не хлебаю. («Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь; Но если помолчать во время не умеешь // И ближнего ушей ты не жалеешь, // То ведай, что твои и проза и стихи // Тошнее будут всем Демьяновой ухи». Из басни Крылова «Демьянова уха»).

Буду очень рад, если Вы мне напишете на Баку в «Бакинский рабочий». О делах, в которых мне необходима Ваша помощь, с Вами поговорит Галя. Целую Ваши руки.

С любовью С. Есенин.

21/X. 24. Тифлис.

Милая Галя! – писал Бениславской Есенин. – Я остаюсь пока на Кавказе, и останусь, вероятно, до мая.

Делать в Москве мне нечего. Все, что напишу, буду присылать Вам.

Посылаю Вам 2 стихотворения из «Персидских мотивов». После пришлю еще.

Издайте «Рябиновый костер» так, как там расставлено. «Русь советскую» в конце исправьте. Вычеркните слово «даже», просто сделайте «но и тогда…». Потом не «названьем», а «с названьем». Если Анна Абрамовна не бросила мысли о собрании, то издайте по берлинскому тому с включением «Москвы кабацкой» по порядку и «Рябинового костра». «Возвращение на родину» и «Русь советскую» поставьте после «Исповеди хулигана». «Москва кабацкая» полностью, как есть у Вас, с стихотворением «Грубым дается радость». «Персидские мотивы» не включайте.

Разделите все на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: «Пугачев», «36», «Страна», «Песнь о походе». После «Иноний» вставьте «Иорданскую голубицу».

Вот и все.

Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь – сделают все не так, как надо.

Если Мосполиграф найдет, что ему невыгодно купить, то попросите Вардина, чтоб устроил в изд-во «Красная новь».

Живу очень скучно. Потихонечку принимаюсь за большие работы. Вплоть до пьесы.

Дорогая Галя! В отделе массовой литературы вместе с «Избранным» есть деньги. Анна Абрамовна может устроить их. Там есть рублей 720. Возьмите эти деньги и распоряжайтесь ими по усмотрению.

После я пришлю материала на сестринские нужды. Не балуйте их.

Я здесь более-менее обеспечен. Мне Ваша присылка не потребуется. Червонцев 50 я в месяц на себя имею. Если Вам будет туго, шлите телеграмму, и я могу тогда выслать.

Ну, привет сестрам. Целую вас всех и обнимаю крепко-прекрепко.

С. Есенин.

29/X. 24.

Милая Галя! (письмо было написано, скорее всего, не позднее 2 ноября 1924 года. Тифлис)

Привет Вам и все прочее. Посылаю «Русь уходящую».

Покажите Воронскому. Вставьте в книгу под конец, как я вам разметил, и продайте под названием «После скандалов». «Рябиновый костер» я, как название, продаю здесь в Тифлисе. «36» давайте куда хотите. Привет сестрам. Крепко жму Ваши руки. С. Е.

Напишите мне подробно, что делается в Москве. Как Воронский, Казин, Анна Абрамовна и др. Я не приеду до тех пор, пока не кончу большую вещь. Как нравится «Русь уходящая»? Вещь, я над которой работаю, мне нравится самому. Отрывки пришлю из Баку. Пишите в Баку. Я там буду дней через 5 после этого письма и пробуду недели две.

С. Е.

Глава 32. Фрагменты мозаики

– Приморский бульвар. Солнечно, тепло, хотя декабрь на дворе. Бульвар полон гуляющих. Появляется Есенин. Он навеселе. Прищуренно оглядывает публику и замечает двух молодых женщин, сидящих на скамейке. Он направляется к ним, по пути останавливает мальчика – чистильщика сапог, дает ему монету и берет у него сапожный ящик со всеми его атрибутами, – рассказывает случай из батумской жизни Есенина Лев Повицкий. – С *ящиком на плечах он останавливается перед дамами на скамейке, затем опускается на одно колено:*

– Разрешите мне, сударыни, почистить вам туфли!

Женщины, зная, что перед ними Есенин, смущены и отказываются. Есенин настаивает. Собираются любопытные, знакомые пытаются увести его от скамейки, но безуспешно. Он обязательно хочет почистить туфли этим прекрасным дамам. Я был в это время на другом конце бульвара. Мне сообщили о случившемся. Я подошел и увидел его стоящим на коленях. Толпа любопытных росла. Я понял, что обычной просьбой, мягким словом тут ничего не сделаешь. Нужны крайние средства.

Нарочито громко я обратился к Есенину:

– Сергей Александрович, последний футуристик не позволит себе того, что вы сейчас делаете!

Он молча встал, снял с себя ящик и, не глядя на меня, направился к выходу с бульвара.

Два дня он со мной не разговаривал. Когда мы помирились, он сокрушенно, с глубоким укором сказал:

– Как ты мог меня так оскорбить!

Галя милая! Очень болен[150] *и потому не могу Вам написать и рассказать, как живу в Батуме. Только просьбы и просьбы. Перепечатайте эти стихи и сдайте куда хотите. Я очень соскучился по Москве, но, как подумаю о холоде, прихожу в ужас. А здесь тепло, светло, но нерадостно, потому что я не знаю, что со всеми вами. Напишите, как, где живет Шура? Как Екатерина и что с домом? Соберитесь с духом и привезите вещи из Питера. У Сашки они, вероятно, мешают. От Льва Осиповича привет. Привет Жене и Рите.*

Что слышно с моим собранием? Анна Абрамовна,

вероятно, меня забыла.

Напомните ей.

Продавать мои книги можете не спрашивать меня. Надеюсь на Ваш вкус в составлении. Привет Яне, и Соне, и Иосифу.

Что слышно в литературной политике? Что нового написал Приблудный? Он, собака, мне ни одного слова не написал. Кое-что я читал в отзывах о «Москве кабацкой». Соберите то, что вообще появилось.

Пока жму Ваши руки.

Екатерину жмите больше в кулаки.

С. Есенин.

12/XII. 24, Батум.

Должно быть, Галя прочитала письмо всем, кого Есенин упомянул в нем, потому что очень скоро ему пришло ответное письмо от Яны:

Дорогой Сергей Александрович, не только потому, что привет прислали, который радует и хочется ответить тем же, но еще и потому, что нам приятно если не беседовать, то написать несколько слов.

Завтра новый год, обычный новый год, но чем-то отмечаемый у каждого. И у Вас?

Вот хочется нам знать, чем же Вы и с чем, с какими мыслями и настроениями его встречаете. Чем сейчас живете, что занимает Вас…

Правда, мы знаем, что все у Вас (но все ли?) отмечается чудесным бисером строк, маленьких строк, даже сны навевающих.

Рассказывал вчера Касаткин[151]*, что его приятелю снилось, что Вы на Кавказе увлекли жену кавказца и это стоило Вам жизни, т. к. кавказец сей насквозь проткнул Вас ножом. Разве это не Ваши драки навеяли? Будто кто-то мне в кабацкой драке // Саданул под сердце финский нож.*

Ну, а кроме того, что в строчках?

Например, когда в Москву думаете приехать, тянет ли сюда?

Помните, Вы все о тахте говорили? А как раз на днях у нас тахта появилась. Мы и решили: приедет С. Ал. – и в первый же вечер позовем его на тахту – слушать рассказы Ваши о восточных краях.

Ну, приезжайте, дайте знать о себе, чем очень обрадуете.

Примите большой, нежный привет от Сони и Яны.

А если будет охота или настроение – черкнете, то по адресу – Кремль, Кавалерский корпус, 1-й этаж, Яне Козловской» (Письма, 265–266).

– На другое утро Сережа что-то долго не выходил в столовую, – рассказывает И. А. Табидзе, – я заглянула к нему в комнату и вижу: он лежит и кулаками вытирает глаза. Я забеспокоилась:

– Что с вами, Сережа? Вы чем расстроены?

Он ответил, что видел сон, очень плохой. Он видел во сне сестру Шуру, она плакала и жаловалась, что у нее нет денег.

– Я знаю, что у нее денег нет, и у меня тоже нет денег, чтобы ей послать, и где достать, не знаю…

Меня поразила его беспомощность, и я сказала:

– У вас же в «Заре Востока» стихи из рук рвут! Идите к Вирапу, он выдаст вам деньги.

Сережа страшно обрадовался, что я навела его на эту мысль, вскочил, оделся и побежал к редактору газеты «Заря Востока» за деньгами.

Милая Галя.

Я совершенно не ожидал, чтобы книжку выпустили с такими грубыми ошибками и ужасными пропусками.

Неужели Вам не давали держать корректуру? Она меня обрадовала и огорчила.

Теперь дело вот в чем. Мне выслали из Армении 400 руб. Куда они попали, я не знаю. Я собирался в Москву и дал адрес Ваш, но потом я их предупредил, что не еду, и дал адрес другой. Не знаю, куда они попали. Если попадут к Вам, направьте ко мне.

Я не знаю, как Вы живете. Думаю, что у Вас не хватило смекалки сходить на Большую Дмитровку, 10, в отделение «Зари Востока», спросить там Фурмана, взять комплект, переписать, что мной напечатано, и продать хоть черту, хоть дьяволу, чтоб только у Вас были деньги. Газетной вырезкой не сдавайте. Будут меньше платить.

Потом соберите, ради бога, из Питера все мои вещи в одно место. Ведь я неожиданно могу нагрянуть, а у меня шуба в Питере.

Потом вот что еще (это выход для денег): соберите 6 новых поэм, помещенных в «Заре Востока», и продайте книжкой Ионову[152]*. По 1 руб. 2 новых я вышлю Вам на днях.*

Работается и пишется мне дьявольски хорошо. До *весны я могу и не приехать. Меня тянут в Сухум, Эривань, Трапезунд и Тегеран, потом опять в Баку.*

На днях высылаю Вам почтой 2 ящика мандарин. Мы с Левой (Л. И. Повицкий) едим их прямо в саду с деревьев. Уже декабрь, а мы рвали вчера малину.

На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы «Цветы». Это, пожалуй, лучше всего, что я написал. Прислать не могу, потому что лень переписывать. Продавайте, как хотите. Если не знаете, посоветуйтесь. У вас эту книгу и Госиздат оторвет с руками.

Надеюсь, что деньги у Вас есть и будут, поэтому присылать не буду.

(Отдайте кому-нибудь «Сукина сына».) Думаю, что глупо тащить все в одну «Красную новь».

Пока. Спешу уходить за гонораром. Пойду в ресторан, и выпьем с Левой за Ваше здоровье. Живите, милая, и не балуйтесь. Целую Вашу руку.

Сергей Ес енин.

Сестрам и всем друзьям привет. Батум, Вознесенская, 9. С. Е.

Лева запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать.

17/XII.24.

– Конечно, приезд Есенина в Батум вызвал всеобщее внимание, – объясняет произошедшее Лев Повицкий. – Его останавливали на улице, знакомились, приглашали в ресторан. Как всегда и везде, и здесь сказалась теневая сторона его популярности. Он по целым дням был окружен компанией веселых собутыльников.

Я решил ввести в какое-нибудь нормальное русло дневное времяпрепровождение Есенина. Я ему предложил следующее: ежедневно при уходе моем на работу я его запираю на ключ в комнате. Он не может выйти из дома, и к нему никто не может войти. В три часа дня я прихожу домой, отпираю комнату, и мы идем с ним обедать. После обеда он волен делать что угодно. Он одобрил этот распорядок и с удовлетворением сообщил о нем Галине Бениславской в письме от 17 декабря: «Работается и пишется мне дьявольски хорошо… Лева запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать».

Глава 33. Поэтический террор

Понимая, что против Есенина в прессе началась самая настоящая война, Бениславская законспектировала для него отзыв А. К. Воронского о последних его стихах.

> *Что с Есениным происходит? Это легко говорить, что пока Есенин в «Красной Нови» сидел, то кабацкие стихи писал, а перешел в «Октябрь» и сразу же переломился. Вы мне скажите спасибо за Есенина. (Аплодисменты.) На самом деле, что происходит с Есениным? У него есть «Стансы», там и о Марксе, и о Ленине: «я полон дум об индустриальной мощи», «давай, Сергей, за Маркса тихо сядем». В чем дело, ведь это разврат, это обман, их (членов группы «Октябрь») обманывают, а они этому верят. (Аплодисменты.)*
>
> *Нельзя всерьез к этому относиться. Это издевательство над читателем и над писателем. Человек потерял всякую совесть. Пускай же он зря и всуе не произносит имена Ленина и Маркса, потому что эти имена нам дороги. (Аплодисменты.) Что же происходит с Есениным? Конечно, Есенина нужно подталкивать, я его тоже толкал, но я никогда не скажу, что он шел по этому пути. Пока ты не воспримешь Ленина и Маркса внутри, не пиши о них. Есенин – вещь не случайная. Сейчас приходят и говорят откровенно: «Товарищ, жрать нужно». <…> Тот путь, по которому я стараюсь их повести, путь не блестящий, без всяких реверансов, но это будет единственно верный путь. <…> Один из них (членов группы «Октябрь») бухнул: «Пусть пишет неискренно, но пусть пишет нужные вещи». Вот, товарищи, в чем заключается корень наших разногласий. Когда рассуждают таким образом, то я с этой литературной политикой согласиться не могу.*

Галя добросовестно перепечатала текст выступления и отослала его Сергею. Пусть знает, с кем связался. Я единственная, на кого можно положиться.

Ответ не заставил себя ждать:

> Галя, *голубушка! Спасибо за письмо, оно очень меня обрадовало. Немного и огорчило тем, что Вы сообщили о Воронском. Я верил, а оказалось все миражем. Может*

быть, в мире все мираж, и мы только кажемся друг другу.

Ради бога, не будьте миражем Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая. Дорогая, делайте все так, как найдете сами… Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра.

Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия.

Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы». Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв. Вспомните, Галя, ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь тропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу. Вечерами с Левой ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай, и мы вдвоем с ним выпиваем только 2 бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная. За стеной кто-то грустно насилует рояль, да Мишка лезет целоваться. Это собака Левина. Он у нас очень не любит прачек.

Вот бы его на Воронского? А?

– Известно, что Есенин любил животных, – перебивает Повицкий. – Здесь он часто возился с моим Мишкой, обязательно брал собаку с собой, хотя она доставляла ему неприятности. Однажды она заупрямилась и не захотела перейти мост, считая этот мост небезопасным. Пришлось Есенину взять ее на руки и перенести по мосту. Рукам Есенина она смело доверялась.

…Днем, когда солнышко, я оживаю, – снова читаем мы письмо Есенина. – Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожаю отъезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре. Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь. Да какой еще, известный. Все это смешно и глупо.

Обрадовало меня только одно обстоятельство: по пьяному делу из Тифлиса со мной приехал в Батум Вержбицкий и Костя Соколов. Однажды утром мы после кутежа едем к Леве и видим такую картину: идет на

костылях хромой старик, тащит привязанную за пояс тележку, в тележке два щенка, на крыльях тележки две курицы, а на голове у него петух. Когда он идет, петух машет крыльями. Зрелище поразительное. Я соскочил с извозчика и попросил, чтоб он продал мне одного щенка. Он посмотрел на меня и сказал: «Только для тебя».

Щенка я сейчас отдал на воспитание. Он гадит в комнате, а возиться с ним я не умею.

Что это такое, Галя? Я боюсь, что это что-то вроде шуток Мефистофеля. Вержбицкий и Костя уехали обратно. Мы все были сильно простужены. В Тифлисе мы ездили в Ходжоры. Пальто Вы мое знаете, а в горах зверский холод. В духане мы выпили, развеселились, и я сел на автомобиль верхом около передних колес. 18 верст ехал так, играл на гитаре и пел песни. Потом оказалось, я себе напел. Только благодаря дьявольскому организму избежал воспаления легких.

Галя милая, «Персидские мотивы» – это у меня целая книга в 20 стихотворений. Посылаю вам еще 2. Отдайте все 4 в журнал «Звезда Востока». Просите 2 р. за строчку. Не дадут, берите 1 руб. Черт с ними. Разбогатею, пусть тогда покланяются. Печатайте все, где угодно. Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная – я сам. «Письмо к женщине» отдайте в «Звезду», тоже 2 руб. строчка. На днях пришлю «Цветы» и «Письмо к деду». Найдите в «Заре Востока», Б. Дмитровка, 10, «Письмо от матери» и «Ответ». Суйте во все журналы. Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни очень редко.

Я намеренно прерываю поток слов Есенина для пояснений, которые может дать нам Лев Повицкий:

Есенин засел за «Анну Снегину» и скоро ее закончил. Довольный, он говорил:

– Эх, если б так поработать несколько месяцев, сколько бы я написал!

Он мне прочел «Анну Снегину» и спросил мое мнение. Я сказал, что от этой лирической повести на меня повеяло чем-то очень хорошо знакомым, и назвал имя крупнейшего поэта шестидесятых годов прошлого столетия.

– Прошу тебя, Лев Осипович, никому об этом не говори!

Эта простодушно-наивная просьба меня рассмешила.

Он тоже засмеялся.

– А что ты думаешь – многие и не догадаются сами…

– …Это просто потому, что я один и сосредоточен в себе, – продолжает Есенин. – Говорят, я очень похорошел. Вероятно, оттого, что я что-то увидел и успокоился. Волосы я зачесываю как на последней карточке. Каждую неделю делаю маникюр, через день бреюсь и хочу сшить себе обязательно новый модный костюм. Лакированные ботинки, трость, перчатки – это все у меня есть. Я купил уже. От скуки хоть франтить буду. Пускай говорят – пшют. Это очень интересно. Назло всем не буду пить, как раньше. Буду молчалив и корректен. Вообще хочу привести всех в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают. Пусть они выкусят.

Весной, когда приеду, я уже не буду никого подпускать к себе близко. Боже мой, какой я был дурак. Я только теперь очухался. Все это было прощание с молодостью. Теперь будет не так.

Если они хотят, чтоб я был писатель, так я буду писатель. Но уж тогда вряд ли они придут ко мне за дружбой, чтоб подзанять немного мыслей и чувств. Я буду болтать тросточкой и говорить, закатывая глаза: «Какая прекрасная погода!». Я обязательно научусь этому перед зеркалом. Мне интересно, как это выглядит. Черт возьми! Однако я здорово записался, 4 страницу пишу. Это все оттого, что я о Вас соскучился.

У Воронского в отношении ко мне, я думаю, просто маневр: все это, я думаю, в глубине души его несерьезно. Так это – знай, мол, наших! Если Вы увидите этих наших, все-таки поклонитесь им. Анне Абрамовне мой самый сердечный привет. Поцелуйте ее за меня в щеку. Итак, Галя, делайте все, как знаете, мне важно то, чтоб я был спокоен за Ваши денежные дела.

Деньги мои пришли. Так что беспокоил Вас напрасно. В № 6 толстого грузинского журнала переведен мой «Товарищ». В Армении выходит на армянском языке целая книга.

Обнимите Катю, Шуру и Риту. Привет Яне и Соне. Год 24, а число которое, не знаю. Вероятно, 20-е декабря. Батум. С. Есенин.

Галя! Это письмо добавочное. Как только выйдут «Две поэмы», получите с Ионова 780 руб. и пришлите их мне.

Я не брал у него 30 червонцев за «Песнь» и 480 за «36».

Деньги требуйте настоятельно. На эти деньги я для вас всех могу много прекрасных вещей сделать. Здесь очень дешево стоят материалы на костюмы. Чудные персидские и турецкие шали. С. Е.

Берлину продавайте[153]*. Вообще все делайте, как найдете нужным. Маши каслом не испортишь.*

С. Е.

– Одно время нравилась ему в Батуме «Мисс Оль», как он сам ее окрестил, – откровенничает Лев Повицкий. – С его *легкой руки это прозвище упрочилось за ней. Это была девушка лет восемнадцати, внешним видом напоминавшая гимназистку былых времен. Девушка была начитанная, с интересами и тяготением к литературе, и Есенина встретила восторженно.*

Я получил от местных людей сведения, бросавшие тень на репутацию как «Мисс Оль», так и ее родных. Сведения эти вызывали предположения, что девушка и ее родные причастны к контрабандной торговле с Турцией, а то еще, может быть, и к худшему делу. Я об этом сказал Есенину. Он бывал у нее дома, и я ему посоветовал присмотреться внимательнее к ее родным. По-видимому, наблюдения его подтвердили мои опасения, и он к ней стал охладевать. Она это заметила и в разговоре со мной дала понять, что я, очевидно, повлиял в этом отношении на Есенина. Я не счел нужным особенно оправдываться. Как-то вскоре вечером я в ресторане увидел за столиком Есенина с «Мисс Оль». Я хотел пройти мимо, но Есенин меня окликнул и пригласил к столу. Девушка поднялась и, с вызовом глядя на меня, произнесла:

– Если Лев Осипович сядет, я сейчас же ухожу.

Есенин, иронически улыбаясь прищуренным глазом, медленно протянул:

– Мисс Оль, я вас не задерживаю…

«Мисс Оль» ушла, и Есенин с ней порвал окончательно.

Нет под рукой бумаги, простите, Анна Абрамовна, простите, милая, хорошая, добрая, если не ко всем, то ко мне, простите за то, что не писал Вам, – начинает свое письмо к Берзинь в декабре 1924 года Сергей Есенин.

С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез!

Это было совсем смешно (один раз в ресторане я встретил знакомых тифлисцев). Я сидел просто с приятелями. Когда меня спросили, что это за

женщина[154]*, я ответил:*

– Моя жена. Нравится?

– Да, у тебя губа не дура.

Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка – мне и Повицкому, с которой мы даже не встречаемся теперь.

Как живете, дорогая? Кого любите? Как с отцом? (Имеется в виду И. Вардин).

Я живу скучно. Работаю, выпиваю, хожу в кинематограф и слушаю разговоры о контрабандистах. Совсем как в опере «Кармен».

С возвращением Шурки опять все по-семейному, хорошо и дружно, – пишет С. Есенину Г. Бениславская. – Опять вовремя спать ложимся и т. д. Оля (Вам, кажется, Катя писала – наша прислуга) нас к рукам прибрала, вообще она и Шурка – это 2 ежовых рукавицы для меня и Кати. У нас теперь семья целая получилась: Шура, Катя, Оля и я и еще наша соседка (Вы ее не знаете). Я и Катя ездили в Петроград. У Ионова ничего не получили, едва удалось добиться, чтобы печатал «Песнь» и «36» вместе (иначе был бы номер с Анной Абрамовной – с отделом массовой литературы). Там мы сдали в «Ковш» (журнал Серапионовцев, типа бывшей «Красной нови») стихи «Русь уходящая» и «Письмо от матери», забрали у них деньги (половину), взяли у Сахаровых Ваши вещи и уехали. А сам Ионов мне и Кате понравился. Удивительный он человек. Несмотря на его резкость – он взбешен на Вас, ведь стихи, обещанные ему, вошли в сборник «Круга». Но когда увидел Катю, присмирел – видно, она ему Вас напомнила. И совсем укротился, когда я ему показала «Письмо к женщине», так тихо, тихо сказал: «Хорошее».

Мы у него сидели несколько часов и погибли было совсем – сколько там (во второй комнате) хороших книг-то!

Зол на Вас, а привет все же просил передать.

Теперь он заведует и Петроградским, и Московским Госиздатом.

В «Прожекторе» будет «Русь бесприютная».

Есть у нас «Метель» и «Весна», мне нравится, а Катя так испугалась «Метели», что ей не очень понравилось. А Вам лень даже прислать нам. Присылайте сразу же, вырезая из газеты, чтоб не переписывать. И все аккуратно шлите.

Эрлих Вам напишет о делах петроградских. Он с

нами, как отец родной, возился в Питере, водил в Госиздат, поил чаем, кормил, вообще заботился о нас. Да, у Сахарова Вам не надо жить, мещанское болото у него и вообще плохо. Мы с Катей даже ночевать не захотели у них. Сам Сашка все время в Москве. Сын у него славный – Глеб, сорванец такой. Вам привет от обоих: Глеба и Алика. Алик Вас помнит: «Дядю Сережу? Есенина?».

Том Ваш будет издавать Богомирский (на самом деле Богомильский[155]), Анна Абрамовна познакомит меня с ним. Она же сама чем-то недовольна в Вас, по-моему, это после известия о том, что Вы женились. Вообще она дурью мается, сама не знает, чего хочет.

Книжка Берлина в наборе. Скоро будет готова.

Домой деньги пошлем 2-то февраля.

Ну, вот пишу я все это подробно, а сердце ноет, ведь не знаю, что с Вами, не случилось ли чего, и не пишется. Заставляю себя писать.

Милая Галя! Простите, что пишу наспех. Мне здесь дьявольски надоело. Скоро соберу манатки и перееду в Баку, а пока пишите сюда. Описывайте все как есть.

Том берлинский Вы можете достать у Собко и дополучить с них за «Русь советскую». Я продавал им без этой вещи.

Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму. 1000 строк. Аиро-эпическая. Очень хорошая. Мне 1000 р. нужно будет на предмет поездки в Персию или Константинополь. Вы же можете продать ее как книгу и получить еще 1000 р. для своих нужд, вас окружающих.

Здесь очень скверно. Выпал снег. Ужасно большой занос. Потом было землетрясение. Я страшно скучаю. Батум хуже деревни. Очень маленький, и все друг друга знают наперечет. Играю с тоски в биллиард. Теперь я Сахарову могу дать 3–4 шара вперед. От двух бортов бью в средину так, что можно за показ брать деньги. Пишу еще поэму и пьесу.

На днях пришлю Вам две новых книги. Одна вышла в Баку, другая в Тифлисе. Хорошо жить в Советской России. Разъезжаю себе, как Чичиков, и не покупаю, а продаю мертвые души. Пришлите мне все, что вышло из новых книг, а то читать нечего. Ну пока. Жму руки. Приветы. Приветы.

С. Есенин.

20/1.25, Батум.

Несколько телеграмм подряд, однообразных, точно писанных под копирку, приводить здесь которые считаю излишним. Есенин вновь мечется в поисках денег. Перед глазами все еще маячит невнятным призраком Персия, впрочем, если и на этот раз все провалится, он готов вернуться в Москву. За спиной огромная работа, но только принесет ли она радость и покой?

Сергей Александрович познакомился в Батуме с молодой армянкой по имени Шаганэ[156]. Это была на редкость интересная, культурная учительница местной армянской школы, прекрасно владевшая русским языком. Интересна была и младшая ее сестра Катя, тоже учительница. У нее было прекрасное лицо армянской Суламифи. Она знала стихи Есенина и потянулась к поэту всей душой.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне…
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Впрочем, по словам того же Льва Осиповича, в конце концов он больше увлекся сестрой Шагане…

Роман с мисс Оль закончился злобным шипением со стороны есенинских женщин и обидами на его «очередную женитьбу», а он и не собирался жениться. И вот теперь, точно в отместку, эти глупые бабы не шлют необходимых денег! Бунт на корабле!

«Деньги не пришли Жду, шлите телеграфом Есенин», – грозно приказывает он Галине.

«Ты думаешь или нет Я сижу без денег С.», *– вопрошает он Катю.*

Наконец, какие-то деньги наскребает Бениславская.

«Спасибо. Нужно тысячу, – продолжает более спокойным тоном Есенин. – Скажите Вардину, поэму высылаю. Отвечайте.

Есенин».

И не дождавшись ни ответа, ни денег:

«Я озлоблен почему нет ответа Батум не пишите уезжаю Персию адрес Баку Есенин». (Письмо адресовано Бениславской Г. А., 21 февраля 1925).

Персия прогорела. Все Москве: Лившиц, Чагин[157]*. Шлите немедленно на дорогу. Я Тифлисе, нужно к среде. Везу много поэм». (Бениславской)*

И наконец, последнее, уже с билетами в руках, адресовано Бениславской:

«Выходите воскресенье встречать несите шубу и денег Сергей». (Бениславской).

Есенин приехал в Москву лишь на время, разобрался с насущными делами в издательствах, вычитал гранки новой книги, попировал с друзьями, познакомился с Софьей Толстой и…

Милая Галя! Вы мне близки как друг. Но я Вас нисколько не люблю как женщину.

С. Есенин.

21/III. 25.

Глава 34. Софья Толстая – жена на час

– Едва ли не с начала моего знакомства с Есениным шли разговоры о том, что он женится на Софье Андреевне Толстой, внучке писателя Льва Толстого, – пишет Ю. Н. Либединский в воспоминаниях «Мои встречи с Есениным».

Сергей и сам заговаривал об этом, но по своей манере придавал этому разговору шуточный характер, вслух прикидывая: каково это будет, если он женится на внучке Льва Толстого! Но что-то очень серьезное чувствовалось за этими как будто бы шуточными речами.

Да и какие тут могли быть шутки! В облике этой девушки, в округлости ее лица и проницательно-умном взгляде небольших, очень толстовских глаз, в медлительных манерах сказывалась кровь Льва Николаевича. В ее немногословных речах чувствовался ум, образованность, а когда она взглядывала на Сергея, нежная забота светилась в ее серых глазах. Она, видно, чувствовала себя внучкой Софьи Андреевны Толстой. Нетрудно догадаться, что в ее столь явной любви к Сергею присутствовало благородное намерение стать помощницей, другом и опорой писателя.

– Милая Галя, я в Баку, – писал Есенин Бениславской 8 апреля 1925 года. – Знаю, что письмо к Вам придет через 6–7 дней. Не писал, потому что болен. Был курьез. Нас ограбили бандиты (при Вардине). Жаль и не жаль, но я спал и деньги некоторые (которые Вы мне дали), и пальто исчезли навсегда. Хорошо, что я хоть в брюках остался.

– Сергей дорогой, поберегите же Вы себя, – отвечает Галина 4 мая. – У Вас плеврит, кровь, а Вы лечитесь? И, вероятно, больным собираетесь в Персию.

С кем и как?

Узнайте сначала, не вредно ли Вам туда. Не делайте глупостей. Я тоже далеко от Вас, и мне Вас убедить еще труднее.

Но все же: если есть в этом мире что-нибудь дорогое Вам – ради этого поберегите, не мучайте себя.

Что у Вас? Мне Вы писали – жаба, а теперь я узнала – плеврит.

– …Когда я очутился без пальто, я очень и очень

простудился, – продолжает Есенин. – Сейчас у меня вроде воспаления надкостницы. Боль ужасная. Вчера ходил к лучшему врачу здесь, но он, осмотрев меня, сказал, что легкие в порядке, но горло с жабой и нужно идти к другому врачу, этажом выше. Внимание ко мне здесь очень большое. Чагин меня встретил как брата. Живу у него. Отношение изумительное.

Только вот в чем дело: Серебровский купил бумагу и не выплатил денег редакции (по-видимому, за объявления Аз-нефти). Здесь денег нет. Будут потом. Поэтому, как получите это письмо, присылайте немедленно 200. Для Вас у меня уже есть стихи.

Главное в том, что я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже.

– На днях Флеровский едет в Персию (через 2–3 дня), подождите его, – отвечает Бениславская. – Сергунь, родной, если решите ехать – подождите, поедете вместе с ним, ведь он к Вам очень хорошо относится и с ним интереснее будет.

…Дорогая, я далеко от Вас, и убедить Вас мне трудней (пишу, а зубы болят до дьявола – нервы). Прошу Вас не относиться ко мне, как это было в Батуме[158]*, а Катьку (пошлите к *** матери). Вырастет большая, поймет.*

Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза. Дорогая, получив это письмо, шлите 200. Позвоните Толстой, что я ее помню. Шурку просто поцелуйте. Она знает, что она делает.

Катька ни на кого не похожа.

У меня ведь была сестра (умершая) Ольга[159]*, лучше их в 1000 раз, но походит на Шурку. Они ее не знают, не знают и не знают.*

Галя, больше я Вам не напишу. Разговор будет после внимания… Целую руки. Жив и здоров.

С. Есенин.

8/IV.25.

Теперь уже Есенин твердо уверен в необходимости расстаться с Бениславской. На горизонте забрезжила некая смутная надежда,

светлый образ милой, неиспорченной девушки из известнейшего литературного семейства. Но как наладить отношения, когда он здесь, а она там и даже не подозревает о готовом свалиться на нее счастье? Остается воспользоваться услугами своих не подозревающих о дальнейшем развитии событий «секретарей». К слову, написать «я не люблю Вас как женщину» и признаться «планирую жениться на другой» – суть не одно и тоже. Впрочем, Бениславская сумасшедшая, кроме того, много пьет, а следовательно, в самый неожиданный момент способна выкинуть неприятный фортель. Резко порвав с ней, Есенин рискует подвести под удар своих близких. Бениславская оставила службу на Лубянке в 25-м году. Но, даже зная это, Есенин не мог не насторожиться. В руках Гали остаются его сестры и друзья. Впрочем, даже если опасность Бениславской преувеличена, Есенин остается верен себе: изменяя, сам он и не собирается прощать измены других. В ответ на «Галя, больше я Вам не напишу», Бениславская ответила:

Напишите, неужели Вы не понимаете, как тяжело ничего не знать, что с Вами? или это нарочно? За что? Ничего за собой не чувствую.

Ну, целую Вас. Всегда Ваша и всегда люблю Вас.

Галя.

И все же легче расстаться со ста изменившими женщинами, уйти от слежки органов, нежели распрощаться с одним дельным секретарем. Поэтому 22 апреля Есенин снова шлет ей телеграмму из Баку:

Задержите книгу. Напечатайте, как я говорил: посвящается Чагину. Если сглупите, выгоню.

Есенин.

Скоро выйдет книжка с Персидскими мотивами под названием «Рябиновый костер». Уж не о ней ли Вы телеграфировали, чтобы задержать и пр.?

Как же Вам не стыдно – разве можно давать такие телеграммы?

При всем старании из нее ничего нельзя понять. Так и не понимаю до сих пор. Поясните – зачем задержать? И что «как вы говорили»?

Книгу «Рябиновый костер» всю посвятить Чагину? Верно? А зачем ее задерживать? Хотите до осени оставить? Жду ответа на все вопросы».

…поместить двустишиями, – спешно отвечает Есенин.

Привет Васе Наседкину. Он знает, что такое двустишие.

Воронскому тоже привет.

Позвоните Толстой, пусть напишет.

Конец апреля – начало мая 1925 г. Баку.

И снова как будто бы фраза ни о чем, на первый взгляд, просьба попросить Толстую написать ему кажется вполне невинной, он ведь не одну ее просит писать, скучно человеку на чужбине. Вот и Наседкину привет передал, и Воронскому. Не ведая, что творит, Галя сама налаживает контакт между любимым человеком и соперницей.

Впрочем, внезапная болезнь вынуждает поэта отложить блицкриг покорения Софьи Толстой.

– Еду домой. Буду дней чрез десять, – пишет Есенин Бениславской 5 мая 1925 года из Баку. – Найдите лучшего врача по чахотке – Есенин.

Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. Не так страшен черт, как его малютки. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат батумской простуды, а потом я по дурости искупался в средине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилось. Доктора пели на разный лад. Вплоть до скоротечной чахотки. С чего Вы это, Галя, взяли, что я пьянствую? Я только кутнул раза три с досады за свое здоровье. Вот и все. Хорошее дело, чтоб у меня была чахотка. Кого хоть грусть возьмет.

Почему не пишу? Потому что некогда. Пишу большую вещь. С книгами делайте как угодно, чего из пустого в порожнее перегонять. Это уж меня начинает раздражать, что Вы спрашиваете![160]

Телеграммы Ваши я так же не понимаю, как и Вы мои. Вот одна из них:

«Аким языкоком».

Что это за фамилия?

Курьезов на телеграфе больше, чем курьеров у Хлестакова.

Ну так.

Книжку «Рябиновый костер» посвятите всю целиком Чагину.

Надпись: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу

Чагину».

Ежели Кольцов выпускает книгу то на обложку дайте портрет, который у Екатерины. Лицо склоненное. Только прежде затушуйте Изадорину руку на плече. Этот портрет мне нравится. Если эта дура потеряла его, то дайте ей в морду. Чтоб впредь не брала у меня последних вещей и единственных.

Да, может быть, я скоро приеду в Москву, чтоб съездить в Ленинград, а потом в деревню. Там на Оке мне лучше будет. Ладно.

Еще – книг не надо. Все есть у Чагина.

Читали ли Вы, что пишет обо мне Дункан за границей. Что я, чтоб изучить быт бандитов, стал во главе шайки и орудую на Кавказе, а еще то, что будто бы я ей пишу в письме, что: «Все пока идет хорошо».

Ха-ха-ха!.. Вам письмо!..

А Вы говорите – купаться?

«Товарищи! Перед моей глазой стоит как живой Шаумян. Он четыр тыщ людям говорил: "Плюю на Вам"». (Это из речи одного наркома-тюрка).

Ну вот пока и все. Остальное расскажет Муран. Угостите его, он парень очень хороший. Привет сестрам, Яне, Соне и Наседкину.

Любящий С. Есенин.

P. S. Чтоб не было глупостей, передайте Собрание Богомильскому (Издательство «Круг»), Это мое решение. Я вижу, Вы ничего не сделаете, а Ионову на зуб я не хочу попадать. С Богомильским лучше. Пусть я буду получать не сразу, но Вы с ним сговоритесь. Сдавайте немедленно. Ионов спятил с ума насчет 2000 р. Во-первых, в «Звезде» – «Песнь», я продал избранное маленькое. Ну да ладно, это мое дело. Все равно с ним каши не сваришь. Катитесь к Богомильскому.

2 новых персидских стихотворения поместите перед теми 2 последними, что сдал Вам дома. Перед «Пери» и «Голубая родина Фирдуси».

Вместо:

«Я с тобой несчастий не боюсь» нужно

«Я твоих–». Была описка.

11 мая 1925 года.

Письмо написал я Вам вчера, когда не было еще консилиума. Мне запрещено пить. С легкими

действительно что-то неладно. Предписано ехать в Абас-Туман.

Соберите немного денег и пришлите. Я должен скоро туда уехать. После выправки жизнь меняю.

С. Е.

Галя! Дайте Мурану ночлег у Богомильских, у Аксельрода или у Вс. Иванова (он его знает). Муран – мой бакинский друг.

Угостите его на славу. Вплоть до гармонистов. Позовите Толстую. Он через 7 дней едет обратно. Пишите и шлите все, что есть нового.

Если нет комнаты у тех – попросите Яну.

Я еду в Абас-Туман.

Целую.

С. Есенин.

12/V.25. Баку.

Снова Есенин упоминает в письме Толстую, с какой целью зовет ее в гости к своим московским друзьям? Скорее всего, девушка либо так и не написала ему, либо гость является посланцем, которому велено передать избраннице письмо поэта или объясниться с ней на словах.

– Наблюдая в этот месяц[161] *Есенина, – пишет И. В. Евдокимов, – а приходил он неизменно трезвый, живой, в белом костюме (был он в нем обаятелен), приходил с невестой и три раза знакомил с ней, – я сохранил воспоминание о начале, казалось, глубокого и серьезного перелома в душе поэта. Мне думалось, что женится он по-настоящему, перебесился – дальше может начаться крепкая и яркая жизнь. Скептики посмеивались:*

– Очередная женитьба! Да здравствует следующая!

А он сам как-то говорил:

– С Соней у меня давно, давно… давнишний роман. Теперь только женимся.

Скептики оказались правы: в середине месяца он приходил два раза пьяный, растерзанный. Досужие языки шептали:

– Вчера сбежал от невесты! Свадьбы не будет!

И уже приходили колебания – делаемый им шаг становился случайным.

Незадолго перед этими днями Литературно-художественный отдел выпустил его книжку «Березовый ситец». Двенадцатого июня он пришел в отдел за

авторскими экземплярами в сопровождении А. А. Берзинь, пошатываясь, ухмыляясь, тускло глядя. Меня зачем-то вызвали в другой отдел. Когда через некоторое время я вернулся, Есенина уже не было, но мне кто-то передал от него книжку с надписью красными чернилами:

Сердце вином не вымочу,
Милому Евдокимочу,
Пока я тих,
Эта книга и стих.

С. Есенин, 1925, 12/VI.

– Дорогая Екатерина! – пишет Есенин сестре 16 июня 1925 года. – Случилось очень многое, что переменило и больше всего переменяет мою жизнь. Я женюсь на Толстой[162] *и уезжаю с ней в Крым*[163].

Перед отъездом должен с тобой переговорить. Мне нужно собрать все свои вещи и оставить тебе на лето денег. Приезжай, не задерживаясь. Собрание я продал. Продал еще 2 книги. Ботинки твои со злобы я испортил. Приедешь – куплю новые. Привет Шуре, отцу, матери и деду. Твой Сергей.

Для Гали такое откровение, как новая женитьба кумира, гром среди ясного неба, вселенская катастрофа местного масштаба. Но горше всего ей не факт очередного предательства любимого человека, а то, что она сама помогла ему сойтись с разлучницей Толстой.

СОФЬЕ ТОЛСТОЙ

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

Провожая Сергея и Соню в Баку, Анна Абрамовна «шутя подарила им маленькую куколку и ванночку, чтобы ее купать». Должно быть, намекала на интересное положение невесты.

Анна Берзинь была приглашена на свадьбу, скорее всего, Есениным лично, во всяком случае, 12 июня 1925 он подарил ей книгу «В стране березового ситца» с дарственной надписью: «Самые лучшие минуты // Были у милой Анюты, // Ее взоры, как синие дверцы, // В них любовь моя, в них и сердце». А раз пересекались, стало быть, сам и пригласил. Жизнь начала входить в правильную колею. Не досаждала Галя, Сергей почти не вспоминал Айседору, тем не менее не все благополучно в семейном гнездышке Сергея Есенина.

– Соня, – пишет Есенин Толстой 7 июля 1925 года.

Прости, что обидел. Ты сама виновата в этом. Я в Гизе, еду «Красную Новь», «Огонек» и позвоню.

Сергей.

Последняя встреча с ним произвела на меня тяжелое и большое впечатление, – пишет В. Маяковский. – Я встретил у кассы Госиздата ринувшегося ко мне человека с опухшим лицом, со свороченным галстуком, с шапкой, случайно держащейся, уцепившись за русую прядь. От него и двух его темных (для меня, во всяком случае) спутников несло спиртным перегаром. Я буквально с трудом узнал Есенина. С трудом увильнул от немедленного требования пить, подкрепляемого помахиванием густыми червонцами. Я весь день возвращался к его тяжелому виду и вечером, разумеется, долго говорил (к сожалению, у всех и всегда такое дело этим ограничивается) с товарищами, что надо как-то за Есенина взяться. Те и я ругали «среду» и разошлись с убеждением, что за Есениным смотрят его друзья – есенинцы.

Милая Анна Абрамовна!

Сегодня утром я сказал Екатерине, чтоб она взяла деньги из «Красная новь».

Вчера я сговорился с Казиным.

Я условился с ней. Должны были встретиться в «Современной России».

Она получила деньги, купила себе платье, ночью ей еще шила портниха и ни копеечки мне не привезла и сама не показывается.

Всему этому конец!!! Но главное в том, что, надеясь и будучи уверен в своих деньгах, я зашел обедать в ресторан. Денег за расплату не хватает.

Позвоните Марку и возьмите у него 50 руб. до среды на свое или мое имя. Пошлите Илюшку.

Любящий С. Есенин.

– Не знаю, что сказать, – пишет Сергей Есенин супруге. – Больше ты меня не увидишь. Ни почему. Люблю, люблю.

Это бывает, дорогая моя, не после ночи, а спустя 9 месяцев, – писал 26 июля 1925 года Есенин Берзинь. – Мы, конечно, огорчены с Соней, что он родился мертвеньким. Но, плача и тоскуя, радостно приветствуем тебя. Привет всем, Юхову, Марку, Яблонскому[164] *и др.*

Смотри не нагадай, мать.

Едем хорошо. Сейчас Ростов.

Целую. Сергей Есенин.

– Приходит утром ко мне, на Бассейную, – рассказывает В. И. Эрлих.

– А знаешь, мне Клюев перстень подарил! Хороший перстень! Очень старинный! Царя Алексея Михайловича!

– А ну покажи!

Он кладет руки на стол. Крупный медный перстень надет на большой палец правой руки.

– Так-с! Как у Александра Сергеевича?

Есенин тихо краснеет и мычит:

– Ыгы! Только знаешь что? Никому не говори! Они – дурачье! Сами не заметят! А мне приятно.

– Ну и дите же ты, Сергей! А ведь ты старше меня. И намного.

– Милый! Да *я, может быть, только этим и жив!..*

Знаешь, я ведь теперь автобиографий не пишу. И на анкеты не отвечаю. Пусть лучше легенды ходят! Верно?

– Эрлих, милый, мы в поезде, по дороге в Баку, – пишет Соня 26 июля 1925 года В. И. Эрлиху.

Ужасная Москва где-то далеко и верстами, и в памяти. Последние дни были невероятно тяжелы. Сейчас блаженно-сонное состояние и физического, и душевного отдыха. Вас вспоминаю часто и очень, очень хорошо и никогда не забуду Вашего отношения. Очень надеюсь, что у Вас все совсем-совсем хорошо. Напишите: Баку, «Бакинский рабочий», П. И. Чагину – нам.

С. Толстая.

Ниже дописано рукой С. Есенина

Милый Вова,
Здорово.
У меня не плохая «жись»,
Но если ты не женился,
То не женись.

Летом 1925 года, видимо, вернувшись с Кавказа, Есенин отправляется в Константиново на свадьбу дальних родственников. Его сопровождает молодая привлекательная женщина. Наверное, жена, наивно предполагают односельчане.

– Подошла к нам… молодая женщина с длинными

косами, – вспоминал друг его детства Иван Копытин[165]. – После я узнал, что это была Галя Бениславская… навстречу нам крестьянин на коне верхом. Поднял руку Есенин и остановил его. Попросил дать лошадь: Галя прокатиться захотела. А у самого бумажные деньги в руке. «Заплачу», – сказал. Подсадил Сергей Галю на коня, и понеслась она по лугам, как настоящая наездница… А как подошли к Оке – сели они, Есенин и Галя, в лодку и уплыли от меня… Навсегда уплыли…

Милая Анна Абрамовна! – пишет Есенин Берзинь 3 августа 1925. – Дорогая, дорогая. Вы, вероятно, меня уже забыли по свойственной привычке для многих «с глаз долой – из сердца вон». Все же я Вам стараюсь напомнить о себе. Живу в Мардакянах, но тянет дальше. Куда – сам не знаю. Если очучусь где-нибудь вроде Байкала, не удивляйтесь. Как Марк?[166] По-прежнему ли он держит завет, надписанный ему мною на книге (обещание)[167], или продолжает ту же зубоврачебную практику Что с Като?

Дорогая моя, друг бесценный, не откажи мне написать, что хочет от меня Николаев. Мне это очень важно. Так как собрание для меня очень дорого. На днях вышлю тебе еще целый ряд стихов, новых и старых. Передай их Ермолаичу (так я зову сейчас в шутку Евдокимыча[168]). Нужны ли ему автобиографические сведения? Когда? Мне очень жаль, что я не созвонился с Николаевым.

Устрой с деньгами Илюшке[169] и прости, родная, что письмо не описательное, а писательское. Сама понимашь. Привет Юкову. Целую твои лапки.

С. Есенин.

– В начале осени 1925 года в день его рождения (Есенину исполнилось тридцать лет) наметили встречу, но она не удалась из-за невменяемого состояния поэта, – вспоминает И. В. Евдокимов.

Встречи происходили два года: в 1924 и в 1925 годах. Было их довольно много. И от этих встреч на всю жизнь остались тяжелые и радостные воспоминания, какой-то горький и гладимый аромат.

– Дорогая Анна Абрамовна! – пишет Есенин 16 октября.

Положение хуже, чем у свиньи, которую

откармливают на убой.

Черт с ними, что деньги от всего того, что я не беру их, накапливаются, дело в том, что у меня ни монеточки. Даже в кино нет на билет, а Шурке на трамвай.

Дорогая! Ты всегда была моим ангелом-хранителем. Устрой что-нибудь из тех мест, где это возможно. Половина жизни за 100 руб. И целая поэма о гнусности денег.

Твой С. Есенин.

P.S. Не употребляй спиртных напитков. Страшный вред здоровью и благополучию. Я всегда это знал, потому и проповедую.

С. Е.

– …Он ждал меня у Садофьева[170], *– рассказывает Н. Н. Никитин. – Когда я пришел, гости отужинали, шел какой-то «свой» спор, и Есенин не принимал в нем участия. Что-то очень одинокое сказывалось в той позе, с какой он сидел за столом, как крутил бахрому скатерти. Я подсел к нему. Он улыбнулся.*

– Я только что, совсем недавно кончил «Черного человека»… Послушай:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль…

Уже этим началом он сжал мне душу, точно в кулак. Почему-то сразу вспомнился «Реквием» Моцарта. Я не могу сейчас воспроизвести весь наш разговор точно. Помню, что Есенин шутил и был доволен, что «проверил» поэму еще на одном слушателе. На следующий день мы решили снова встретиться. Он обещал приехать ко мне к обеду. Но я его так и не дождался.

Есенин действительно был любимым поэтом, во всех смыслах этого слова. Его любили женщины, друзья по писательскому цеху, его любили в издательствах, и его любила и заботилась о нем советская власть.

25 октября 1925 года Христиан Раковский[171] в личном письме к Дзержинскому просит последнего:

…Спасти жизнь известного поэта Есенина – несомненно, самого талантливого в нашем Союзе, предлагая…пригласите его к себе, проборите хорошо и отправьте вместе с ним в санаториум товарища из ГПУ, который не давал бы ему пьянствовать…

Ознакомившись с письмом, Дзержинский передает его своему другу, секретарю, управляющему делами ГПУ В. Д. Герсону с пометкой

М. б., Вы могли бы заняться?

Ниже резолюции Дзержинского пометка, сделанная рукой Герсона:

Звонил неоднократно – найти Есенина не мог.
Дорогая Соня, я должен уехать к своим. Привет Вам, любовь и целование.
С.

Письмо написано до 26 ноября 1925 года. Москва.

В конце ноября Софья Толстая-Есенина договаривается с директором платной психоневрологической клиники Московского университета профессором П. Б. Ганнушкиным[172] о госпитализации Сергея.

– Соня! Пожалуйста, пришли мне книжку Б. (Блока), – пишет С. Есенин 9 декабря 1925 из больницы.

21 декабря поэт покинул клинику, направившись прямым ходом в Госиздат, где аннулировал все доверенности. Потом снял со сберкнижки почти все деньги и через день уехал в Ленинград, где остановился в гостинице «Англетер».

Известно, что Есенин в Ленинграде не ходил по издательствам, не назначал творческих вечеров.

Перед тем как уйти из больницы, Есенин написал последнее в своей жизни письмо супруге:

Соня. Переведи комнату на себя. Ведь я уезжаю[173] *и потому нецелесообразно платить лишние деньги, тем более повышенно.*
С.

Письмо было написано между 17 и 19 декабря 1925 года. Москва.

Прощай…

Глава 35. Последний путь

О смерти Есенина мне позвонили по телефону.

– Всю ночь мне казалось, что он тихо сидит у меня в кресле, как в последний раз сидел, – пишет Августа Миклашевская.

Помню, как из вагона выносили узкий желтый гроб, как мы шли за гробом.

И вдруг за своей спиной я услышала голос Клычкова:

– Ты видел его после больницы?

– Я встретил его на вокзале, когда он ехал в Питер. Ох и здорово мы выпили!

Мне хотелось ударить его.

Когда я шла за закрытым гробом, казалось, одно желание было у меня – увидеть его волосы, погладить их. И когда потом я увидела вместо его красивых, пышных, золотых волос прямые, гладко причесанные, потемневшие от глицерина волосы (смазали, снимая маску), мне стало его безгранично жалко.

Есенин был похож на измученного, больного ребенка. Все время, пока гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре, шли гражданские панихиды. Качалов[174] *читал стихи. Зинаида Райх обнимала своих детей и кричала: «Ушло наше солнце». Мейерхольд бережно обнимал ее и детей и тихо говорил: «Ты обещала, ты обещала…».*

В конце декабря 1925 Сергей Есенин неожиданно появляется в Ленинграде, сбежал от женщин, от вечно пьяной компании, да и от врачей, пытавшихся в последнее время руководить жизнью не желающего подчиняться кому бы то ни было поэта:

– Он говорил, что бежал из Москвы от рассеянной жизни, что он хочет работать и именно здесь, на невских берегах, найдет наконец так настойчиво ускользающий от него покой, – пишет в своих воспоминаниях Всеволод Рождественский.

Впоследствии оказалось, что он действительно бежал, не сказав ни слова ни жене, ни друзьям, и чуть ли не из лечебницы, где находился последние дни. О его приезде знали немногие. Есенин решительно отказался от всяких литературных выступлений и не заходил в редакции.

Было туманное колючее раннее утро, более похожее на

сумерки. Все кругом скрипело от мороза, а в гулких пустынных комнатах Госиздата люди сидели в шубах и валенках. Я только что поднялся в верхний этаж Дома книги, как на столе затрещал телефон. Никого из сотрудников поблизости не было. Трубку взял оказавшийся рядом литературовед П. Н. Медведев[175]. По выражению лица я увидел, что произошло что-то необычайное: звонили из гостиницы «Англетер», сообщали о том, что ночью в своем номере повесился С. А. Есенин. Просили сказать это друзьям. Мы ринулись к выходу. Почти не обмениваясь ни словом, бежали мы по Невскому и Морской к мрачному зданию гостиницы на Исаакиевской площади.

Начиналась метель. Сухой и злой ветер бил нам в лицо.

Дверь есенинского номера была полуоткрыта. Меня поразили полная тишина и отсутствие посторонних. Весть о гибели Есенина еще не успела облететь город.

Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным – в нем ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб.

Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольской пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды, сидел милиционер в туго подпоясанной шинели и, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей. В этом сухом документе все было сказано кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался еще более нелепым и страшным.

Обстановка номера поражала холодной, казенной неуютностью. Ни цветов на окне, ни единой книги. Чемодан Есенина, единственная его личная вещь, был раскрыт на одном из соседних стульев. Из него клубком глянцевитых переливающихся змей вылезали модные заграничные галстуки. Я никогда не видел их в таком количестве. В белесоватом свете зимнего дня их ядовитая многоцветность резала глаза неуместной яркостью и пестротой.

Заграничные галстуки, возможно, выбирала для него Айседора, там, в дорогих парижских магазинах, может, на бульварах Берлина, где Есенин встретился с четой Толстых, или в Нью-Йорке, в СССР того времени просто не могло быть таких

галстуков, а стало быть, перед смертью Есенин смотрел на ее подарок.

…В окне мелькал косой летящий снег, и на фоне грязноватобелого неба темная глыба Исаакия казалась огромным колоколом, медленно раскачивающимся в холодном тумане.

Комната понемногу наполнялась людьми. Осторожный шепот пробегал по ней. Передавались подробности, ставшие несколько часов позднее известными всему городу. В первые минуты много было противоречивого, неясного, тем более что Есенин не оставил никакой объясняющей записки, кроме известного четверостишия: «До свиданья, друг мой, до свиданья, // Милый мой, ты у меня в груди…».

– Санитары уже выносили из номера тело Есенина, – вспоминает Н. Н. Никитин. – Вечером гроб с телом стоял в Союзе писателей на Фонтанке. Еще позднее дроги повезли Есенина на Московский вокзал. Падал снег. Толпа была немногочисленной. Еще меньше было народа на железнодорожной платформе возле товарного вагона. Вот все, что я помню… Нет, еще два слова.

Через некоторое время пошли разговоры, статьи: кто виноват в происшедшем? Поздно было искать, когда уже все случилось. Стихи Есенина и его жизнь не раз могли внушить тревогу, но почему-то все это воспринималось лишь в поэтическом аспекте. Справедливее всех написал А. В. Луначарский: «Все мы виноваты более или менее, надо было крепко биться за него…».

– Через сутки тело Есенина, усыпанное цветами, лежало в маленькой комнатке тогдашнего Союза писателей на Фонтанке, – продолжает Всеволод Рождественский. – Все кругом было строго, торжественно. Один за другим проходили прощавшиеся, иногда подолгу задерживаясь около гроба. Газеты называли Есенина талантливейшим лириком эпохи, печатали его неизданные стихи, окружали его имя уже ненужной ему теперь славой. Москва готовила торжественные похороны. Я глядел на строгое, вновь помолодевшее лицо Сергея. Теперь он был почти таким, как при жизни, только суровая складка неизгладимо легла между бровями.

Было много цветов. Были речи. Кто-то положил в изголовье несколько тоненьких книжек – стихи его молодости…

Именно в этом номере Есенин жил когда-то вместе с

Айседорой. В хороших гостиницах существует традиция, предоставлять своим постоянным клиентам одни и те же апартаменты, чтобы те чувствовали, будто бы вернулись домой.

Все были буквально поражены жестокостью, с которой Сергей Есенин покончил с собой, сначала он перерезал вены, а когда отчаялся дождаться неспешной смерти, повесился.

Через сутки гроб с телом Есенина, усыпанный цветами, установили в маленькой комнатке Союза писателей на Фонтанке. Пустили желающих попрощаться, и они шли, шли, шли бесконечной процессией. Кто-то останавливался у гроба подольше, кто-то шел дальше, кому-то отказывали силы. Сбылась мечта Есенина: теперь все газеты славили его на все лады, называя талантливейшим лириком эпохи, сразу же начали искать его изданные и не изданные стихи. А мертвого поэта уже ждала столица.

Осталась фотография, на которой возле тела Сергея Есенина стоят Зинаида Райх, Всеволод Мейерхольд, сестра Екатерина и мать Татьяна Федоровна. В день похорон матери Есенина дали возможность проститься с сыном, остановив на время человеческий поток.

В последних числах декабря 1925 года Айседора проживала в Париже, проводя время в обществе своего брата Раймонда[176] и их общих друзей. Сергей Есенин покончил с собой 28 декабря, и на следующий день сообщения о смерти были уже во всех газетах. В день, когда Дункан узнала о смерти мужа, «она не произнесла ни одного слова», рассказывает Раймонд Дункан.

Спустя несколько дней газеты опубликовали открытое письмо знаменитой танцовщицы:

> *Известие о трагической смерти Есенина причинило мне глубочайшую боль. У него была молодость, красота, гений. Неудовлетворенный всеми этими дарами, его дерзкий дух стремился к недостижимому, и он желал, чтобы филистимляне пали пред ним ниц. Он уничтожил свое юное и прекрасное тело, но дух его вечно будет жить в душе русского народа и в душе всех, кто любит поэтов. Я категорически протестую против легкомысленных и недостоверных высказываний, опубликованных американской прессой в Париже. Между Есениным и мной никогда не было никаких ссор, и мы никогда не были разведены. Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием.*
>
> *Айседора Дункан.*

Эпилог

Весна, слякоть.

– С самого утра в бегах. Есенин и Сахаров собираются «скорым» в Москву, – долетают до нас запоздалые воспоминания о Сергее Есенине его друга В. И. Эрлиха. Впрочем, отчего же запоздалые. Скорее, преждевременные, он напишет их через пару лет после смерти поэта. Когда соберется книга «Есенин в воспоминаниях современников».

Часам к четырем мы попадаем в ресторан на Михайловской. Налицо не менее полутора десятков представителей русской литературы. Понемногу хмелеют. Есенин кричит, поматывая головой:

– Что ты мне говоришь – Пильняк![177] Я – более знаменитый писатель, чем Пильняк! К черту Москву! В Париж едем!

Все соглашаются. Действительно, в Париж – лучше.

– Ну вот! А теперь я буду стихи читать!

Он читает долго и хорошо.

Наконец его прерывает Сахаров:

– Кончай, Сергей! На вокзал надо!

– К черту вокзал! Не хочу вокзал! Париж хочу!

Его долго уговаривают и объясняют, что в Париж тоже по железной дороге надо ехать.

Наконец он соглашается.

– Ну хорошо! Едем! Но только в Париж! Смотри, Сашка!

К самому отходу поезда поспеваем на вокзал.

Сахаров и Есенин на ходу вскакивают в вагон и отбывают.

Странная история уже потому, что в Париже Есенин бывал только с Айседорой, и, судя по его же комментариям к этой поездке, получалось, что век бы он этого самого Парижа не видел. И вдруг теперь, пусть и по пьяному делу, а вот, оказывается, екало его сердце при воспоминании о городе цветущих каштанов. Стало быть, что-то все-таки понравилось ему за границей, что-то ненароком да запало в душу, или, быть может, запоздалое воспоминание о любимой и любящей его женщине вдруг мелькнуло в сознании, как мелькает из-за поворота до боли знакомый длинный шелковый шарф… Догнать бы, поймать, напугать, взъерошив крашенные хной рыжие волосы, обнять и поцеловать, нежно, нежно…

Не в силах оставаться в Париже, где ее донимали журналисты, Айседора едет в Ниццу, где танцует в последний раз. В программе «Незаконченная симфония» Шуберта, траурный марш из «Гибели богов» и в заключение «Смерть Изольды».

– Я рыдала о нем много долгих часов, сколько могла… Сейчас у меня полоса сплошных страданий и невзгод, поэтому меня часто посещает искушение последовать его примеру. Только я уйду в море[178], *– признается она Ирме.*

Честно поведав о своих планах, Айседора направилась к берегу, не раздеваясь, скинула туфли. После чего, подняв руки к небу, вошла в воду и шла так, уходя все глубже и глубже. Вода достигла шеи, добралась до подбородка, поцеловала Айседору в ярко накрашенные губы… еще несколько мгновений… и… Заметивший Айседору с берега английский офицер вытащил ее из воды.

«Не правда ли, какая прекрасная сцена для фильма!» – произнесла она, очнувшись.

Одной попытки самоубийства оказалось довольно.

В ноябре 1926-го, находясь в стесненных денежных условиях, отдавая долги, распродавая недвижимость, Айседора вдруг получит привет от своего покойного мужа. Извещение на получение денег за переизданные книги – 400 тысяч франков. Оказалось, что, женившись на Толстой, Есенин позабыл расторгнуть брак с Дункан. В то время и не такое случалось. Деньги были ей очень нужны, кроме того, это ведь она изначально вкладывала собственные средства в переводы и издания книг Сергея. Тем не менее Айседора отказывается от наследства в пользу матери и сестер поэта.

14 сентября 1927 года Айседора села в гоночную машину, закинув за плечи край ярко-красного шарфа с желтой летящей птицей. Повернувшись к своим знакомым, она помахала им рукой и, победно улыбаясь, воскликнула: «Прощайте, мои друзья. Я иду к славе!».

Соскользнувший с плеча Айседоры шарф накрутился на заднее колесо ее машины, Айседора погибла мгновенно.

– Хорошо помню дни после сообщения о смерти отца, – рассказывает Константин Есенин. – Мать лежала в спальне, почти утратив способность реального восприятия. Мейерхольд размеренным шагом ходил между спальней и ванной, носил воду в кувшинах, мокрые

полотенца. Мать раза два выбегала к нам, порывисто обнимала и говорила, что мы теперь сироты.

Но в детстве смерть близких воспринимают своеобразно. Верят на слово тому, что человека больше не увидят, но как это может быть – еще не осознают. Так и мы с сестрой. Помню, что тоже плакали, но, наверное, из-за того, что плакала мама. Потом был Дом печати (ныне – Центральный дом журналистов), Таня читает стихи… Какие-то тетеньки и дяденьки поочередно подходят и что-то говорят с сочувствием. Еще непонятный мир – Ваганьковское кладбище. Деловитые, краснощекие могильщики. Земля, что заставили кинуть в яму детской рукой. И где-то без логической связи – настольная лампа в маминой спальне. Бутылка вина. Мать как-то спокойнее, тише. Говорит, что завтра – Новый год. Ее младшая сестра – наша тетка Александра Николаевна – куда-то собирается на встречу этого Нового года.

Вот, пожалуй, и все, что я помню сейчас. Возможно, кое-что еще сохранялось в памяти в больших подробностях, когда мне было 20, 25, 30 лет. Как-то я записал все, что помнил. Но записи эти затерялись где-то в моих домашних архивах…

Используемая литература

А. Дункан «Моя исповедь».

М. Горький «Сергей Есенин»

А. М. Сахаров «Воспоминания А. М. Сахарова о Есенине» – журнал «Знамя», 1996.

Н. В. Крандиевская-Толстая «Сергей Есенин и Айседора Дункан».

В. Кузнецов «Тайна гибели Есенина».

Франц Элленс «Сергей Есенин и Айседора Дункан».

В. И. Болдовкин «Тропа к Есенину».

М. О. Мендельсон «Встречи с Есениным»

М. Дести «Нерассказанная история».

И. И. Шнейдер «Встречи с Есениным»

Г. А. Бениславская «Воспоминания о Есенине»

И. Дункан, А. Р. Макдугалл. «Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции»

К. Воронский «Памяти Есенина» (Из воспоминаний)

В. Иванов «О Сергее Есенине»

А. Л. Миклашевская «Встречи с поэтом»

Вс. Рождественский «Сергей Есенин»

Н. Н. Никитин «О Есенине»

Ю. Н. Либединский «Мои встречи с Есениным»

П. И. Чагин «Сергей Есенин в Баку»

А. Б. Мариенгоф «Роман без вранья»

Б. Мариенгоф «Мой век, мои друзья и подруги»

А. Мануилов «О Сергее Есенине»

Т. Ю. Табидзе «С. Есенин в Грузии»

Н. А. Табидзе «Память»

Н. К. Вержбицкий «Встречи с Есениным»

Л. И. Повицкий «Сергей Есенин в жизни и творчестве» (По личным воспоминаниям)

С. А. Толстая-Есенина «Отдельные записи»

К. С. Есенин «Об отце»

Т. С. Есенина «Зинаида Райх»

И. В. Евдокимов «Сергей Александрович Есенин»

В. Ф. Наседкин «Последний год Есенина»

В. И. Эрлих «Право на песнь»

В. В. Маяковский «Как делать стихи?»

Л. И. Повицкий «Сергей Есенин в жизни и творчестве» (По личным воспоминаниям).

В. А. Есенин собрание сочинений в 7 томах.

А. М. Раткевич «Есенин и Изряднова». Документальная

новелла. В журнале «Западная Двина» № 1(8)2006.

А. М. Раткевич «Есенин и Дункан». Документальная новелла. В журнале «Западная Двина» № 2(11)2007.

Д. Коновалов «Есенин в воспоминаниях земляков» (воспоминания Ивана Копытина) // С. А. Есенин. Поэзия. Творческие связи. Межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 1984.

notes

Примечания

1

Александр Константинович Воронский (8 сентября 1884 года, с. Хорошавка Кирсановского уезда Тамбовской губернии – 13 августа 1937 года, расстрелян) – российский революционер-большевик, писатель, литературный критик, теоретик искусства.

2

Александр Михайлович Раткевич (род. 10 января 1954) – белорусский писатель, издатель, редактор. Почетный председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член Российского союза профессиональных литераторов.

3

И. И. Шнейдер из книги «Встречи с Есениным».

4

Слова С. Есенина в пересказе Г. А. Бениславской.

5

Из воспоминаний Айседоры Дункан

6

Из воспоминаний Айседоры Дункан.

7

Парис Юджин Зингер родился приблизительно в 1870, дата смерти неизвестна.

8

Там же

9

Генер Скин – пианист, друг Дункан.

10

Из воспоминаний Айседоры Дункан

11

Леон Николаевич Бакст (настоящее имя – Лейб-Хаим Израилевич, или Лев Самойлович Розенберг; 1866–1924) – российский художник, сценограф, книжный иллюстратор, мастер станковой живописи и театральной графики, один из виднейших деятелей объединения «Мир искусства «и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева.

12

Из воспоминаний Айседоры Дункан

13

Там же

14

Илья Ильич Шнейдер (1891–1980) – журналист, театральный работник, секретарь Айседоры Дункан.

15

Галина Артуровна Бениславская (1897–1926) – журналистка, литературный работник, друг и литературный секретарь Сергея Есенина. Автор воспоминаний о Есенине.

16

Есенина Александра Александровна (1911 – 1 июня 1981), похоронена недалеко от Сергея Есенина

17

Софья Андреевна Толстая-Есенина (12 (25) апреля 1900, Ясная Поляна, Крапивенский уезд, Тульская губерния – 29 июня 1957, Малаховка, Московская область) – внучка Льва Толстого, последняя жена Сергея Есенина, директор Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

18

Иванов Всеволод Вячеславович (12(24).2.1895, поселок Лебяжье, ныне Павлодарской области, – 15.8.1963, Москва) – русский советский писатель. Родился в семье сельского учителя. Рано оставив семью, начал работать; много странствовал.

19

Артистическое кафе «Стойло Пегаса».

20

Берзинь (в девичестве Фаламеева) Анна Абрамовна (1897–1961) – журналист, издательский работник.

21

Надежда Давыдовна Вольпин (6 февраля 1900, Могилев, Российская империя – 9 сентября 1998, Москва, Россия) – российская переводчица, а также поэтесса-имажинист и мемуаристка. Гражданская жена поэта Сергея Есенина. Состояла в связи с Есениным, за год до смерти поэта родила ему сына Александра.

22

Лившиц (в замужестве Бернштейн) Маргарита Исаковна (1903–1978) – близкая знакомая Есенина; познакомились они в Харькове в марте 1920 года, встречались и в последующие годы.

23

Михаил Афанасьевич Булгаков (3 (15) мая 15 1891, Киев, Российская империя – 10 марта 1940, Москва, СССР) – русский писатель, драматург, театральный режиссер и актер. Автор повестей и рассказов, множества фельетонов, пьес, инсценировок, киносценариев, оперных либретто.

24

Георгий Богданович Якулов, Жорж Якулов (2 (14) января 1884, Тифлис – 28 декабря 1928, Ереван) – русский художник, авангардист, график, театральный художник, создатель «Теории света и происхождения стилей в искусстве», получившей название «Теории разноцветных солнц».

25

Анатолий Борисович Мариенгоф (24 июня (6 июля) 1897, Нижний Новгород – 24 июня 1962, Ленинград) – русский поэт-имажинист, драматург, мемуарист.

26

Слова С. Есенина в пересказе Г. Бениславской.

27

Имеется в виду Чайковский – глава правительства Северной России с 1918 года, созданного из русских белогвардейцев англичанами, оккупировавшими Мурманск и Архангельск.

28

Дункан Ирма (наст. имя Ирма Доретта Генриетта Эрих-Гримм; 1897–1977) – приемная дочь Айседоры Дункан, танцовщица, руководительница (до 1928 года) школы-студии, основанной А. Дункан в Москве.

29

Из комедии И. В. Гоголя «Ревизор»

30

Владислав Фелицианович Ходасевич (16 (28) мая 1886, Москва – 14 июня 1939, Париж) – русский поэт. Выступал также как критик, мемуарист и историк литературы (пушкинист). Ходасевич родился 16 (28) мая 1886 года в Москве.

31

Зинаида Николаевна Райх (21 июня (3 июля) 1894 года, Ростов-на-Дону – 15 июля 1939 года, Москва) – российская актриса, жена Сергея Есенина и Всеволода Мейерхольда.

32

Аня Назарова и Яна Козловская – подруги Галины Бениславской. Я. М. Козловская оставила воспоминания о своей подруге Г. Бениславской.

33

Крэг Генри Эдуард Гордон Крэг, Крейг Генри Эдуард Гордон (16.1.1872, Стивенедж, Хартфордшир – 29.7.1966, Ванс, Франция) – английский режиссер, художник и теоретик театра.

34

Генрих Тоде – немецкий историк искусства (род. в 1857 году), профессор истории искусства в Гейдельберге с 1894 года.

35

Максим Горький – литературный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова, устоявшимся является также неверное употребление настоящего имени писателя в сочетании с псевдонимом – Алексей Максимович Горький, (16 (28) марта 1868, Нижний Новгород, Российская империя – 18 июня 1936, Горки, Московская область, СССР) – русский писатель, прозаик, драматург.

36

Мария Федоровна Андреева (урожденная Юрковская, в первом браке Желябужская; 4 июля 1868, Санкт-Петербург – 8 декабря 1953, Москва) – российская актриса, общественный и политический деятель, гражданская жена Максима Горького с 1904 по 1921 год.

37

Анатолий Васильевич Луначарский (11 (23) ноября 1875, Полтава, Российская империя – 26 декабря 1933, Ментона, Франция) – русский советский писатель, общественный и политический деятель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 года по сентябрь 1929-го – первый нарком просвещения. Академик АН СССР (01.02.1930).

38

Скорее всего, имеется в виду, что С. Есенин получил письмо из Варшавы от издателя или переводчика стихов Есенина и Мариенгофа на идиш.

39

Есенина Екатерина Александровна (1905–1977).

Отец – Александр Никитич Есенин (1873–1931).

41

Николай Алексеевич Клюев (1884-25.10.1937) – русский поэт, прозаик, лидер группы новокрестьянских поэтов.

42

Брак Есенина и А. Дункан был заключен 2 мая 1922 года.

43

Всеволод Вячеславович Иванов (12 (24) февраля 1895, поселок Лебяжье, Семипалатинская область – 15 августа 1963 года, Москва) – русский советский писатель, драматург.

44

Есенину 20 лет

45

Алексей Николаевич Толстой (29 декабря 1882 (10 января 1883), Николаевск, Самарская губерния, Российская империя – 23 февраля 1945, Москва) – русский советский писатель и общественный деятель из рода Толстых, граф. Автор социально-психологических, исторических и научно-фантастических романов, повестей и рассказов, публицистических произведений.

46

Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (до замужества Крандиевская, в первом браке Волькенштейн; 21 января 1888 – 17 сентября 1963) – русская поэтесса. В 1915-35 годах – жена А. Н. Толстого.

47

Вадим Габриэлевич Шершеневич (24 января (5 февраля) 1893, Казань – 18 мая 1942, Барнаул) – поэт, переводчик, один из основателей и главных теоретиков имажинизма.

48

Иван Васильевич Грузинов (8 (20) ноября 1893, Шебаршино, Можайский уезд, Смоленская губерния – 1942, Кунцево) – русский поэт, критик, участник группы имажинистов, один из друзей Сергея Есенина.

49

Жиц Федор Аронович (Арнольдович) (1892–1952) – критик, писатель.

50

Мендельсон Морис Осипович (1904, Екатеринослав – 1982, Москва) – литературовед. Д-р филол. наук (1957), проф. (1959). В 1922-31 жил в США. С 1922 чл. Компартии США. Окончил ф-т обществ, наук Нью-Йоркского гор. колледжа (1926). В 1931 вернулся в СССР.

51

Иван Васильевич Евдокимов (1887–1941) – русский писатель, искусствовед. Родился в семье флотского фельдфебеля. Вырос в деревне под Вологдой. Работал телеграфистом. В 1903–1908 входил в вологодскую большевистскую организацию (член райкома).

52

Поль Пуаре (20 апреля 1879, Париж, Франция – 30 апреля 1944, Париж) – парижский модельер высшего класса, один из самых влиятельных создателей моды.

53

Никита Алексеевич Толстой (1917 – 19 октября 1994) – советский физик, российский общественный и политический деятель. Старший сын известного русского писателя А. Н. Толстого. Доктор физико-математических наук, профессор.

54

Патрик Дункан (1910–1913) – сын А. Дункан от бизнесмена Париса Зингера.

55

Александр Борисович Кусиков (Кусикян; 17 сентября 1896, Армавир – 20 июля 1977, Париж) – русский поэт-имажинист, автор романсов.

56

Чернявский Владимир Степанович (11.11.1889-24.09.1948) – поэт, артист. Один из близких петроградских друзей С. Есенина.

57

Анна Романовна Изряднова (1891–1946) – первая гражданская жена русского поэта Сергея Есенина.

58

Юрий Сергеевич Есенин (1915–1937). Мать – Анна Романовна Изряднова. Окончил вакационный техникум, работал в КБ А. Туполева. Характером был в отца. За смелые высказывания против существующего порядка его, 22-летнего парня, арестовали. В 1937 году расстреляли.

59

Татьяна Сергеевна Есенина (1918–1992) – дочь русского поэта Сергея Есенина от брака с Зинаидой Николаевной Райх, журналистка и писательница.

60

Стихотворение, посвященное Анне Изрядновой.

61

Александр Александрович Блок (16 (28) ноября 1880, Санкт-Петербург, Российская империя – 7 августа 1921, Петроград, РСФСР) – русский поэт, классик русской литературы XX столетия, один из величайших поэтов России.

62

Стихотворение посвящено Анне Изрядновой.

63

Зинаида Николаевна Райх (21 июня (3 июля) 1894 года, Ростов-на-Дону – 15 июля 1939 года, Москва) – российская актриса, жена Сергея Есенина и Всеволода Мейерхольда.

64

Николай Андреевич Райх (1862–1942, имя при рождении – Август Райх, выходец из Силезии) работал железнодорожным машинистом.

65

Константин Сергеевич Есенин (3 февраля 1920, Москва – 26 апреля 1986, там же) – советский спортивный журналист и статистик, специалист по футболу. По основной профессии инженер-строитель. Фронтовик, кавалер трех орденов Красной Звезды.

Зинаиды были черные волосы, так что тут нет намека на измену. Подумаешь, в мать пошел – счастливым будет.

67

Слова С. Есенина из романа А. Мариенгофа «Роман без вранья».

68

Всеволод Эмильевич Мейерхольд (настоящее имя – Карл Казимир Теодор Майергольд, 28 января (9 февраля) 1874, Пенза – 2 февраля 1940, Москва) – русский советский театральный режиссер, актер и педагог.

69

Александр («Алик») Сергеевич Есенин-Вольпин (род. 12 мая 1924, Ленинград, СССР) – математик, философ, поэт, один из лидеров диссидентского и правозащитного движения в СССР, пионер правового просвещения в диссидентских кругах советского общества, организатор «Митинга гласности», состоявшегося в Москве 5 декабря 1965 года, в 1970–1972 годах являлся экспертом Комитета прав человека в СССР, советский политзаключенный (общий срок пребывания в тюрьмах, ссылке и психиатрических клиниках – 6 лет).

Мать – Татьяна Федоровна Титова (1875–1955).

71

Лев Давидович Троцкий (псевдоним, также: Перо, Антид Ото, Л. Седов, Старик и др.); имя при рождении Лейб Давидович Бронштейн; 26 октября (7 ноября) 1879; село Яновка, Елисаветградский уезд, Херсонская губерния, Российская империя (ныне Береславка, Кировоградская область, Украина) – 21 августа 1940; Койоакан, Мехико, Мексика) – революционный деятель XX века, идеолог троцкизма – одного из течений марксизма. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 году, один из создателей Красной армии. Один из основателей и идеологов Коминтерна, член его Исполкома. В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам, затем в 1918–1925 – нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР, затем СССР.

Имеется в виду «Стойло Пегаса», доходы от которого делили между собой Есенин и Мариенгоф.

73

Леонид Григорьевич Мунштейн (псевдоним Лоло; 31.12.1866 (12.01.1867), Екатеринослав – 1947, Ницца) – русский поэт, публицист, драматург, театральный деятель.

74

Владимир Ильич Рындзюн, известный под литературным псевдонимом А. Ветлугин (24 февраля 1897, Ростов-на-Дону – 15 мая 1953, Нью-Йорк) – писатель, публицист, журналист.

75

Минский Николай Максимович (псевдоним; настоящая фамилия Виленкин) Николай Максимович (15(27).01.1855, с. Глубокое, ныне Витебской обл. – 02.07.1937, Париж) – русский писатель.

76

Илья Григорьевич Эренбург (15 (27) января 1891, Киев – 31 августа 1967, Москва) – русский прозаик, поэт, переводчик с французского и испанского языков, публицист, фотограф и общественный деятель.

Газета «Накануне».

78

Максим Максимович Литвинов (настоящее имя – Меер-Генох Моисеевич Валлах (Баллах), псевдонимы: Папаша, Максимыч, Феликс и др.; 5 (17 июля) 1876 года, г. Белосток Гродненской губернии, Российская империя – 31 декабря 1951 года, Москва, СССР) – революционер, советский дипломат и государственный деятель. Член ЦИК СССР второго – седьмого созывов, депутат Верховного Совета СССР первого – второго созывов. Член ЦК ВКП(б) (1934–1941).

79

Газета «Нью-Йорк геральд».

80

Разумник Васильевич Иванов-Разумник (настоящая фамилия Иванов; 12 (24) декабря 1878, Тифлис – 9 июля 1946, Мюнхен) – русский и советский литературовед, литературный критик, социолог, писатель.

81

Белый Андрей (псевдоним, настоящее имя Борис Николаевич Бугаев) (14(26).10.1880, Москва – 08.01.1934, там же), русский писатель, теоретик символизма. Окончил математический факультет Московского университета (1903).

82

Владимир Владимирович Маяковский (7 (19) июля 1893, Багдати, Кутаисская губерния – 14 апреля 1930, Москва) – русский советский поэт, один из крупнейших поэтов XX века. Помимо поэзии ярко проявил себя как драматург, киносценарист, кинорежиссер, киноактер, художник, редактор журналов «ЛЕФ«(«Левый Фронт»), «Новый ЛЕФ».

83

«Израмистил» – имеются в виду строки: «Деве твоей Руси Новое возвестил я Рождение. Сына тебе Родит она… Имя ему– Израмистил». Аббревиатура слов «мистическое изографство» создает есенинский неологизм «Израмистил».

84

Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) – русская писательница, переводчик и литературный критик.

85

Как яйцо, нам сбросит слово // С проклевавшимся птенцом… – заключительные строки поэмы Есенина «Преображение», посвященной адресату.

86

«…Господи, отелись»… – строка из той же поэмы…Желание той зари, которая задирает хвост коровой… – имеются в виду строки «Над тучами, как корова, // Хвост задрала заря».

87

Есенин перефразирует стихи из небольшой поэмы Н. Р. Эрдмана «Автопортрет» (1920): «Вижу юноша маятник ляжек вешает // Женщине под циферблат живота».

88

Александр Михайлович Сахаров (1894–1952) – издательский работник. Познакомился с Есениным в 1919 году, когда работал секретарем секции полиграфических производств Совета народного хозяйства, являлся членом коллегии полиграфического отдела ВСНХ. Автор воспоминаний о Есенине «Воспоминания А. М. Сахарова о Есенине» – журнал «Знамя», 1996.

89

Псевд. Сергея Дмитриевича Головачева (1904–1954).

90

Получите счастливое впечатление.

91

Анна Борисовна Никритина (5 октября 1900 года, Чернигов – 10 декабря 1982 года, Ленинград) – советская талантливая кино– и театральная драматическая актриса, артистка Камерного театра в Москве (до 1928), ленинградского Большого драматического, жена А. Мариенгофа. Заслуженная артистка РСФСР (1934).

92

Огюстен Альфред Жозеф Поль-Бонкур (4 августа 1873, Сен-Эньян, Франция – 28 марта 1972, Париж, Франция). Французский государственный и политический деятель периода Третьей республики. Дипломат.

93

Джордж Бернард Шоу – ирландский драматург, писатель, романист, лауреат Нобелевской премии в области литературы, один из наиболее известных ирландских литературных деятелей.

94

Франц Элленс (Фредерик ван Эрменгем, 8 сентября 1881, Брюссель – 20 января 1972, там же) – бельгийский писатель, писал на французском языке.

95

Рождественский Всеволод Александрович (р. 29.3(10.4).1895, Царское Село, ныне г. Пушкин) – русский советский поэт. Учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета (1914-16).

Получившаяся в результате книжка «Исповедь хулигана» планировалась к выходу в русском издательстве «Вольница» города Парижа. Разумеется, на деньги Дункан.

97

Уолтер Рэли (1552 или 1554 – 29 октября 1618) – английский придворный, государственный деятель, авантюрист, поэт и писатель, историк, фаворит королевы Елизаветы I.

98

Уоррен Гамалиел Хардинг (2 ноября 1865, Морроу, Огайо – 2 августа 1923, Сан-Франциско, Калифорния) – двадцать девятый Президент США с 1921 по 1923 год от Республиканской партии.

Всеволод Рождественский «Сергей Есенин».

100

Брагинский Мани Лейб (наст. фам., псевд. Мани-Лейб; 1884–1953) уроженец Черниговской губернии – поэт, переводчик; переводил произведения Есенина на идиш.

101

Эпилепсия.

102

Файнберг Леон (Лейб) (лит. пс. Л. Гребнев, Алтер Эго, Л. Амарант) (1897, Кодыма Балтского у Подольской губ. – ?), поэт. В 1915 поступил в Моск. ун-т, с 1917 – в Красной гвардии, участвовал в боях против войск Украинской Директории, был адъютантом Я. Б. Гамарника.

103

Изабелла Яковлевна Кремер (более известна как Иза Кремер; 21 октября 1887, Бельцы, Бессарабская губерния – 7 июля 1956, Кордова, Аргентина) – певица, артистка оперы и оперетты.

104

Модест Исаакович Альтшулер (настоящее имя Моисей; 15 февраля 1873, Могилев – 12 сентября 1963, Лос-Анджелес) – российско-американский виолончелист и дирижер.

105

Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М. 1990. С. 582.

106

Матвей Давидович Ройзман (1896, Москва – 1973, там же) – русский поэт и прозаик, мемуарист. Родился в семье состоятельного ремесленника. В 1914 году с серебряной медалью окончил Коммерческое училище в Москве.

107

Яков Григорьевич Блюмкин (Симха-Янкев Гершевич Блюмкин псевдонимы: Исаев, Макс, Владимиров; дата рождения неизвестна (около 1900), точная дата смерти неизвестна) – революционер, чекист, советский разведчик, террорист и государственный деятель. Один из создателей советских разведывательных служб.

108

Сергей Антонович Клычков (деревенское прозвище семьи, использовавшееся иногда как псевдоним, – Лешенков; 5 (13) июля 1889, Дубровки, Тверская губерния – 8 октября 1937) – русский и советский поэт, прозаик и переводчик.

109

Петр Васильевич Орешин (16 (28) июля 1887, Аткарск, Саратовская губерния – 15 марта 1938, СССР) – русский и советский поэт и прозаик. Основные направления его творчества – это поэтизация природы, сельского быта.

110

Сергей Митрофанович Городецкий (5 (17) января 1884, Санкт-Петербург, Российская империя – 7 июня 1967, Обнинск, СССР) – русский и советский поэт.

111

Иван Приблудный (настоящее имя Яков Петрович Овчаренко; 1 (14) декабря 1905, село Безгиново, Старобельский уезд, Екатеринославская губерния, Российская империя – 13 августа 1937, Москва, СССР) – русский советский поэт. Родился в крестьянской семье.

112

Илларион Виссарионович Мгеладзе (псевдоним – Илья Бардин) (1890, Акети, ныне Ланчхутский муниципалитет – 27 июля 1941) – советский литератор, критик, публицист, политический деятель.

113

Наседкин Василий Федорович (1895) – современный поэт. Родился в семье крестьянина. Окончил стерлитамакское 4-классное училище. Начал печататься с 1923. С 1923 по 1928 состоял в группе «Перевал», с 1930 член ВОПКП. Наседкин по преимуществу лирик. На раннем его творчестве лежит печать мелкобуржуазного индивидуализма, сказывается влияние Есенина. Муж Екатерины Есениной.

114

Алексей Алексеевич Ганин (1893, деревня Коншино, Кадниковский уезд, Вологодская губерния – 1925, Москва) – русский поэт и прозаик, близкий друг Сергея Есенина.

115

Муран Константин Михайлович – журналист, поэт. В письме к Г. Бениславской от 12 мая 1925 года Есенин называет его своим «бакинским другом»

116

Василий Иванович Болдовкин (1903–1963) – комендант Советского посольства в Тегеране (1923–1928), дипломатический курьер, близкий друг С. А. Есенина.

117

Петр Васильевич Орешин (16 (28) июля 1887, Аткарск, Саратовская губерния – 15 марта 1938, СССР) – русский и советский поэт и прозаик.

118

Письмо написано на листах бумаги, вырванных из конторской книги.

119

Немало усилий было потрачено Бениславской и Бардиным для того, чтобы отправить Есенина на лечение в Крым.

120

Шмерельсон Григорий Бенедиктович (1901–1943) – поэт, участник литературной группы ленинградских имажинистов.

121

Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) – российский режиссер, народный артист России (1935). Сценическая деятельность с 1905.

122

Николай Николаевич Никитин (1895–1963) – русский советский писатель, драматург, сценарист. Лауреат Сталинской премии второй степени (1951).

123

Алиса Георгиевна Коонен (17 октября 1889 – 20 августа 1974) – русская советская актриса, Народная артистка РСФСР (1935), жена А. Я. Таирова. Алиса Георгиевна Коонен родилась 17 октября 1889 года в семье выходцев из Бельгии.

124

В то время А. А. Берзинь работала в Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ).

125

Есенин в это время жил на квартире И. Бардина

126

Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов (25 сентября (7 октября) 1885, Астрахань – 3 сентября 1938, «Коммунарка», Московская область) – русский советский писатель.

127

Иван Петрович Флеровский (19 января 1888, Катунки – 9 ноября 1959, Москва) – российский революционный деятель и журналист.

128

Феоктист Алексеевич Березовский (1877–1952) – русский советский прозаик, революционер, партийный деятель. Член РСДРП с 1904 года. Отец – солдат, погиб на русско-турецкой войне 1877-78.

129

Имеется в виду И. Бардин, имажинисты обычно давали друг другу прозвища. Вот и Есенин назвал Берзинь и Бардина матерью и отцом.

130

А. Берзинь писала Есенину 18 августа 1924 года: «Бардин и на этот раз прав, – жесточайше, вернейше прав. Если вам не трудно и если вы согласны с нами, то и я прошу исправить». Имеется в виду письмо к Есенину, в котором И. Бардин настаивал на исправлениях в тексте «Песни о великом походе»: «Я очень просил бы вас принять во внимание приведенные мною бесспорные соображения и конец переделать. Блок испортил «Двенадцать» Христом, неужели вы испортите вашу прекрасную вещь Петром?».

131

Одну из своих записок А. Берзинь завершила словами: «Ваша до конца дней своих…»

В. Кузнецов «Тайна гибели Есенина».

133

Вержбицкий Николай Константинович (1889–1973) – писатель.

134

Поездка в Персию (Иран) не состоялась. В. И. Болдовкин, который в 1923 году работал в Персии, писал, что поэт задавал ему «множество вопросов о Персии. Я почувствовал, что Персия не дает ему покоя, тянет к себе» (газета «Молодежный курьер», Рязань, 1991, 26 дек., № 76; спец. вып. «Тропа к Есенину»; подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 638–642). Есенин работал над «Персидскими мотивами».

135

Василий Васильевич Казин (25 июля (6 августа) 1898, Москва – 1 октября 1981) – русский поэт. Окончил реальное училище. Впервые напечатал свои стихи шестнадцатилетним юношей в 1914 году в газете.

136

Повицкий Лев Иосифович (1885–1974) – журналист, участник революционного движения. Познакомился с Есениным в 1918 году в Москве и поддерживал с ним дружеские отношения до конца жизни поэта. Особенно теплыми они были весной 1920 года в Харькове и в зимние месяцы 1924–1925 годов в Батуме.

137

Зимой 1924–1925 года Есенин жил в Батуми (Батуме) на квартире своего друга Л. И. Повицкого.

138

Николай Семенович Ангарский настоящая фамилия Клестов (6 декабря 1873, Смоленск – 27 июля 1941) – революционер, большевик, литературный критик, партийный литератор.

139

Соколова Константин Алексеевич (1887–1963) – художник друг Сергея Есенина.

140

Ричиотти Владимир (настоящее имя Леонид Осипович Турутович) (31.3.(12.4).1899, Петербург – 21.8.1939, Кисловодск) – поэт, прозаик.

141

С. Есенин «Черный человек».

142

Паоло Джибраэлович Яшвили (Иашвили, 17 (29) июня 1895, Аргвети, Российская империя – 22 июля 1937, Тбилиси, СССР) – грузинский советский поэт и общественный деятель.

143

Табидзе (урожд. княжна Макашвили) Нина Александровна (1902–1965) – мемуаристка, жена поэта Т. Ю. Табидзе. Врач по специальности. Познакомилась с Есениным осенью 1924 года во время пребывания поэта в Тифлисе. Между ними установились теплые дружественные отношения.

Эрлих обещал помочь издать «Песни о великом походе» и «Поэмы о 36».

145

Иван Петрович Флеровский (19 января 1888, Катунки – 9 ноября 1959, Москва) – российский революционный деятель и журналист. Участник революции 1905–1907 годов. Член РСДРП с 1905 года.

146

Рюрик Ивнев (настоящее имя Михаил Александрович Ковалев; 11 февраля (23 февраля) 1891, Тифлис, Российская империя, – 19 февраля 1981, Москва, СССР) – русский поэт, прозаик, переводчик. Родился в революционно настроенной дворянской семье.

147

Мэри Дести – урожденная Мэри Эстель Демпси, родилась в Квебеке, Канада. В своей жизни попробовала многое: танцевала, пела, открывала крошечные парфюмерные производства, которые сама же называла «фабрики». Мать писателя Престона Стерджеса. Написала книгу об Айседоре Дункан «Нерассказанная история».

148

Из воспоминаний Всеволода Рождественского.

149

Речь идет об И. Бардине.

150

Н. К. Вержбицкий вспоминал: «Есенин простудился, стал сильно кашлять и пресерьезнейшим образом уверял меня, что у него горловая чахотка и он скоро умрет».

151

Иван Михайлович Касаткин (1880, дер. Барановица, Кологривский уезд, Костромская губерния – 21 апреля 1938, Москва) – русский советский писатель, сотрудник ВЧК.

152

Илья Ионович Ионов (настоящая фамилия Бернштейн, 1 (13) августа 1887, Одесса – 1942 Севлаг) – российский революционер и издательский работник. Поэт, знакомый Сергея Есенина.

Издательство «Современная Россия»

154

Речь идет о той самой мисс Оль.

155

Богомильский Д. К., издательство артели писателей «Круг».

156

Шаганэ Нерсесовна Тальян. Знакомая поэта, учительница русского языка и литературы, армянка по национальности. Родилась в 1900 году. С Есениным познакомилась во время его пребывания в Батуми в зимние месяцы 1924-25 года. Ее звучное восточное имя Есенин ввел в несколько стихотворений цикла «Персидские мотивы».

157

Петр Иванович Чагин (настоящая фамилия Болдовкин) (9 июня 1898 – 28 октября 1967) – советский журналист, партийный и издательский работник, литературный деятель.

158

Имеется в виду, что тогда С. Есенин слал Г. Бениславской телеграмму за телеграммой с требованием денег, а она не отвечала.

159

Ольга Есенина умерла в возрасте трех лет.

160

Эта строчка является ответом на вопрос Галины: «Напишите, кстати, посылать ли книги (разве в Баку их нет?) и какие: переводную литературу, нашу ли за последнее время, стихи, прозу?».

161

Имеется в виду май-июнь 1925 года.

162

Брак был зарегистрирован 18 сентября 1925 года.

163

В Крым они не поехали, ограничившись Баку, выехали 25 июля 1925 года, жили на даче П. И. Чагина в Мардакянах до 3 сент.

164

Виктор Петрович Яблонский (фамилия при рождении Зайкин, 1897–1941) – российский, советский актер театра и кино, поэт.

165

Иван Федорович Копытин (1894–1979) был односельчанином и другом детства Сергея Есенина.

166

Речь идет о М. Н. Мейчике.

167

20 июля 1925 года Есенин сделал дарственную надпись на книге «Персидские мотивы»: «Для милого Марка с любовью жаркой только с просьбой «не кусаться» и не ругаться».

И. В. Евдокимов.

169

Прежде деньги в Госиздате согласно доверенности получала Екатерина, но Есенин рассорился с любимой сестрой.

170

Садофьев Илья Иванович – русский советский поэт, переводчик. Председатель Ленинградского Союза поэтов.

171

Христиан Георгиевич Раковский (псевдоним Инсаров, наст. фамилия Станчев, урожденный 1 августа 1873 года, Котел – 11 сентября 1941) – советский политический, государственный и дипломатический деятель. Участвовал в революционном движении на Балканах, во Франции, в Германии, России и Украине.

172

Петр Борисович Ганнушкин (24 февраля (8 марта) 1875 – 23 февраля 1933, Москва) – русский психиатр, ученик С. С. Корсакова и В. П. Сербского, создатель оригинальной психиатрической школы.

173

Есенин уехал в Ленинград 23 декабря 1925 года.

174

Василий Иванович Качалов (настоящая фамилия– Шверубович; 1875–1948) – ведущий актер труппы Станиславского, один из первых Народных артистов СССР (1936). Его имя носит Казанский драматический театр, один из старейших в России.

175

Павел Николаевич Медведев (23 декабря 1891 (4 января 1892 года), Петербург – 17 июля 1938, Ленинград) – теоретик и историк литературы, литературный критик, профессор Санкт-Петербургского университета.

176

Раймонд Дункан (Сан-Франциско 1874–1966) – американский танцор, художник, поэт и философ, брат танцовщицы Дункан, Айседора.

177

Борис Андреевич Пильняк (настоящая фамилия Вогау, 29 сентября (11 октября) 1894, Можайск – 21 апреля 1938, Москва) – русский писатель, поэт.

И. Дункан, А. Р. Макдугалл. «Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции».